

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ · НАКАЗАНИЕ · ИСПРАВЛЕНИЕ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Бабурин С.В. – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Середа С.П. – ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Беляева Л.И. – профессор кафедры уголовной политики и организации предупреждения преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Колодкин Л.М. – профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Кругликов Л.Л. – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член МАН ВШ и РАЕН;

Новиков А.А. – начальник управления воспитательной, социальной и психологической работы ФСИН России;

Поздняков В.М. – профессор кафедры уголовного права и процесса Российского университета дружбы народов, доктор психологических наук, профессор, почетный сотрудник МВД России;

Селиверстов В.И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Старостин С.А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор;

Шабанов В.Б. – заведующий кафедрой криминологии юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Баламут А.Н. – доцент кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент;

Гаврилов Б.Я. – заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Голодов П.В. – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по научной работе, кандидат юридических наук, доцент;

Зауторова Э.В. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования;

Зубкова В.И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор;

Ищенко Е.П. – заведующий кафедрой криминологии Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Козаченко И.Я. – заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Кузьминых А.Л. – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Оботурова Н.С. – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по учебной работе, доктор философских наук, доцент;

Попова И.Н. – начальник редакционно-издательского отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат филологических наук;

Пудовочкин Ю.Е. – профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор;

Спасенников Б.А. – главный научный сотрудник Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор;

Шаталов А.С. – профессор кафедры судебной власти Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук по трем отраслям науки: 12.00.00 «Юридические науки»; 19.00.00 «Психологические науки»; 13.00.00 «Педагогические науки»

Журнал выходит четыре раза в год

ISSN 2076-4162

№ 3 (35)

Вологда 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	4	ПОПОВИЧ М.М. Добровольное страхование осужденных	67
КУЗЬМИН С.И., ЯКУШИНА Е.С. Система мер борьбы с побегами и другими протестными действиями заключенных в местах лишения свободы в 30-е гг. XX в. в СССР	4	ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	71
ГОЛОВКИН Р.Б., МЕЛЬНИКОВ А.С. О понятии «юридические советы»	8	СПЕРАНСКАЯ А.В. Модель деятельности специалиста на примере должности начальника отряда исправительного учреждения	71
СПАСЕННИКОВ Б.А., КОПЫТКИН С.А. О проблемах судебно-психиатрической экспертизы в судебно-следственной практике	13	СУЧКОВА Е.Л. Теоретико-методологические проблемы изучения психологии группового правосознания осужденных	76
ГАВРИЛОВ Б.Я. Стадия возбуждения уголовного дела: современное состояние и перспективы совершенствования	17	ФЕДОРОВА Е.М., ПЕРВОЗВАНСКИЙ В.Б. Некоторые аспекты антикоррупционной психопрофилактической работы с сотрудниками ФСИН России	80
ПОТАПОВ А.М., ЛЕПЩИКОВ А.Н. О личности осужденных, освобождаемых от отбывания наказания в виде лишения свободы	23	ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	85
САВУШКИН С.М. Предпосылки совершенствования института классификации осужденных к лишению свободы ..	30	БЕЛЯЕВА Л.И. Организация воспитания несовершеннолетних правонарушителей в Вологодском исправительном приюте (кон. XIX – нач. XX вв.)	85
ВАСИЛЬЕВА Я.В. Административно-юрисдикционные полномочия комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав и их роль в профилактике преступлений и иных правонарушений несовершеннолетних ...	34	ТЮГАЕВА Н.А. Адаптация личности осужденных к условиям отбывания наказания в исправительном учреждении как психолого-педагогическая проблема	91
КИМАЧЕВ А.Н. К вопросу об оставлении в воспитательных колониях осужденных к лишению свободы, достигших совершеннолетия	40	ЗАУТОРОВА Э.В., МАКЕЕВА И.А. Гражданственность как междисциплинарная категория и интегративная характеристика личности	94
ПЕРОВ С.В. Актуальные проблемы организации нормотворческой деятельности в Федеральной службе исполнения наказаний ...	47	БАБКИН А.А., КРЮКОВА Д.Ю., ПАНФИЛОВА О.А. Вопросы методического сопровождения курсов «Информационная безопасность» и «Информационное обеспечение государственных закупок» в системе вузовского ведомственного образования	99
БЕЛОВА Н.А. Наказание женщин за колдовство в Московском государстве в XV–XVII вв.	51	РЕЦЕНЗИИ	105
РЫЖОВ Э.В., ЗАВИТОВА С.В. Проблемные вопросы привлечения государственного служащего к дисциплинарной ответственности за совершение коррупционного правонарушения	55	ПОПОВ Л.Л. Рецензия на монографию Р.В. Нагорных «Теоретические основы государственной правоохранительной службы Российской Федерации»	105
СЕРГЕЕВ Д.Н. Дифференциация и индивидуализация оснований установления постпенитенциарного контроля	59	ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ	106
ГОЛОДОВ П.В., РУДАКОВ А.М. Критерии оценки поведения осужденных в уголовно-исполнительном законодательстве: вопросы систематизации	64	СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	106

CONTENT

JURISPRUDENCE	4	POPOVICH M.M. Voluntary insurance of convicts	67
KUZMIN S.I., YAKUSHINA E.S. Some ways to evade compulsory labor by inmates in prisons in the 30-ies years of the XX century	4	PSYCHOLOGY	71
GOLOVKIN R.B., MELNIKOV A.S. The concept of «legal advice»	8	SPERANSKAYA A.V. Model of professional activity on the example of the unit chief in the correctional institution	71
SPASENNIKOV B.A., KOPYTKIN S.A. On the problems of the forensic psychiatric examination in judicial and investigative practice	13	SUCHKOVA E.L. Theoretical and methodological problems of psychology study convicted group sense of justice	76
GAVRILOV B.YA. Stage of criminal proceedings: the current state and prospects of perfection	17	FEDOROVA E.M., PERVOZVANSKY V.B. Some aspects of the anti-corruption psychoprophylaxis with employees of the Federal Penal Service of Russia	80
POTAPOV A.M., LEPSHCHIKOV A.N. About the personality of convicted, released from serving imprisonment	23	PEDAGOGY	85
SAVUSHKIN S.M. Preconditions for improving classification institute of sentenced to imprisonment.	30	BELYAEVA L.I. Organization of education juvenile offenders in the Vologda correctional asylum (late XIX – beginning of XX centuries).	85
VASILYEVA YA.V. Administrative-jurisdictional authority of the commissions for minors and protection of their rights and their role in preventing crimes and other offenses of minors	34	TYUGAEVA O.N. Adaptation of the convicts personality to the conditions of serving the sentence in prison as a psychological and pedagogical problem	91
KIMACHEV A.N. On the issue of staying young offenders sentenced to imprisonment in education colonies coming the age of majority	40	ZAUTOVA E.V., MAKEYEVA I.A. Civic consciousness as an interdisciplinary category and integrative personality characteristics	94
PEROV S.V. Actual problems of organization norm-setting in the Federal Penal Service	47	BABKIN A.A., KRYUKOVA D.YU., PANFILOVA O.A. Questions of methodical support of the course «Information Security» and «Information support of state procurements» in the system of higher departmental education	99
BELOVA N.A. Punishment of women for witchcraft in the Moscow State in the XV-XVII centuries	51	REVIEWS	105
RYZHOV E.V., ZAVITOVA S.V. Problematic issues bringing of state employee to disciplinary responsibility for a corruption offense	55	POPOV L.L. Review of the monograph R.V. Nagornykh «Theoretical Foundations of the state law-enforcement service of the Russian Federation»	105
SERGEEV D.N. Differentiation and individualization of grounds establishing a post-penitentiary monitoring	59	INFORMATION, ADVERTISEMENTS	106
GOLODOV P.V., RUDAKOV A.M. Criteria for the behavior evaluation of the convicts in the penal law: issues of systematization.	64	INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	106

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 343.82

Система мер борьбы с побегами и другими протестными действиями заключенных в местах лишения свободы в 30-е гг. XX в. в СССР

С.И. КУЗЬМИН – профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Е.С. ЯКУШИНА – преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала Московского университета МВД России, кандидат юридических наук

В статье анализируются особенности исправительно-трудовой политики советского государства в 30-е гг. XX в., дается оценка мер, принимаемых руководством мест лишения свободы в борьбе с побегами и другими протестными действиями заключенных; рассматриваются факторы, способствовавшие побегам и другим формам уклонения от отбывания наказания в виде лишения свободы, в том числе уклонения от обязанности трудиться.

К л ю ч е в ы е с л о в а : пенитенциарная система, исправительно-трудовые лагеря, трудовые процессы, принудительный труд, предотвращение побегов, протестные действия заключенных.

Some ways to evade compulsory labor by inmates in prisons in the 30-ies years of the XX century

S.I. KUZMIN – Professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicted of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor;

E.S. YAKUSHINA – Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD. in Law

The article analyzes the characteristics of forced labor policy of the Soviet state in the 30-ies of XX century, evaluated is the measures system taken by the management of prisons in dealing with escapes and other protest actions of the prisoners; it examines the factors that contributed to the escapes and other forms of evasion from serving the penalty of deprivation of liberty, including the evasion of the obligation to work.

Key words: penal system; forced labor camps; labor processes; forced labor; to prevent the escape; the prisoners protest actions.

Отличительной чертой советской карательной системы стал обязательный труд, который, согласно международному праву, если к нему привлекаются граждане в соответствии с фактом осуждения, не является принудительным. К тому же любой политиче-

ский режим стремится хотя бы частично окупить содержание заключенных в изоляции. Идеологи советской пенитенциарной политики с первых лет ставили задачу «приучения праздного и паразитического элемента к труду», так как полагали, что в государстве нового типа, способном ликвидировать безработицу, удастся победить уголовную преступность, предоставив возможность честным трудом заработать себе на жизнь¹.

В первые годы функционирования исправительно-трудовых лагерей изоляция заключенных от общества выражалась в направлении их в необжитые места на севере страны, Дальнем Востоке, в Казахстане и т.д. Проживали они на неохраямой территории под надзором, а для предотвращения побегов устраивались заставы военизированной охраны, которая комплектовалась из самих заключенных, до осуждения служивших в Красной армии, на флоте или в правоохранительных органах.

Следует отметить, что опыт борьбы с побегами заключенных из лагерей формировался еще в период интенсивного роста численности контингента Соловецких лагерей ОГПУ, где на апрель 1930 г. содержалось 57 325 заключенных (54 973 мужчины и 2352 женщины). В сводке побегов из всех подразделений УСЛОН отмечалось, что с 1 октября 1929 г. по 1 апреля 1930 г. бежало 1540 заключенных, из них была задержано 1084, убито 78, не разыскано 378 чел.² Побегии преимущественно совершались с места работ заключенных, особенно лесоразработок. При установлении факта побега силами военизированной охраны проводились первичные мероприятия по поимке сбежавших. Через сутки информация передавалась в лагерное отделение, руководитель которого давал задание соответствующим заставам уведомить разные учреждения и ставил в известность управления лагерей. Фактически розыск велся военизированной охраной в районе подразделения, из которого был совершен побег. Информировались заставы, перекрывавшие возможные пути движения бежавших. Отсутствие согласованных оперативных мероприятий осложняло и затягивало розыскные мероприятия.

В начале 30-х гг. XX в. прослеживалась побеговая активность со стороны трех категорий заключенных: осужденных за шпионаж, участников повстанческого движения и контрреволюционеров. В частности, в 1932 г. попытку побега предпринял капитан мотобота «Волгарь» заключенный Горский Н.Н., осужденный в 1925 г. за шпионаж. Следуя на

мотоботе, на котором была спрятана гражданка Камбулова, из Кандалакши в Мурманск, он попытался склонить моториста Гробусова и рулевого Овсянникова совершить вместе с ним побег. Однако матросы связали капитана и сдали его вместе с Кабуловой в Мурманске в окружной отдел ОГПУ. При обыске на боте были обнаружены приготовленные Горским норвежский флаг и карта заграничного плавания у берегов Норвегии³.

Одним из факторов, способствовавших побегам, являлось то, что население не только не помогало в поимке беглецов, но и зачастую оказывало им помощь, предоставляя ночлег, еду, одежду. Но сбежавшие нередко занимались грабежом. В целях предотвращения преступлений в районе расположения лагерей стала проводиться разъяснительная работа среди населения. Это позволило значительно снизить побеговую активность заключенных.

В первое время карательная политика в отношении побегов из мест лишения свободы в основном выражалась в увеличении срока отбывания наказания. Однако уже в 1931 г., как об этом свидетельствуют архивные документы, к восьми заключенным была применена высшая мера наказания – расстрел. Их дела были рассмотрены ОГПУ СССР в соответствии с Постановлением Президиума ЦИК СССР от 13.06.1930 г. «Об ответственности административно-технического персонала исправительно-трудовых лагерей и об ответственности лиц, совершивших побег из ИТЛ». В этом нормативном акте указывалось, что за побег, совершенный вторично или лицом вооруженным, или с насилием над стражей, или группой лиц, срок заключения увеличивался до 10 лет. К лицам, осужденным за контрреволюционные преступления или бандитизм, в этих случаях могла быть применена высшая мера – расстрел⁴.

Несмотря на вышеуказанное постановление, практика ответственности заключенных за побегии из мест лишения свободы не была однозначной. Это подтверждают архивные документы Карагандинского ИТЛ. Здесь за побегии применялось водворение виновных в штрафной изолятор. В частности, в 1932 г. в штрафной изолятор были помещены на 6 месяцев – 10 чел., на 5 месяцев – 4 чел., на 3 месяца – 2 чел. и на 2 месяца – 8 чел.⁵ Время, которое заключенный находился в бегах, не подлежало включению в срок отбытого наказания. Об этом свидетельствует Постановление информационно-следственного отдела лагеря № 203 от 21.02.1932 г., в соот-

ветствии с которым заключенные за побег подлежали переводу в штрафной изолятор на срок до 6 месяцев. Из основного срока заключения исключалось по 30 суток (время пребывания в бегах). Данное постановление считалось условным и не приводилось в исполнение впредь до совершения какого-либо преступления⁶.

В отдельных лагерях борьбе с побеговой активностью заключенных не придавалось должного значения. В письме заместителя начальника УНКВД по Северному краю Шийрон в адрес начальника Ухто-Печорского ИТЛ Я.М. Мороза от 09.10.1934 г. прямо указывалось, что борьба с побегами совершенно не ведется. «Оживление работы III отдела лагеря свелось к увеличению выпуска информационных сводок, построенных на первичных (часто не проверенных) донесениях осведомителей или личных впечатлениях работников III отдела»⁷. О том, что борьба с побегами не велась и в последующие годы, свидетельствует докладная записка секретаря Усть-Вымского РК ВКП(б) И.Ф. Лапина в Коми обком ВКП(б) т. Семичеву, в которой сообщалось, что «за побеги из 5-го отделения за 1937 год никого не судили»⁸.

Производственно-хозяйственная деятельность в лагерях требовала максимального использования бесконвойных заключенных, что позволяло также экономить средства за счет военизированной охраны. Однако массовые побеги заключенных не только нарушали нормальную деятельность лагерей, но и подрывали фундаментальные основы новой карательной политики государства, рассчитанной на самоокупаемость мест лишения свободы. На сокращение побеговой активности заключенных администрация лагерей нацеливал циркуляр ГУЛАГа ОГПУ № 109 от 21.05.1934 г., содержащий дополнительные указания к Временному положению об организации борьбы с побегами заключенных из исправительно-трудовых лагерей ОГПУ, которым преследовалась цель введения круговой поруки среди заключенных. Циркуляр требовал формировать бесконвойные бригады, трудовые артели, трудовые коллективы на основе ответственности всех за действия одного. Круговая порука должна была приниматься с общего согласия заключенных производственного подразделения и оформляться на общих собраниях с обязательным протоколированием обязательств и подписью каждого в протоколе. Протоколы общих собраний со списками предварительно согласовывались с III отделом, который в отношении отдельных заключенных

мог не дать согласия. Заключенные, не желавшие брать на себя обязательства круговой поруки, а также если со стороны общего собрания или III отдела последуют отводы, к бесконвойным работам не допускались.

Бесконвойным производственным подразделениям, зарекомендовавшим себя с положительной стороны в быту и на производстве, предоставлялись преимущества в культурно-бытовом обслуживании (лучшие общежития, просмотр кинофильмов, концерты художественной самодеятельности и агитбригад и др.). Руководителям лагерей рекомендовалось поощрять заключенных, активно боровшихся с побегами, в том числе представлять к условно-досрочному освобождению или сокращению срока наказания. Само право бесконвойного передвижения расценивалось как особая мера поощрения, что отражалось в характеристике.

Резкий рост численности заключенных в некоторых исправительно-трудовых лагерях в начале 30-х гг. XX в., в том числе за счет числа истощенных этапированных из домов заключения ГУМЗ НКВД РСФСР и союзных республик, при неудовлетворительных материально-бытовых условиях и медицинском обеспечении неизбежно приводил к увеличению заболеваемости. В то же время Главное управление лагерей отмечало участвовавшие случаи искусственных заболеваний заключенных в целях как временного освобождения от работ, так и досрочного освобождения из лагерей по инвалидности. Практиковавшиеся медицинскими разгрузочными комиссиями досрочные освобождения из лагерей по болезни и инвалидности вызывали у заключенных стремление «заболеть», чтобы попасть под освобождение.

Первоначально в лагерях для достижения этой цели заключенные прибегали к саморубам, членовредительству, а затем стали использовать средства, вызывавшие желудочно-кишечные расстройства и даже отеки из-за поедания большого количества соли, сухого кофе, употребления некипяченой воды.

В Указании ГУЛАГа № 663570 от 25.05.1933 г. начальником исправительно-трудовых лагерей в целях усиления борьбы с симуляцией болезней и членовредительством среди заключенных пояснялось, что смертельные случаи отравлений дикорастущими растениями (в Дмитлаге и Балахне) вызывались не только желанием полакомиться или пополнить питание, но и предвидением возможности заболеть. С такой же целью следовало расценивать и поедание отбросов из помоек. Увеличение

желудочно-кишечных заболеваний в летнее время затрудняло распознавание искусственных заболеваний⁹.

Нежелание искупать вину трудом, к чему призывали руководители ОГПУ, вызывало протестные действия со стороны заключенных, иногда оригинальные. Вот как об этом написал в рапорте на имя председателя ОГПУ Г.Г. Ягоды уполномоченный коллегии В.Д. Фельдман: «Приехали из Смоленска сотни две заключенных. Поместили в барак. На утро приходят все босые, а некоторые совсем раздеты. Обувь сожгли, чтобы не идти на работу. “Босые не пойдем, а выдадите еще – опят сожжем”. Что делать?»¹⁰

Эта форма протеста, зародившаяся в Управлении северных лагерей особого назначения в конце 1928 г., встречалась во всех лагерях, например, при строительстве канала Москва-Волга. С 1 октября по 15 декабря 1935 г. осужденные продали важнейшие предметы вещевого довольствия на сумму 140 000 руб. По Юрьевскому району лагерниками были проданы 133 телогрейки, 261 полупальто, 73 пары ватных шаровар, 249 пар валенок, 74 одеяла, 458 пар кожаной обуви. Не лучше обстояли дела в Центральном районе, где заключенными были проданы 190 полупальто, 119 телогреек, 73 пары ватных шаровар, 152 пары валенок, 129 одеял и 292 пары кожаной обуви¹¹.

Одной из форм протеста против карательной политики и условий содержания служили голодовки. Эта форма протеста использовалась в 30-е гг. только политическими заключенными. Архивные документы свидетельствуют о том, что наиболее известной из них была голодовка политзаключенных Верхнеуральского изолятора. Поводом послужило ранение в грудь часовым с вышки троцкиста Есосяна, стоявшего у окна камеры и переговаривавшегося с другими заключенными. В связи с этим в знак протеста всеми заключенными изолятора было выдвинуто требование приезда комиссии для расследования и придания суду виновных, а также смягчения режима содержания. Голодовка началась 26 апреля 1931 г., продолжалась 5 дней и была прекращена после обещания, что комиссия приедет. Однако по объективным причинам, как об этом докладывал исполняющий обязанности прокурора Верховного Суда СССР Р.П. Катонян секретарю ЦИК СССР А.С. Енукидзе 20 июля 1931 г., комиссия смогла выехать только 27 июня¹².

После того как Н.И. Ежов возглавил НКВД СССР, он распорядился этапировать контингент заключенных из политизоляторов в исправительно-трудовые лагеря для ис-

пользования в трудовых процессах. В частности, большая группа политзаключенных была направлена для отбывания наказания в Воркутинский ИТЛ. Условия содержания в лагерях оказались для них достаточно либеральными. Это усматривается из заявления заключенного М.А. Рыбальченко, в котором он сообщал, что на участке Воркута содержатся троцкисты, которые не работают, а получают масло, молоко и другие продукты. Начальник пересыльного пункта Уса и начальник тяги Воркутинской железной дороги содержат троцкистов в лучших условиях по сравнению с другими заключенными и снабжают продуктами¹³.

Осужденные на срок от 3 до 5 лет за контрреволюционную троцкистскую деятельность считали себя не обязанными работать в лагере и отбывать там наказание, требовали возвратиться их в политизоляторы, а в лагерях содержать на положении политзаключенных. Для достижения своей цели они объявили голодовку, в которой по состоянию на 20 ноября 1936 г. участвовало 160 чел. Среди них находились сын Л. Троцкого Седов Сергей Львович, Рютин Виссарион Мартынович и другие известные личности. Отдельные заключенные голодовку объявляли неоднократно. Так, помощник начальника управления, начальник 3 отдела старший лейтенант госбезопасности Черноиванов 23 ноября обратился за получением санкции к прокурору Ухтопечлага Цареву для применения принудительного кормления Гинзбург Елены Яковлевны, объявившей вторичную голодовку 17 ноября 1936 г. Поскольку состояние здоровья заключенной угрожало жизни, то он просил не задерживаться с ответом. В тот же день разрешение от прокурора было получено¹⁴.

По указанию Н.И. Ежова в начале 1937 г. проводилась проверка существовавшего в тюрьмах особого назначения НКВД режима содержания, куда из лагерей стремились попасть политические заключенные, ранее отбывавшие там наказание. В изданном по результатам проверки приказе НКВД СССР № 00112 от 15.03.1937 г. отмечалось, что этот режим не обеспечивает должной изоляции особо опасных государственных преступников и извращает линию карательной политики в отношении наиболее озлобленных врагов советской власти.

Отрицательную роль для повседневной деятельности системы исправительно-трудовых лагерей играло и взятое ОГПУ обязательство сделать ее самокупаемой. Вследствие этого заключенные обрекались на полуголодное существование, тяжелей-

шие материально-бытовые условия и неудовлетворительное медицинское обслуживание. К тому же недостаточный контроль, особенно в отдаленных лагерных пунктах, за деятельностью низовой администрации способствовал распространению лагерного бандитизма, породил злоупотребления со стороны должностных лиц, незаконные расстрелы, ущемление прав осужденных и

др. Все это вызывало протестные действия заключенных против карательной политики государства и условий содержания в местах лишения свободы. В последующие годы эволюция протестных действий заключенных непосредственно связана с изменением карательной и исправительно-трудовой политики государства на различных этапах развития советского государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. подр.: Кузьмин С.И., Якушина Е.С. Аналитическая справка по истории развития исправительно-трудовых учреждений в Советском государстве (1917–1953 гг.): Учеб. пособие. Руза, 2014.

² См.: История сталинского ГУЛАГа: В 7 т. М., 2004. Т. 4. С. 139, 141.

³ См.: ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 64. Д. 1074. Л. 47–48.

⁴ См.: Там же. Д. 912. Л. 5.

⁵ См.: Архив Карагандинского ИТЛ. 1932. Д. 1. Л. 33–34.

⁶ См.: Там же. Л. 161.

⁷ Архив МВД Республики Коми. Ф. 6. Оп. 33. Д. 33. Л. 64.

⁸ Там же. Л. 136–137.

⁹ См.: ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 2741. Л. 21.

¹⁰ История сталинского ГУЛАГа. Т. 2. С. 72.

¹¹ См.: ГА РФ. Ф. Р-9489. Оп. 1. Д. 89. Л. 70.

¹² См.: Там же. Ф. Р-3316. Оп. 65. Д. 71. Л. 2–5.

¹³ См.: Там же. Д. 2. Л. 96.

¹⁴ См.: Там же. Л. 6–12.

¹ См. подр.: Kuz'min S.I., Jakushina E.S. Analiticheskaja spravka po istorii razvitija ispravitel'no-trudovyh uchrezhdenij v Sovetskom gosudarstve (1917–1953 gg.): Ucheb. posobie. Ruza, 2014.

² Istorija stalinskogo GULAGa: V 7 t. M., 2004. T. 4. S. 139, 141.

³ См.: GA RF. F. R-3316. Op. 64. D. 1074. L. 47–48.

⁴ См.: Tam zhe. D. 912. L. 5.

⁵ См.: Arhiv Karagandinskogo ITL. 1932. D. 1. L. 33–34.

⁶ См.: Tam zhe. L. 161.

⁷ Arhiv MVD Respubliki Komi. F. 6. Op. 33. D. 33. L. 64.

⁸ Tam zhe. L. 136–137.

⁹ См.: GA RF. F. R-9414. Op. 1. D. 2741. L. 21.

¹⁰ Istorija stalinskogo GULAGa. T. 2. S. 72.

¹¹ См.: GA RF. F. R-9489. Op. 1. D. 89. L. 70.

¹² См.: Tam zhe. F. R-3316. Op. 65. D. 71. L. 2–5.

¹³ См.: Tam zhe. D. 2. L. 96.

¹⁴ См.: Там же. Л. 6–12.

УДК 340.14

О понятии «юридические советы»

Р.Б. ГОЛОВКИН – заместитель начальника Владимирского юридического института ФСИН России по научной работе, доктор юридических наук, профессор;

А.С. МЕЛЬНИКОВ – преподаватель кафедры физической подготовки Владимирского юридического института ФСИН России

В статье рассматривается такое средство правового регулирования общественных отношений, как юридические советы, раскрываются сущность и свойства данного понятия, дается его определение, а также отражаются результаты социологического исследования особенностей реализации юридических советов.

Ключевые слова: юридические советы; юридическая рекомендация; правовое регулирование; рекомендательные нормы; право; юридическая техника; правотворчество; правоприменение.

The concept of «legal advice»

R.B. GOLOVKIN – Deputy Head of the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia for Science, Dsc. in Law, Professor;

A.S. MELNIKOV – Teacher of the Department of Physical Training of the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia

The article studies such mean of legal regulation of social relations as legal advice, the essence and properties of this concept, there is given its definition, but also are presented the results of sociological studies of the implementation of the legal advice.

Key words: legal advice; legal recommendation; legal regulation; recommendation norms; right; legal technique; law-making; enforcement.

Правовое регулирование общественных отношений – сложный процесс, требующий использования разнообразных средств¹, с помощью которых осуществляется наиболее эффективное регулятивное воздействие на поведение людей. В научной литературе выделяется и исследуется достаточно большое количество средств правового регулирования, но, на наш взгляд, мало внимания уделяется особому средству – юридическим советам. Чтобы обосновать данный тезис проведем краткое исследование юридических свойств и особенностей юридических советов.

Согласно справочной литературе совет – это понятие, означающее комплексные разнородные явления, понимаемые в нескольких значениях: 1) рекомендация, мнение, высказанное кому-нибудь по поводу того, как ему поступить, что сделать, а также наставление, указание (например, дать хороший совет, просить совета); 2) совместное обсуждение чего-либо, совещание для такого обсуждения (например, семейный совет); 3) название различных коллегиальных органов (например, Совет Федерации); 4) согласие, дружба².

В праве термин «совет» также получил широкое применение, однако понятийное значение этого слова представляется ограниченным по сравнению с общеупотребительным объемом понятия. Так, анализ законодательства показывает, что данный термин используется в более чем пятидесяти правовых актах федерального уровня³. Все установленные случаи законодательного употребления раскрывают лишь одно значение – совет как коллегиальный орган общественной или государственной власти. Между тем лингвистический анализ, исследование юридической техники реализации права и на этой основе правосознания позволяют сделать вывод о том, что понятийное наполнение указанного термина применительно к праву и правовому регулированию значительно шире.

На основании анализа законодательства, правоприменительной практики можно заключить, что все виды советов могут иметь юридическую природу и составлять факультативные элементы механизма правового регулирования. Деятельность советов как

институционального образования социальной власти опосредуется законодательством, причем как органы государственной власти советы сами являются субъектами правотворчества и реализации законодательства. Применительно к механизму правового регулирования они в качестве институциональных коллективных субъектов выступают как часть основных элементов механизма правового регулирования – органов и учреждений, осуществляющих правотворческую и правореализующую деятельность. Советы как предложения субъектам правоотношений могут являться частью правосознания адресатов. Юридическими целесообразно признавать советы, как воплощенные, так и не воплощенные в правосознании. Определяющими являются факт предложений, разъяснений, поучений, связанных с правом и его реализацией, и направленность советов на реализацию установления, изменения и прекращения правоотношений.

Следует учитывать, что достаточно часто юридические советы отождествляются с консультациями и представительством в суде. В данном случае деятельность, связанная с разъяснением содержания и смысла юридических норм, оказывает формирующее влияние на правосознание субъектов правоотношений – адресатов юридических советов. Степень обязательности данных советов невысока, хотя и связана с правом и направлена на его реализацию, тем не менее данный тип советов уместно называть юридическим.

Советы в виде указаний, наставлений, рекомендаций достаточно часто имеют более или менее четкие правовые последствия, так как, исходя от определенного государственного органа, уже сами по себе имеют правовую форму и достаточно высокую степень обязательности. Например, в ст. 5 Федерального закона от 04.05.1999 г. № 95-ФЗ (ред. от 24.11.2008 г.) «О безвозмездной помощи (содействии) Российской Федерации и внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и об установлении льгот по платежам в государственные внебюджетные фонды в связи с осуществлением безвозмездной помощи (содействия)

Российской Федерации» содержится совет в виде рекомендации законодательным (представительным) органам субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления о необходимости принять соответствующие нормативные правовые акты, предусматривающие предоставление льгот по уплате налогов и сборов в бюджеты субъектов Российской Федерации и местные бюджеты в связи с оказанием Российской Федерации безвозмездной помощи (содействия).

Наставление и указание – это особые формы юридических советов, которые имеют, как правило, императивную силу обязательности исполнения, советами как таковыми не являются, так как это разновидности подзаконных нормативных правовых актов, содержащих образцы жестко предписанного поведения участников правоотношений (например, Наставление по правовой работе в Вооруженных Силах Российской Федерации⁴, Указ Президента Российской Федерации от 28.03.2011 г. № 352 «О мерах по совершенствованию организации исполнения поручений и указаний Президента Российской Федерации»).

Следовательно, известная свобода адресатов советов применительно к праву и на основании права непосредственно выражается лишь в рекомендациях, к тому же словарное значение термина «рекомендация» напрямую пересекается со значением понятия «совет». В справочной литературе рекомендация – это письменный благоприятный отзыв о каком-либо лице, а также совет или указание⁵.

В современном отечественном законодательстве прямое упоминание рекомендаций и рекомендательных норм встречается не очень часто (менее сорока нормативных правовых актов федерального уровня).

Из текста нормативно-правовых актов следует, что сущность рекомендаций в целом соответствует словарному значению данного термина. Например, в ст. 18 Федерального закона от 29.06.2015 г. № 162-ФЗ «О стандартизации в Российской Федерации» изложены рекомендации по стандартизации. В тексте нормы указывается, что данные рекомендации формируются в целях проверки на практике отдельных воздействий на объект стандартизации тех или иных средств. Иными словами, рекомендации и отражающие их нормы предположительно необязательны к реализации права в виде исполнения, а могут реализовываться в форме использования.

Имеются и иные примеры объема содержания юридических советов в виде рекомендаций, когда степень обязательности их весьма высока. Так, например, в Постановлении ЦИК России от 27.03.2013 г. № 168/1222-6 «О Методических рекомендациях по приему листов поддержки кандидатов на должность высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) и проверке достоверности подписей депутатов представительных органов муниципальных образований...» содержащиеся рекомендации имеют высокую степень обязательности, так как они фактически предписывают избирательным комиссиям образцы жестко определенного поведения.

Следовательно, юридические советы в виде рекомендаций, не достигая степени императивности указаний и наставлений, все же достаточно часто формально выражены в законодательстве и правоприменительных актах, и обязательность для их исполнения весьма высока⁶.

В целях уточнения юридических свойств и особенностей рассматриваемых советов в механизме правового регулирования было проведено социологическое исследование. Совместно с юридическими советами рассматривались и юридические рекомендации⁷. Ответы на вопросы анкеты в части, касающейся юридических советов, условно объединены в три группы.

1. Вопросы, направленные на определение сущностных свойств и особенностей юридических советов.

Достаточно большое количество респондентов (56%) отметили, что юридические советы – это рекомендуемые адресатам образцы наиболее эффективного поведения в связи с правовыми нормами. Вместе с тем около 40% участников опроса рассматривают данные советы только как юридические консультации.

Примерно половина опрошенных (48%) считает, что юридические рекомендации – это часть юридических советов, закрепленная, как правило, в законодательстве.

Большинство (76%) отметило, что рассматриваемые советы в виде рекомендаций – это закрепленные в правовых нормах образцы желательного, но не обязательного поведения участников правоотношений.

На высокой степени обязательности юридических рекомендаций сделали акцент лишь 22% респондентов.

Использование при регулировании общественных отношений с помощью юридических рекомендаций других социальных норм отметили 62% участников опроса.

Большинство респондентов (74%) считает, что рекомендации содержатся и в юридических нормах, и в индивидуальных правовых актах, 18% – только в нормативных правовых предписаниях, около 8% отметили, что юридическими можно назвать любые рекомендации публичной власти.

В целом, анализируя ответы по данной группе вопросов, можно заключить, что большинством участников опроса юридические советы рассматриваются как комплексные явления, включающие в себя юридические рекомендации.

2. Вопросы, направленные на установление существенных моментов, характеризующих закономерные обстоятельства реализации юридических советов.

Наличие самого права существования юридических советов выделили 85% анкетированных.

Правовые формы (в качестве основных) проявлений факторов, влияющих на действие юридических советов, отметили 42% респондентов, как части их (юридических рекомендаций) – 76%, неправовые (в качестве основных) формы соответственно выделили 62% (советы) и 24% (рекомендации) отвечавших. Единство правовых и неправовых форм при реализации юридических советов и рекомендаций отметили 92% опрошенных.

В качестве факторов, обуславливающих действие юридических советов, были названы: экономика (62%), политика (64%), индивидуальные условия жизни (96%), воспитание (28%), местные традиции и требования иных социальных норм (34%), справедливость и качество юридических норм (86%), физическое и психическое здоровье (77%).

Наиболее важными факторами реализации юридических советов были выделены: экономика, политика, юридическая техника (качество предписаний) и воспитание.

3. Вопросы, направленные на исследование путей развития юридических советов и их части – юридических рекомендаций.

Подавляющее большинство респондентов (92%) отметило наличие внутренних и внешних связей юридических советов с правовым поведением.

Участниками опроса выделен преимущественно функциональный (жестко обусловленный) тип связи между юридическими

советах в виде рекомендаций и правовым поведением (72%). На стохастическом (случайном) типе связи юридических советов в виде юридических консультаций и правового поведения сделали акцент 14% респондентов.

Для повышения эффективности реализации юридических советов 78% студентов предложили установить четко определенные их типы и границы применения в правовом регулировании общественных отношений.

Необходимость исключения подмены требований рекомендательных норм императивными предписаниями в правореализующих актах отметили 57% опрошенных.

Уменьшить пропаганду в средствах массовой информации идей о несостоятельности права и государственной власти посчитали целесообразным 72% анкетированных.

Необходимость формирования юридических советов, отражаемых в законодательстве таким образом, чтобы они были доступны и понятны адресатам без дополнительных разъяснений и специального образования, отметили 66% опрошенных.

Важность отражения в правовых нормах степени обязательности юридических советов и их форм выделили 74% участников опроса.

Анализ законодательства и результатов социологического исследования позволил сделать следующие выводы по рассматриваемой теме:

1. Юридические советы (как организации и лексические конструкции) в современных условиях выступают весьма эффективным средством управления обществом.

2. Юридические советы как лексические конструкции – это частично отраженное в законодательстве сложное полиструктурное образование, состоящее из нескольких частей: 1) необязательной (консультативной) (объективируется в виде советов и консультаций юристов, содержание советов не закрепляется в законе, а консультативная деятельность юристов различного уровня отражается в законодательстве, например, об адвокатуре, бесплатной юридической помощи и т.д.); 2) частично обязательной (рекомендательной) (выражается в виде юридических рекомендаций, степень обязательности варьируется от минимальной до стандартно-императивной); 3) обязательной (императивной) (в виде закрепленных в законе указаний и наставлений). При этом все структурные уровни входят в механизм правового регулирования через правосознание участников правоотношений.

3. Юридические советы могут выступать способами правового регулирования и одновременно, являясь факультативными средствами правового регулирования, влиять на относительно объективно-субъективные закономерности формирования и реализации правоотношений.

4. Юридические советы как лексические конструкции позволяют оценить определенные общественные процессы с точки зрения правовой формы, в которой они протекают и проявляются.

5. Юридические советы как лексические конструкции оказывают формирующее воздействие на правосознание общества, групп и отдельных индивидов.

6. В современной отечественной правовой системе юридические советы в виде консультаций носят общий и необязательный характер, в виде рекомендаций, закрепленных в законодательстве, – высокую степень обязательности. Юридические советы в виде юридических рекомендаций,

издаваемые на уровне подзаконного нормотворчества и отражаемые в правоприменительных актах, как правило, излагаются в императивном контексте, что принципиально меняет их значение в правовом регулировании общественных отношений и указывает на неоднозначность использования правовых рекомендаций в правоприменительной практике.

В целом представляется возможным сформулировать операционное понятие юридических советов. Юридические советы – это организационно-лексические части основных и факультативных элементов механизма правового регулирования в виде институтов государственной и общественной власти, деятельность которых отражена в законодательстве, а также совокупность предложений, разъяснений, указаний, наставлений и рекомендаций, направленных на формирование правосознания участников правовых отношений.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Правовые средства [Электронный ресурс]. URL: http://be5.biz/gosudarstvo_i_pravo/pravovye_sredstva.html; http://studopedia.ru/9_62560_sredstva-pravovogo-regulirovaniya.html (дата обращения: 28.06.2016).

² См., напр.: Толковый словарь С.И. Ожегова [Электронный ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/ozhegov/Sovet-33040/> (дата обращения: 28.06.2016).

³ См.: Федеральные законы от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ (ред. от 05.10.2015 г.) «О безопасности», от 03.12.2012 г. № 229-ФЗ (ред. от 02.05.2015 г.) «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации»; федеральные конституционные законы от 25.12.2000 г. № 1-ФКЗ (ред. от 12.03.2014 г.) «О Государственном флаге Российской Федерации», от 30.05.2001 г. № 3-ФКЗ (ред. от 12.03.2014 г.) «О чрезвычайном положении», от 05.02.2014 г. № 3-ФКЗ (ред. от 15.02.2016 г.) «О Верховном Суде Российской Федерации» и др.

⁴ См.: Приказ министра обороны Российской Федерации от 03.12.2015 г. № 717 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Большой словарь иностранных слов. М., 2007.

⁶ См. подр.: Головкин Р.Б., Багиров Р.С. Интерполация права: Моногр. Владимир, 2015.

⁷ Исследование проводилось авторами в феврале–марте 2016 г. (162 анкеты студентов ВГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых) с учетом исследований результативности действия права, проведенных Р.Б. Головкиным (см.: Головкин Р.Б. Технология регулирования общественных отношений: факторы действия права: Моногр. Владимир, 2013).

¹ См.: Правовые средства [Электронный ресурс]. URL: http://be5.biz/gosudarstvo_i_pravo/pravovye_sredstva.html; http://studopedia.ru/9_62560_sredstva-pravovogo-regulirovaniya.html (дата обращения: 28.06.2016).

² См., напр.: Толковый словарь С.И. Ожегова [Электронный ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/ozhegov/Sovet-33040/> (дата обращения: 28.06.2016).

³ См.: Федеральные законы от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ (ред. от 05.10.2015 г.) «О безопасности», от 03.12.2012 г. № 229-ФЗ (ред. от 02.05.2015 г.) «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации»; федеральные конституционные законы от 25.12.2000 г. № 1-ФКЗ (ред. от 12.03.2014 г.) «О Государственном флаге Российской Федерации», от 30.05.2001 г. № 3-ФКЗ (ред. от 12.03.2014 г.) «О чрезвычайном положении», от 05.02.2014 г. № 3-ФКЗ (ред. от 15.02.2016 г.) «О Верховном Суде Российской Федерации» и др.

⁴ См.: Приказ министра обороны Российской Федерации от 03.12.2015 г. № 717 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Большой словарь иностранных слов. М., 2007.

⁶ См. подр.: Головкин Р.Б., Багиров Р.С. Интерполация права: Моногр. Владимир, 2015.

⁷ Исследование проводилось авторами в феврале–марте 2016 г. (162 анкеты студентов ВГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых) с учетом исследований результативности действия права, проведенных Р.Б. Головкиным (см.: Головкин Р.Б. Технология регулирования общественных отношений: факторы действия права: Моногр. Владимир, 2013).

УДК 343.148.3:340.63

О проблемах судебно-психиатрической экспертизы в судебно-следственной практике

Б.А. СПАСЕННИКОВ – профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор;

С.А. КОПЫТКИН – заместитель начальника центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы Научно-исследовательского института ФСИН России, кандидат юридических наук

В статье рассматриваются проблемы, связанные с производством различных видов судебно-психиатрической экспертизы в рамках расследования уголовных дел о преступлениях, совершенных лицами, страдающими психическими расстройствами. Авторами избран системный и комплексный подход к изложению собранной ими информации, использован эмпирический материал, полученный посредством изучения уголовных дел вышеупомянутой категории, экспертных дел, интервьюирования сотрудников органов предварительного расследования и экспертов-психиатров. Предложены варианты решения анализируемых проблем, даются рекомендации по повышению эффективности оценки субъектом расследования результатов судебно-психиатрической экспертизы.

Ключевые слова: психические расстройства; экспертиза; субъект расследования; подозреваемый; обвиняемый; специальные знания.

On the problems of the forensic psychiatric examination in judicial and investigative practice

B.A. SPASENNIKOV – Professor of the Department of Civil and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Dsc. in Medicine, Professor;

S.A. КОПЫТКИН – Deputy Head of the Research Center for Security Issues in the Institutions of Penal System of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law

The article examines the problems associated with the production of various types of forensic psychiatric examination in criminal cases involving offenses committed by persons with mental disorders. The authors have chosen a systematic and comprehensive approach to the presentation of the information collected, is used empirical data obtained through the study of criminal cases of this category, expert affairs, interviewing employees of the preliminary investigation and psychiatric experts. There are proposed solutions to the problems analyzed, are made recommendations to improve the evaluation by the investigation subject the results of the forensic psychiatric examination.

Key words: mental disorders; expertise; the subject of the investigation; suspect; accused; expertise.

Расследование преступлений, совершенных лицами, страдающими психическими расстройствами, требует назначения и производства судебно-психиатрических экспертиз, имеющих важное значение в рамках уголовно-правового, уголовно-процессуального и криминалистического аспектов расследования.

Следует согласиться с мнением, что проблемы тактики расследования преступлений, совершенных лицами, страдающими психическими расстройствами, сводятся во многом к трудностям в достижении оптимального взаимодействия следователя с другими участниками процесса, которое

является легитимным с юридической, медицинской, психологической, нравственной и иных точек зрения¹. Эта позиция, по нашему мнению, в первую очередь имеет отношение к назначению и производству судебно-психиатрических экспертиз.

Полагаем, что первичным и обязательным условием достижения указанной выше цели является правильное понимание следователем содержания и функционального назначения разновидностей психиатрической экспертизы, поскольку законодательная регламентация подобных понятий, к сожалению, отсутствует. Вместе с тем современная наука дает достаточно широкую классификацию психиатрических экспертиз, выделяя в качестве оснований область процессуальных отношений, сочетание используемых областей специальных знаний, место производства экспертизы, периодизацию ее проведения и т.д.² Так, рассмотрев предлагаемые дефиниции судебно-психиатрической³ и комплексной психолого-психиатрической⁴ экспертиз, отметим, что эти определения помимо ориентации на непосредственную функцию – установление истинных обстоятельств дела посредством использования специальных знаний – должны четко передавать сущность и специфику их использования⁵.

Вместе с тем распространенность этого следственного действия в сочетании с недостаточно эффективным взаимодействием субъектов, участвующих в расследовании уголовных дел о преступлениях, совершенных лицами с психическими расстройствами, неминуемо приводит к возникновению сложностей, сопряженных с назначением, производством и оценкой результатов психиатрического исследования, что находит отражение в правоприменительной практике⁶. Так, около 11% следователей открыто заявляют о проблемах, возникающих у них в связи с назначением и производством судебно-психиатрической экспертизы в рамках расследования любых уголовных дел⁷.

Анализ судебно-следственной практики позволяет дифференцировать массив подобных проблем, сформировав в его содержании следующие группы:

1. Проблемы, связанные с назначением и подготовкой психиатрической экспертизы. В настоящее время экспертиза является комплексным процессуальным действием, сочетающим в себе процессуальный и организационный аспекты с непосредственным использованием специальных знаний компетентным лицом. В этой связи в науке существует значительное количество различных

по своему содержанию мнений⁸ об особенностях назначения и подготовки экспертизы в качестве самостоятельного следственного действия. Не вступая в дискуссию по данному вопросу, отметим, что наличие хотя бы первичных знаний в области психиатрии и патопсихологии существенно упрощает процесс назначения следователем судебно-психиатрической экспертизы. Представляется, что ядром проблемы обоснованного назначения экспертизы является содержание вопросов, которые следователь задает эксперту.

При этом следователю важно понимать, что вменяемость или же невменяемость лица не устанавливаются экспертом (это является прерогативой суда), а служат лишь средством оценки состояния подозреваемого (обвиняемого), и результаты экспертизы, несмотря на их важное значение в процессе расследования преступлений, нельзя считать для суда определяющими.

В этой связи нужно обратить внимание на тот факт, что треть практических работников отмечает, что интенсивность осуществляемого ими процесса доказывания по рассматриваемой категории дел снижается в случае, если содержание заключения экспертизы свидетельствует о наличии у подозреваемого (обвиняемого) психического расстройства, лишавшего его в момент совершения преступления способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, поскольку в этом случае подозреваемый (обвиняемый) будет признан судом невменяемым и избежит уголовной ответственности.

Таким образом, есть основания полагать, что в некоторых случаях со стороны следователя имеет место варьирование интенсивности процесса доказывания, связанное с результатом судебно-психиатрической экспертизы, однако подобная закономерность, скорее, свойственна расследованию деяний, совершенных лицами в состоянии невменяемости.

Помимо этого, следователи зачастую предоставляют эксперту лишь общие материалы дела, не снабжая его информацией о личности подследственного, содержащейся в первую очередь в медицинских документах, к которым относятся амбулаторные и стационарные медицинские карты, заключения врачебных комиссий, акты медицинских экспертиз. Справедливым является и утверждение о том, что целесообразно истребовать медицинские документы не только из психиатрических учреждений, но

и наркологических диспансеров и медицинских учреждений общесоматического профиля⁹.

Следует обратить внимание и на информационное содержание самого запроса в учреждения, оказывающие психиатрическую помощь. По аналогии с формулировкой вопросов для психиатрической экспертизы следователи довольно часто проявляют неточность в формировании его содержания. Основным посылом подобного запроса является просьба сообщить органам следствия, состоит ли определенное лицо на учете в психоневрологическом диспансере. К сожалению, эта давно устоявшаяся формулировка в полной мере не отражает реально существующего положения дел в учреждениях, оказывающих психиатрическую помощь. В соответствии со ст. 27 федерального закона «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» в качестве данной разновидности психиатрической помощи теперь имеет место диспансерное наблюдение, а само понятие «психиатрический учет» в вышеупомянутом нормативно-правовом акте отсутствует. Необходимо уточнить, что в настоящий момент диспансерное наблюдение представляет собой контроль лишь за лицами, страдающими тяжелыми, хроническими формами психических расстройств, тогда как на психиатрический учет ставился каждый гражданин, когда-либо обратившийся за психиатрической помощью. Таким образом, подобная терминологическая нечеткость приводит к возникновению следственных, а впоследствии и судебных ошибок.

2. Проблемы производства психиатрической экспертизы. Как уже отмечалось, все разновидности психиатрической экспертизы являются сложным динамическим процессом, комплексно сочетающим в себе различные виды деятельности участников предварительного следствия. Намеренно не обсуждая специфику действий эксперта, что вывело бы нас за пределы юридического анализа рассматриваемого вопроса, отметим, что стадия производства экспертизы сопряжена с целым рядом проблем правового и организационного характера, решение которых требует от следователя быстрой ориентации в вопросах правовой регламентации экспертной и медико-психиатрической деятельности, а также знаний процессуального законодательства.

Помимо этого, оценка психического состояния лица, страдающего психическим расстройством, – процесс достаточно

длительный, что оказывает существенное влияние на эффективность расследования в целом. В этом аспекте следователю важно максимально контролировать организационный аспект производства судебно-психиатрической экспертизы и четко представлять себе регламентированные действующим законодательством сроки ее производства.

В этом контексте следует обратить внимание и на присутствие самого следователя при производстве экспертизы, что, по нашему мнению, сняло бы большое количество вопросов в тех случаях, когда предварительные консультации с экспертами-психиатрами по какой-либо причине не проводились, или же в иных сложных следственных и (или) экспертно-диагностических ситуациях.

Однако в ходе анализа уголовных дел по преступлениям, совершенным лицами, имеющими психические расстройства, было выявлено, что в 94,1% случаев следователь не присутствовал при производстве экспертизы, а если и присутствовал (5,9%), то не задавал эксперту никаких вопросов. Это подтверждают и данные опроса экспертов (50% респондентов отметили отсутствие следователя (дознавателя) при производстве экспертизы, а 38,6% – присутствие в единичных случаях). Сами следователи также не скрывают своего безразличия к процессу производства экспертизы (71,6% признались, что никогда не присутствовали при экспертизах, проводимых в рамках расследуемых ими уголовных дел, 12,1% присутствовали лишь в особо сложных случаях).

Разделяя мнение, касающееся расширения полномочий эксперта при производстве судебной экспертизы¹⁰, считаем необходимым внести дополнения в ч. 3 ст. 57 УПК РФ, которые бы давали эксперту право приглашать субъекта, осуществляющего расследование, а также защитника подозреваемого (обвиняемого) на производство экспертизы в случаях, представляющих особую сложность, с последующим оказанием им консультативной помощи. Думается, что подобная законодательная инициатива существенно расширила бы периодичность взаимодействия следователя и эксперта, в том числе в процессе расследования рассматриваемой категории преступлений.

3. Проблемы, связанные с оценкой заключения, данного экспертом по завершении психиатрической экспертизы. В соответствии с ч. 1 ст. 88 УПК РФ любое из доказательств подлежит оценке по упомянутым в данной статье критериям относимости, до-

пустимости, достаточности. Считаем, что не являются исключением в данном случае и результаты производства судебно-психиатрической экспертизы, в первую очередь заключение эксперта. Сложность вопроса состоит в том, что субъект расследования, не обладая должным уровнем специальных знаний, должен в полном объеме оценить заключение эксперта-психиатра исходя из требований законодательства. Вместе с тем нужно отметить существование таких тенденций, как формальное отношение субъекта расследования к результатам экспертизы и отсутствие сомнений в правильности сделанных экспертом выводов. Подтверждение подобной точки зрения можно встретить в научной литературе. Так, И.Л. Петрухин отмечает, что статус учреждения играет огромную роль в контексте оценки следователем или же судом заключения эксперта¹¹, а Г.И. Поврезнюк считает отсутствие сомнений в результатах экспертизы необоснованным, поскольку эксперт может ошибиться в выводах по различным причинам как объективного, так и субъективного характера¹².

Учеными-процессуалистами неоднократно высказывалась точка зрения о необходимости законодательно обязать следователя назначать повторную психиатрическую экспертизу в случае несогласия с мнением эксперта, однако следует согласиться с точкой зрения, согласно которой эта норма может быть рассмотрена как лишение субъекта расследования вариативности в принятии решений¹³. Думается, что подобная инициатива является чрезмерно категоричной еще и потому, что ч. 2 ст. 207 УПК РФ регламентирует именно возможность назначения повторной экспертизы, оставляя окончательное решение на усмотрение субъекта расследования. Вместе с тем хотелось бы уточнить, что, по нашему мнению, подобное

решение должно быть мотивировано и документально оформлено.

Преодоление трудностей в оценке следователем заключения эксперта-психиатра видится нам в формировании рекомендаций, касающихся этого процесса. Во многом базируясь на позиции С.Ф. Бычковой¹⁴ и О.Г. Дьяконовой¹⁵, в качестве основных рекомендаций по оценке заключения эксперта-психиатра можно предложить:

- рассмотрение процессуальной формы заключения эксперта (формальные требования, предъявляемые к его оформлению);
- изучение надежности и эффективности применяемой методики исследования;
- определение соответствия выводов, сделанных экспертом, проведенным исследованиям;
- определение соответствия выводов, сделанных экспертом, вопросам, поставленным следователем.

Необходимо особо отметить, что такие обстоятельства, подлежащие оценке, как статус экспертного учреждения, компетентность конкретного эксперта, достаточность и содержательная составляющая материалов, предоставляемых в распоряжение эксперта, оценивать в рамках заключения не имеет смысла, поскольку все эти факторы, которые, вне всяких сомнений, влияют на экспертное заключение, должны быть проанализированы экспертом на стадии назначения и подготовки психиатрической экспертизы.

Безусловно, представленный перечень проблем, связанных с производством судебно-психиатрической экспертизы в судебно-следственной практике, не является исчерпывающим. Однако вместе с тем мы имеем основания утверждать, что решение хотя бы части из них существенно повысит эффективность процесса расследования преступлений, совершенных лицами с психическими расстройствами.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Антипова С.А. Криминалистическая значимость особенностей тактики допроса лиц с дефектами психики // Следователь. 2002. № 4. С. 36.

² См.: Жариков Н.М., Морозов Г.В., Хритинин Д.В. Судебная психиатрия. М., 2008.

³ См.: Консультация. СПЭ (понятие и основные признаки) // Проблемы вменяемости в судебной психиатрии: Сб. науч. тр. / Под ред. Г.В. Морозова. М., 1983. С. 65.

⁴ См.: Кудрявцев И.А. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза: Науч.-практ. руководство. М., 1999. С. 17.

⁵ См.: Дьяконова О.Г. Процессуальные проблемы назначения и производства психиатрических и психологических экспертиз по уголовным делам в отношении живых лиц. М., 2009. С. 24–25.

⁶ См. подр.: Спасенников Б.А., Голодов П.В. Актуальные проблемы правовой психологии // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 2 (18). С. 17–22.

¹ См.: Antipova S.A. Kriminalisticheskaja znachimost' osobennostej taktiki doprosa lic s defektami psihiki // Sledovatel'. 2002. № 4. S. 36.

² См.: Zharikov N.M., Morozov G.V., Hritinin D.V. Sudebnaja psihiatrija. M., 2008.

³ См.: Konsul'tacija. SPJe (ponjatje i osnovnye priznaki) // Problemy vmenjaemosti v sudebnoj psihiatrii: Sb. nauch. tr. / Pod red. G.V. Morozova. M., 1983. S. 65.

⁴ См.: Kudrjavcev I.A. Kompleksnaja sudebnaja psihologo-psihiatricheskaja jekspertiza: Nauch.-prakt. rukovodstvo. M., 1999. S. 17.

⁵ См.: D'jkonova O.G. Processual'nye problemy naznachenija i proizvodstva psihiatricheskix i psihologicheskix jekspertiz po ugovolnym delam v otnoshenii zhivyh lic. M., 2009. S. 24–25.

⁶ См. подр.: Spasennikov B.A., Golodov P.V. Aktual'nye problemy pravovoj psihologii // Na puti k grazhdanskomu obshhestvu. 2015. № 2 (18). S. 17–22.

⁷ См. подр.: Копыткин С.А. Расследование преступлений, совершенных лицами с психическими расстройствами: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 161.

⁸ См.: Баев О.Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Следственная тактика: Науч.-практ. пособие. М., 2003. С. 349; Соловьев А.Б. Следственные действия на первоначальном этапе расследования преступлений: Метод. пособие. Кемерово, 1994. С. 11; Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 2001. С. 56–57.

⁹ См.: Подготовка следователем материалов для судебно-психиатрической экспертизы: Практ. пособие / Дмитриева Т.Б., Шишков С.Н., Шукина Е.Я. и др. М., 2010. С. 6.

¹⁰ См.: Духно Н.А., Корухов Ю.Г., Михайлов В.А. Судебная экспертиза по новому законодательству России (в уголовном, гражданском, арбитражном, административном процессах): Моногр. / Под ред. Ю.Г. Корухова. М., 2003. С. 182–188.

¹¹ См.: Петрухин И.Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. М., 1964. С. 225–227.

¹² См.: Поврезнюк Г.И. Судебная экспертиза (подготовка и назначение в уголовном и гражданском процессах). Алматы, 2001. С. 62.

¹³ См.: Петрухин И.Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. С. 250.

¹⁴ См.: Бычкова С.Ф. Теория и практика судебной экспертизы: научные, организационно-правовые и методические основы: Учеб. пособие. Алматы, 2002. С. 341.

¹⁵ См.: Дьяконова О.Г. Процессуальные проблемы назначения и производства психиатрических и психологических экспертиз по уголовным делам в отношении живых лиц. С. 172–173.

⁷ См. подр.: Kopytkin S.A. Rassledovanie prestuplenij, sovershennyh licami s psichicheskimi rasstrojstvami: Dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2012. S. 161.

⁸ См.: Baev O.Ja. Taktika ugovolnogo presledovaniya i professional'noj zashhity ot nego. Sledstvennaja taktika: Nauch.-prakt. posobie. M., 2003. S. 349; Solov'ev A.B. Sledstvennye dejstvija na pervonachal'nom jetape rassledovaniya prestuplenij: Metod. posobie. Kemerovo, 1994. S. 11; Shejfer S.A. Sledstvennye dejstvija. Sistema i processual'naja forma. M., 2001. S. 56–57.

⁹ См.: Podgotovka sledovatelem materialov dlja sudebno-psihiatricheskoj jekspertizy: Prakt. posobie / Dmitrieva T.B., Shishkov S.N., Shhukina E.Ja. i dr. M., 2010. S. 6.

¹⁰ См.: Duhno N.A., Koruhov Ju.G., Mihajlov V.A. Sudebnaja jekspertiza po novomu zakonodatel'stvu Rossii (v ugovolnom, grazhdanskom, arbitrazhnom, administrativnom processah): Monogr. / Pod red. Ju.G. Koruhova. M., 2003. S. 182–188.

¹¹ См.: Petruhin I.L. Jekspertiza kak sredstvo dokazyvanija v sovetskom ugovolnom processe. M., 1964. S. 225–227.

¹² См.: Povreznjuk G.I. Sudebnaja jekspertiza (podgotovka i naznachenie v ugovolnom i grazhdanskom processah). Almaty, 2001. S. 62.

¹³ См.: Petruhin I.L. Jekspertiza kak sredstvo dokazyvanija v sovetskom ugovolnom processe. S. 250.

¹⁴ См.: Bychkova S.F. Teorija i praktika sudebnoj jekspertizy: nauchnye, organizacionno-pravovye i metodicheskie osnovy: Ucheb. posobie. Almaty, 2002. S. 341.

¹⁵ См.: D'jakonova O.G. Processual'nye problemy naznachenija i proizvodstva psihiatricheskih i psihologicheskikh jekspertiz po ugovolnym delam v otnoshenii zhivyh lic. S. 172–173.

УДК 343.1

Стадия возбуждения уголовного дела: современное состояние и перспективы совершенствования

Б.Я. ГАВРИЛОВ – профессор кафедры уголовного процесса, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

В статье рассматриваются проблемы, обусловленные наличием в уголовно-процессуальном законодательстве стадии возбуждения уголовного дела, что влечет за собой ограничение прав граждан на доступ к правосудию, многочисленные нарушения законности при отказе в возбуждении уголовного дела, а также выражается в недоступности статистики о состоянии преступности.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела; отказ в возбуждении уголовного дела; право на доступ к правосудию.

Stage of criminal proceedings: the current state and prospects of perfection

B.YA. GAVRILOV – Professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Operative Investigation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

The article deals with the problems caused by the presence in the criminal procedure legislation stage of a criminal proceedings, which entails the restriction of citizens' rights to access to justice, numerous violations of the law in refusing to initiate a criminal case, and is expressed as the unreliability of statistics on crime.

Key words: criminal proceedings; refusal to initiate criminal proceedings; the right to access to justice.

Реалии современной правоприменительной практики возбуждения уголовного дела свидетельствуют о том, что, несмотря на экономические и социально-правовые изменения в российском обществе, уголовное судопроизводство, в первую очередь его досудебная часть, остается чрезвычайно бюрократизированным и сущностно затратным при недостаточной эффективности, в силу чего оно не способно в полной мере обеспечить реализацию задач, сформулированных в ст. 6 УПК РФ. Основной из них является борьба с преступностью, что применимо к практике выявления, раскрытия и расследования преступлений, совершенных в органах и учреждениях ФСИН России.

Усилия законодателя и научной общественности по выработке концепции совершенствования уголовно-процессуального законодательства, включая предложения автора по реформированию стадии возбуждения уголовного дела, предпринятые 18 ноября 2013 г. на парламентских слушаниях в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и в ходе последующего обсуждения 24 июня и 23 сентября 2014 г. на заседаниях круглых столов, завершились ничем.

Научная составляющая исследуемой стадии свидетельствует, что как в дореволюционной России, так и после Октябрьской революции (1917 г.) в уголовном процессе стадии возбуждения уголовного дела не существовало. С принятием УПК РСФСР 1960 г. развитие учения о стадиях уголовного судопроизводства пошло по пути общепризнанности возбуждения уголовного дела как самостоятельной стадии.

Как результат, значительная часть ученых-процессуалистов¹ ратует за ее сохранение в УПК РФ, обосновывая свою позицию возможностью нарушений прав и свобод участников уголовного процесса при исключении института возбуждения уголовного дела.

Однако сегодня в научной среде свое влияние усиливает мнение о необходимости исключения из российской системы уголовно-процессуального законодательства процессуальных норм о возбуждении уголовного дела и об отказе в этом, составляющих сущность стадии возбуждения уголовного дела².

При этом следует также учитывать и положения Концепции судебной реформы РСФСР в той части, что «будет обоснованным рассматривать всякое сообщение о преступлении, если на момент рассмотрения неочевидна его ложность, как бесспорный повод к возбуждению уголовного дела»³.

Говоря еще об одном факторе, обуславливающем актуальность проблемы стадии возбуждения уголовного дела, обратимся к позиции законодателя о постоянном с момента вступления в действие УПК РФ расширении, в первую очередь под воздействием практикующих юристов и ряда ученых, перечня процессуальных действий и решений, допускаемых в ходе проверки сообщения о преступлении на стадии возбуждения уголовного дела. Особо в этом плане следует выделить Федеральный закон от 04.03.2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»⁴.

Кроме этого, складывающаяся в последние годы следственная и судебная практика возбуждения уголовного дела при установлении в ходе расследования новых эпизодов преступной деятельности лица, привлеченного к уголовной ответственности, или при установлении новых лиц, совершивших преступления совместно с лицом (лицами), в отношении которого ранее было возбуждено уголовное дело, несмотря на практическую неизменность в течение более 55 лет процессуальных норм, регламентирующих данную стадию уголовного процесса, существенно изменилась под непосредственным воздействием позиции Верховного и Конституционного судов Российской Федерации.

Из этого следует, что в следственной и судебной практике вопрос о том, надо ли возбуждать новое уголовное дело в случае, когда в ходе расследования дела, возбужденного в отношении ряда лиц, которым предъявлено обвинение, установлен еще один или несколько соучастников преступления или если в ходе расследования уголовного дела по факту совершения преступления конкретным лицом выявлены новые эпизоды его преступной деятель-

ности, сегодня остается дискуссионным, о чем наглядно свидетельствуют публикации К.Б. Калиновского⁵.

При этом следует отметить, что Верховный Суд Российской Федерации в период действия как УПК РСФСР, так и УПК РФ последовательно утверждал, что нормы уголовно-процессуального законодательства не предусматривают обязанность органов предварительного расследования и органов дознания выносить постановление о возбуждении уголовного дела в каждом случае, когда по уголовному делу будет установлено, что к совершенному преступлению причастно и другое лицо или в процессе предварительного расследования выявлено совершение других преступлений лицом, в отношении которого возбуждено уголовное дело.

В числе таких судебных решений необходимо выделить определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 25.11.1998 г.⁶, которым отменено постановление Президиума Краснодарского краевого суда о возвращении дела на дополнительное расследование и, соответственно, оставлен без изменения приговор Ленинского районного суда г. Краснодара, которым Б. осужден по ч. 1 ст. 228, п. «в» ч. 3 ст. 228 УК РФ. Суд надзорной инстанции усмотрел существенное нарушение закона в том, что уголовное дело, по которому Б. был осужден, возбуждено только в отношении У., задержанного с марихуаной, из чего краевым судом сделан вывод, что производство по делу в отношении Б. проводилось без его возбуждения. Однако, по мнению Верховного Суда Российской Федерации, ни ст. 129, ни ст. 112 УПК РСФСР не предусматривают обязанность органов предварительного следствия выносить каждый раз новое постановление о возбуждении уголовного дела, когда по делу установлено, что к совершенному преступлению причастно другое лицо.

При принятии УПК РФ позиция законодателя в части порядка возбуждения уголовного дела и проведения расследования в указанных выше случаях принципиально не изменилась и была подтверждена в ч. 1 ст. 448 кодекса, устанавливающей процессуальное правило о возможности привлечения лица в качестве обвиняемого по уголовному делу, возбужденному в отношении других лиц или по факту совершения деяния, содержащего признаки преступления.

Указанное требование закона подтверждено и последующей судебной практикой.

Так, кассационным определением Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 20.01.2004 г. (дело № 6-073/03) отменено постановление Уральского окружного военного суда от 22.10.2003 г.⁷ о прекращении уголовного дела в отношении Л., С. и М. на основании п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, поскольку в постановлении о возбуждении уголовного дела отсутствуют какие-либо сведения о возбуждении уголовного дела в отношении указанных лиц.

Как отмечено выше, научная дискуссия имеет место и в связи с другим обстоятельством, связанным с выявлением в ходе расследования уголовного дела новых эпизодов преступной деятельности лица, в отношении которого ранее было возбуждено уголовное дело. По этому поводу Верховный Суд Российской Федерации в кассационном определении от 25.09.2006 г. (дело № 14-006-29)⁸ указал, что ни ст. 146, ни ст. 149 УПК РФ не предусматривают обязанность органов следствия и дознания выносить каждый раз новое постановление о возбуждении уголовного дела в случаях, когда по делу будет установлено совершение других преступлений лицом, в отношении которого возбуждено уголовное дело. Этим лицам может быть предъявлено обвинение и без дополнительного постановления о возбуждении уголовного дела.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации по изложенным выше вопросам до определенного периода вполне сочеталась с судебной практикой Верховного Суда Российской Федерации. Например, согласно определению Конституционного Суда Российской Федерации от 22.01.2004 г. № 79-0⁹ признано законным и обоснованным предъявление обвинения депутату Законодательного собрания г. Санкт-Петербурга А.А. Ковалеву в рамках возбужденного уголовного дела. При этом отдельное постановление о возбуждении уголовного дела в отношении него не выносилось.

Однако по истечении определенного периода времени в ряде решений Конституционного Суда Российской Федерации его позицию возможно оценить как противоположную. Так, из определения от 18.07.2006 г. № 343-0 следует, что правовое содержание норм ч. 1 ст. 46, ч. 1 ст. 108 и ст. 171, 172 УПК РФ не предполагает наделение лица статусом подозреваемого и привлечение его в качестве обвиняемого, а также применение в отношении него меры пресечения в связи с подозрением (обвинением), уголовное дело по поводу которого не было возбуж-

дено. О необходимости вынесения нового постановления о возбуждении уголовного дела Конституционный Суд Российской Федерации высказал свою позицию и в определении от 21.12.2006 г. № 533-0¹⁰.

С учетом изложенного представляется, что изменение позиции высших судебных инстанций связано с конституционно-правовым смыслом возбуждения уголовного дела, на чем с конца 90-х гг. XX в. настаивает Т.Г. Морщакова.

Соответственно, принципиально изменилась и судебная практика. Так, в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2013 г. № 60-Д-13-3 по обвинению Г. уголовное дело было возбуждено по п. «б» (совершение преступления группой лиц) ч. 4 ст. 132 УК РФ, однако в постановлении о возбуждении дела следователь указал только гражданина З. По мнению Верховного Суда Российской Федерации, в отношении Г. в силу положений ст. 140 и 146 УПК РФ также необходимо было вынести постановление о возбуждении уголовного дела¹¹, что противоречит не только сложившейся многолетней практике самого суда по этому вопросу, но и здравому юридическому смыслу об отсутствии необходимости возбуждения самостоятельного уголовного дела в отношении соучастника преступления.

Вряд ли следует считать целесообразным и требование о возбуждении самостоятельного уголовного дела по каждому эпизоду совершения мошеннических действий в виде «финансовой пирамиды» в отношении обманутых вкладчиков, по фактам чего уголовное дело возбуждается, как правило, в отношении организаторов мошеннической схемы изъятия у граждан денежных средств.

В свою очередь, согласно апелляционному определению Московского областного суда от 26.06.2014 г. по делу № 22-3724/2014, Д. привлечен к уголовной ответственности за совершение пяти краж чужого имущества, в том числе за два преступления, уголовные дела о которых были возбуждены в отношении других лиц, входящих, как и Д., в состав организованной группы. Таким образом, Судебная коллегия пришла к выводу о незаконности осуждения Д. по этим двум эпизодам, поскольку уголовные дела в отношении него по ним не возбуждались¹².

Негативное влияние на деятельность российских правоохранительных органов оказывает и складывающаяся криминогенная обстановка, обусловленная в том числе и значительным увеличением (с 19,3 млн в

2006 г. до 30,7 млн в 2015 г.) количества зарегистрированных сообщений о преступлениях, административных правонарушениях и иных происшествиях и, соответственно, возрастанием в 2015 г. в целом объема процессуальной деятельности до 2,2 млн расследованных уголовных дел и 6,9 млн процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела (всего 9,1 млн решений) (для сравнения: в 1992 г. количество «отказных» материалов составляло всего 1,3 млн, возбужденных уголовных дел – 2,8 млн, всего процессуальных производств – 4,1 млн).

Таким образом, в числе первоочередных мер по совершенствованию досудебного производства необходимо изменение порядка начала производства по поступившему заявлению, сообщению о преступлении, в том числе исключение из УПК РФ ст. 148, предоставляющей правоприменителю право отказывать в возбуждении уголовного дела. Наличие данной нормы влечет за собой ряд негативных последствий. Так, решения органов расследования об отказе возбуждения уголовного дела (в 2015 г. – 6,9 млн заявлений, сообщений о преступлениях) не только ограничивают конституционное право граждан на доступ к правосудию, но и нередко нарушают закон. Ежегодно от 20 до 30% таких решений прокурорами признаются незаконными или необоснованными и отменяются. Следует также учитывать и нерациональность затрат, связанных с их принятием. В 2015 г. количество процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела вместе с отмененными (повторно вынесено 575 тыс. «отказных» материалов и три и более раз отменено более 465 тыс. таких решений) составило порядка 11 млн, что эквивалентно затратам труда (на государственном уровне нигде не учитываемым) более 20 тыс. сотрудников правоохранительных органов, не считая десятков миллионов рублей на бумагу, почтовые расходы и т.д.

Хотя количество возбужденных уголовных дел после отмены процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела остается незначительным (менее 10%), однако за 20 лет оно возросло почти в семь раз (с 32,5 тыс. в 1991 г. до 210,1 тыс. в 2015 г.).

Последствия отказа в возбуждении уголовного дела заключаются и в том, что ежегодно официальная статистика фиксирует, как отмечено выше, сотни тысяч нарушений учетно-регистрационной дисциплины, за

совершение которых десятки тысяч сотрудников привлекаются к различным видам дисциплинарной, а отдельные – и к уголовной ответственности за укрытие в различных формах преступлений от учета.

Обусловленность по УПК РФ начала расследования по заявлению, сообщению о преступлении вынесением постановления

о возбуждении уголовного дела заведомо влечет за собой ограничение доступа граждан к правосудию. Об этом наглядно говорит сокращение за последние годы почти в три раза (с 16,9% в 2006 г. до 6,2% за 2015 г.) количества принятых следователем, дознавателем, органом дознания таких решений (см. табл. 1).

Таблица 1

	2006 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Всего зарегистрировано заявлений, сообщений о преступлениях (млн)	19,3	22,8	23,9	24,7	26,4	28,4	29,3	30,7
Возбуждено уголовных дел (млн)	3,3	2,4	2,2	2	1,9	1,78	1,73	1,92
Удельный вес, %	16,9	10,7	9	8	7,2	6	5,9	6,2

О негативной практике свидетельствует и соотношение процессуальных решений о возбуж-

дении уголовного дела и числа решений об отказе в возбуждении уголовного дела (см. табл. 2).

Таблица 2

Годы	Количество возбужденных уголовных дел	Количество «отказных» материалов	Удельный вес к возбужденным делам (в %)
1992	2,8 млн	1,3 млн	47,7
2002	2,5 млн	3,8 млн	148,4
2010	2,2 млн	6 млн	272,7
2012	1,9 млн	6,4 млн	336,8
2013	1,8 млн	6,7 млн	380
2014	1,73 млн	6,8 млн	392
2015	1,92 млн	6,9 млн	361

В результате показатель преступности в России ежегодно колеблется в зависимости от требований МВД России и Генеральной прокуратуры Российской Федерации к соблюдению учетно-регистрационной дисциплины от +32,7% в 1989 г. до 14,9% в 2002 г. Последствия этого приобрели гипертрофированный характер в форме так называемого «административного» фактора регулирования показателей преступности, на что нами неоднократно обращалось особое внимание¹³. Для сравнения, в Германии за последние 15 лет ежегодные изменения преступности при ее количественной составляющей 6,5 млн в год не превышают 1–1,5%.

Аналогичное положение с уровнем регистрируемой преступности складывается и в органах и учреждениях ФСИН России. Так, в 2013 г. зарегистрировано 974 преступления, в 2014 г. – 861 и в 2015 г. – 940. Соответственно, коэффициент преступности на 100 тыс. содержащихся в местах лишения свободы осужденных составляет порядка 150 чел. при коэффициенте преступности в Российской Федерации 1600 преступлений на 100 тыс. чел.

Изложенное позволяет констатировать необходимость изменения порядка начала производства расследования путем исключения процессуальной нормы о возбуждении уголовного дела. Так, ст. 303 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. устанавливала, что «жалобы почитаются достаточным поводом к начатию следствия. Ни судебный следователь, ни прокурор не могут отказать в том лицу, потерпевшему от преступления или проступка»¹⁴.

Порочность процессуальной нормы о возбуждении уголовного дела и в существенных препятствиях при собирании доказательств на первоначальном этапе расследования¹⁵, в ограничении возможностей использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности¹⁶ и др. Не содержит данной нормы, как и об отказе в возбуждении уголовного дела, и уголовно-процессуальное законодательство европейских государств и ряда стран бывшего СССР – Грузии, Казахстана, Молдовы, Украины, стран Балтии. Указанные предложения включены в Дорожную карту дальнейшего реформирования органов внутренних

дел Российской Федерации (п. 4.5), внесены автором в проект соответствующего федерального закона, ранее неоднократно озвучивались учеными и практически работниками, в том числе в материалах конференций, проводимых в Академии управления МВД России¹⁷. Необходимы и другие изменения, учитывающие предло-

жения профессора А.С. Александрова и его коллег по Нижегородской школе уголовного процесса, представивших доктринальную модель уголовно-процессуального доказывания в Российской Федерации¹⁸, многие положения которой, в том числе отказ от стадии возбуждения уголовного дела, созвучны с изложенными в данной статье.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: Быков В.М. Проблемы стадии возбуждения уголовного дела // Журнал российского права. 2006. № 7. С. 54; Хитрова О.В. Начало уголовного процесса: научные концепции и перспективы правового регулирования // Организация деятельности органов предварительного следствия и дознания в системе МВД России: управленческие и криминалистические проблемы: Материалы всерос. науч.-практ. конф.: В 3 ч. М., 2012. Ч. 2. С. 10–15; Шадрин В.С. Начальная фаза уголовного процесса: от Устава уголовного судопроизводства до действующего уголовно-процессуального закона // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4. С. 719–721.

² См., напр.: Володина Л.М. Стадия возбуждения уголовного дела: Материалы международ. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы расследования преступлений» (Следственный комитет Российской Федерации). М., 2013. С. 212–217; Вицин С.Е. Институт возбуждения уголовного дела в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2003. № 6. С. 56; Гаврилов Б.Я. Современное уголовно-процессуальное законодательство и реалии его правоприменения // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1. С. 18–21; Гирько С.И. О некоторых проблемных вопросах процессуальной регламентации ускоренного досудебного производства // Российский следователь. 2010. № 15. С. 16; Кожокар В.В. Роль Федерального закона от 04.03.2013 № 23-ФЗ в реформировании института возбуждения уголовного дела: Материалы международ. науч.-практ. конф. (Следственный комитет Российской Федерации). М., 2013. Ч. 1. С. 211–215.

³ Концепция судебной реформы в Российской Федерации / Сост. С.А. Пашин. М., 1992. С. 88–89.

⁴ См.: СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

⁵ См.: Калиновский К.Б. Всегда ли следует возбуждать уголовное дело при обнаружении нового преступления или нового лица? // Российский следователь. 2009. № 6. С. 5–8; Он же. Защита прав потерпевших от преступлений в стадии возбуждения уголовного дела российского уголовного процесса // Там же. 2015. № 9. С. 10–14.

⁶ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2000. № 3.

⁷ См.: СПС «КонсультантПлюс».

⁸ См.: Там же.

⁹ См.: Там же.

¹⁰ См.: Там же.

¹¹ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2014. № 8.

¹² См.: Архив Московского областного суда за 2014 г.

¹³ См. подр.: Гаврилов Б.Я. Латентная преступность: понятие, структура, факторы латентности и меры по обеспечению достоверности уголовной статистики: Моногр. М., 2007. С. 20–35; Он же. Институт возбуждения уголовного дела: генезис, современное состояние и пути совершенствования // Труды Академии управления МВД России. 2010. № 3. С. 28–32 и др.

¹⁴ Российское законодательство X–XX веков. Т. 8. Судебная реформа. М., 1991. С. 150. Содержание ст. 311 Устава уголовного судопроизводства о том, что прокурор и его товарищи могут возбудить дело, не означает наличия в уставе специальной правовой нормы для реализации этого права, как это имеет место в уголовном процессе России начиная с УПК РСФСР 1960 г.

¹ См., напр.: Bykov V.M. Problemy stadii vzbuzhdeniya ugolovnogogo dela // Zhurnal rossijskogo prava. 2006. № 7. S. 54; Hitrova O.V. Nachalo ugolovnogogo processa: nauchnye koncepcii i perspektivy pravovogo regulirovaniya // Organizacija dejatel'nosti organov predvaritel'nogo sledstvija i doznaniya v sisteme MVD Rossii: upravlencheskie i kriminalisticheskie problemy: Materialy vseros. nauch.-prakt. konf.: V 3 ch. M., 2012. Ch. 2. S. 10–15; Shadrin V.S. Nachal'naja faza ugolovnogogo processa: ot Ustava ugolovnogogo sudoproizvodstva do dejstvujushhego ugolovno-processual'nogo zakona // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2014. № 4. S. 719–721.

² См., напр.: Volodina L.M. Stadija vzbuzhdeniya ugolovnogogo dela: Materialy mezhdunarod. nauch.-prakt. konf. «Aktual'nye problemy rassledovaniya prestuplenij» (Sledstvennyj komitet Rossijskoj Federacii). M., 2013. S. 212–217; Vicin S.E. Institut vzbuzhdeniya ugolovnogogo dela v ugolovnom sudoproizvodstve // Rossijskaja justicija. 2003. № 6. S. 56; Gavrilov B.Ja. Sovremennoe ugolovno-processual'noe zakonodatel'stvo i realii ego pravoprimerenija // Trudy Akademii upravlenija MVD Rossii. 2016. № 1. S. 18–21; Gir'ko S.I. O nekotoryh problemnyh voprosah processual'noj reglamentacii uskorenogo dosudebnogo proizvodstva // Rossijskij sledovatel'. 2010. № 15. S. 16; Kozhokar' V.V. Rol' Federal'nogo zakona ot 04.03.2013 № 23-FZ v reformirovanii instituta vzbuzhdenija ugolovnogogo dela: Materialy mezhdunarod. nauch.-prakt. konf. (Sledstvennyj komitet Rossijskoj Federacii). M., 2013. Ch. 1. S. 211–215.

³ Концепция судебной реформы в Российской Федерации / Сост. С.А. Пашин. М., 1992. С. 88–89.

⁴ См.: СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

⁵ См.: Kalinovskij K.B. Vsegda li sleduet vzbuzhdat' ugolovnoe delo pri obnaruzhenii novogo prestuplenija ili novogo lica? // Rossijskij sledovatel'. 2009. № 6. S. 5–8; On zhe. Zashhita prav poterpevsih ot prestuplenij v stadii vzbuzhdenija ugolovnogogo dela rossijskogo ugolovnogogo processa // Tam zhe. 2015. № 9. S. 10–14.

⁶ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2000. № 3.

⁷ См.: СПС «КонсультантПлюс».

⁸ См.: Там же.

⁹ См.: Там же.

¹⁰ См.: Там же.

¹¹ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2014. № 8.

¹² См.: Архив Московского областного суда за 2014 г.

¹³ См. подр.: Gavrilov B.Ja. Latentnaja prestupnost': ponjatije, struktura, faktory latentnosti i mery po obespecheniju dostovernosti ugolovnoj statistiki: Monogr. M., 2007. S. 20–35; On zhe. Institut vzbuzhdenija ugolovnogogo dela: genезis, sovremennoe sostojanie i puti sovershenstvovaniya // Trudy Akademii upravlenija MVD Rossii. 2010. № 3. S. 28–32 i dr.

¹⁴ Rossijskoe zakonodatel'stvo H–HH vekov. T. 8. Sudebnaja reforma. M., 1991. S. 150. Soderzhanie st. 311 Ustava ugolovnogogo sudoproizvodstva o tom, chto prokuror i ego tovarishhi mogut vzbudit' delo, ne oznachaet nalichija v ustave special'noj pravovoj normy dlja realizacii jetogo prava, kak jeto imeet mesto v ugolovnom processe Rossii nachinaja s UPK RSFSR 1960 g.

¹⁵ См. подр.: Gavrilov B.Ja. Realizacija otdel'nyh polozenij Ustava ugolovnogogo sudoproizvodstva v sovremennom dosudebnom proizvodstve Rossii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2014. № 5. S. 897–905.

¹⁶ См.: Dolja E.A. Formirovanie dokazatel'stv na osnove rezul'tatov operativno-rozysknoj dejatel'nosti: Monogr. M., 2009; On zhe. Rezul'taty operativno-rozysknoj dejatel'nosti ne mogut

¹⁵ См. подр.: Гаврилов Б.Я. Реализация отдельных положений Устава уголовного судопроизводства в современном досудебном производстве России // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 5. С. 897–905.

¹⁶ См.: Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности: Моногр. М., 2009; Он же. Результаты оперативно-розыскной деятельности не могут стать содержанием доказательств в уголовном процессе // Государство и право. 2013. № 5. С. 24–39.

¹⁷ См., напр.: Материалы всерос. науч.-практ. конф. «Проблемы современного состояния и пути развития органов предварительного следствия (к 150-летию образования в России следственного аппарата), 28–29 мая 2010 г. // Российский следователь. 2010. № 15. С. 2–48; Материалы всерос. науч.-практ. конф. «Правовое и криминалистическое обеспечение управления органами расследования преступлений», 26 мая 2011 г. // Там же. 2011. № 16. С. 2–39.

¹⁸ См.: Александров А.С. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней. М., 2015.

stat' sodержaniem dokazatel'stv v ugovolnom processe // Gosudarstvo i pravo. 2013. № 5. С. 24–39.

¹⁷ См., напр.: Материалы всерос. науч.-практ. конф. «Problemy sovremennogo sostojanija i puti razvitija organov predvaritel'nogo sledstvija (k 150-letiju obrazovanija v Rossii sledstvennogo apparata), 28–29 maja 2010 g. // Rossijskij sledovatel'. 2010. № 15. С. 2–48; Материалы всерос. науч.-практ. конф. «Pravovoe i kriminalisticheskoe obespechenie upravlenija organami rassledovanija prestuplenij», 26 maja 2011 g. // Tam zhe. 2011. № 16. С. 2–39.

¹⁸ См.: Александров А.С. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней. М., 2015.

УДК 343.82

О личности осужденных, освобождаемых от отбывания наказания в виде лишения свободы

А.М. ПОТАПОВ – начальник кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

А.Н. ЛЕПЩИКОВ – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России

В статье анализируются вопросы, отражающие динамику изменений социально-демографических, уголовно-правовых и уголовно-исполнительных особенностей личности осужденных, освобождаемых от отбывания наказания в виде лишения свободы; формулируются выводы о возможности использования результатов исследования в правоприменительной деятельности, связанной с реализацией правовых последствий отбывания наказания в виде лишения свободы.

К л ю ч е в ы е с л о в а : осужденный; лишение свободы; освобождение от отбывания наказания; судимость; рецидив; социальный контроль; ресоциализация.

About the personality of convicted, released from serving imprisonment

A.M. POTAPOV – Head of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicted of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor;

A.N. LEPSHCHIKOV – Associate Professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicted of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article reflects the dynamics of changes in the socio-demographic, criminal law and the penal features of the personality convicted, released from serving imprisonment; formulated are conclusions about the possibility of using the results of research in law enforcement activities related to the implementation of the legal consequences of serving imprisonment.

Key words: convicted; deprivation of liberty; release from punishment; conviction; recurrence; social control; resocialization.

За последние годы в Российской Федерации проделана серьезная работа, направленная на повышение эффективности уголовной и уголовно-исполнительной политики, гуманизацию исполнения наказания, созданы предпосылки для внедрения концептуально новой программы пенитенциарной деятельности, что соответствует основным приоритетам противодействия преступности¹. Данные действия в совокупности определили основные тенденции по уменьшению состава и численности лиц, содержащихся в местах лишения свободы. В результате с 2003 г. по 1 августа 2016 г. общая численность осужденных в исправительных колониях снизилась на 99 650 чел. (с 749 488 до 649 838). При этом из исправительных колоний были освобождены более 3 млн чел., то есть более 250 тыс. ежегодно².

В связи с этим изменилась и криминологическая обстановка в исправительных учреждениях. Так, уровень преступности в местах лишения свободы на тысячу осужденных в 2015 г. составил 1,59 (в 2003 г. – 0,9), доля осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления достигла 70%. Каждый четвертый отбывает наказание за убийство и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, каждый пятый – за разбой или грабеж. Более половины осужденных отбывают наказание во второй раз и более, что подтверждает их устойчивую криминальную мотивацию³.

Указанная зависимость между уменьшением численности осужденных в местах лишения свободы и концентрацией в данных учреждениях наиболее опасных категорий преступников обусловлена в том числе и проблемами в реализации освобожденными своих прав и законных интересов, а также разнообразием правоограничений, установленных для граждан, имеющих судимость, что, безусловно, влияет на указанные негативные процессы. Обращает на себя внимание и отсутствие действенного механизма реализации правовых последствий отбывания наказания в виде лишения свободы, что в свою очередь отрицательно сказывается на смежных правовых институтах,

призванных решать задачи профилактики рецидивной преступности, осуществления постпенитенциарного контроля, оказания социальной помощи после освобождения.

Данные обстоятельства предопределяют необходимость изучения особенностей личности осужденных, освобождающихся из исправительных учреждений, ее характерных признаков, а также того объективного процесса, в котором проявляются ее социально значимые черты. Особую роль в процессе изучения приобретает оценка динамики изменения личности освобождающихся за период проведенного нами исследования⁴ с целью построения перспективного прогноза по исследуемой проблеме.

Среди данных, отражающих социальное положение освобожденных, большую роль играют социально-демографические признаки, на основе которых формируется общее и индивидуальное представление о личности освобожденных. Кроме того, анализ признаков, составляющих уголовно-правовую и уголовно-исполнительную характеристику, позволяет сформировать представление о тех чертах личности, которые способствовали совершению преступления, дальнейшему исправлению, а также подготовке к жизни на свободе.

Необходимо отметить, что указанные критерии в определенной степени находят свое отражение в статистических материалах правоохранительных органов. Но отдельных весьма важных показателей в данных отчетах нет, как, к сожалению, и в специальных изданиях, направленных на изучение контингента освобожденных⁵. Таким образом, анализ и обобщение результатов нашего исследования позволят пополнить общую информационную базу по проблемам освобождения осужденных на современном этапе, более детально исследовать отдельные аспекты последующего процесса социальной адаптации освобожденных, а также контроля за их поведением.

Как уже отмечалось, признаки, отражающие социальную сущность лиц, отбывших наказание, играют очень важную роль, по-

этому характеристику целесообразно начать с анализа социально-демографических данных.

Пол. В абсолютных показателях данные о половой принадлежности лиц, подлежащих освобождению, в целом совпадают с показателями распределения по полу основной массы осужденных⁶. Так, доля осужденных женского пола на 1 августа 2016 г. составляла 8,04% от общего удельного веса осужденных⁷. При этом превышение доли осужденных женщин, которым осталось отбывать наказание до 6 месяцев (8,6%), среди всех лиц женского пола над аналогичным показателем доли мужчин (8%) нельзя рассматривать как результат более редкого применения к женщинам досрочного освобождения. Это может быть связано с проявлением гуманного отношения к лицам женского пола и назначением им меньших по сравнению с мужчинами сроков наказания, в течение которых они не успевают досрочно покинуть места лишения свободы⁸.

Возраст. Возраст, как никакой другой показатель, определяет поведение человека, его интересы, потребности, жизненные планы, состояние здоровья, возможности создания семьи, получение специальности, образования⁹. Исследованием установлено, что наибольший удельный вес составляют группы осужденных в возрасте от 19 до 30 лет (45%) и от 30 до 40 лет (32%)¹⁰. Это самый криминогенный возраст. Возраст определенным образом может влиять на планы осужденного в отношении трудоустройства после освобождения. Например, значительная часть освобождаемой молодежи (35%) смутно представляет себе возможное место работы после выхода из исправительного учреждения.

Семейное положение. Наличие семьи у лиц, освобождающихся из исправительных учреждений, является основой для их жизни на свободе, облегчает постепенную социальную адаптацию¹¹.

По данным исследования, к моменту осуждения более половины лиц состояли в браке. В период отбывания наказания у 19% из них брак по различным причинам распался. Таким образом, к моменту окончания исследования (сентябрь 2015 г.) можно было считать состоящими в браке примерно 40% освобождающихся. При этом динамика сохранения брачных отношений имеет тенденцию к увеличению (+2% к показателям 2011 г. и ранее).

В качестве положительного фактора можно отметить и то обстоятельство, что бо-

лее 90% не состоящих в браке осужденных имеют родственников. Однако необходимо констатировать, что у 13% осужденных вообще отсутствуют какие-либо социально полезные связи, а 7% состоят в браке формально.

Таким образом, семейное положение имеет большое значение как при изучении личности освобождаемых в целом, так и при планировании мероприятий по подготовке их к освобождению.

Уровень образования. Уровень образования осужденных не только является одним из важнейших социально-демографических параметров, но и определенным образом влияет на процесс исправления, учитывается при решении вопросов социальной адаптации лиц, отбывших наказание¹².

На наш взгляд, можно согласиться с А.С. Михлиным и В.И. Гуськовым в том, что у необразованных лиц низкий уровень жизненных интересов. Нравственные и моральные убеждения у них не развиты¹³. Однако данные выводы не бесспорны. Практика свидетельствует, что высокий уровень образования (5%) не всегда является определяющим фактором, а проблемы воспитания, нравственности не могут быть им компенсированы¹⁴.

Результаты нашего исследования показывают, что в 2015 г. удельный вес лиц со средним и средним специальным образованием составлял 76% (42 и 34% соответственно), что фактически в два раза больше удельной доли лиц с незаконченным средним образованием (19%). Отмеченное обстоятельство осложнено тем, что 48% из числа лиц, не имеющих среднего образования, – это осужденные в возрасте до 25 лет. Кроме того, 4,9% из них не стремятся к завершению начатого образования, лишь 14% указали на необходимость продолжения образования, начатого в исправительном учреждении, а 42% респондентов планируют получить дополнительное образование после освобождения.

Труд. Труд в жизни человека выступает и как средство удовлетворения материальных и духовных потребностей, и как важнейший общественный фактор всестороннего развития личности. Именно труд позволяет развить социально полезные навыки, соотносить свои интересы с интересами общества, что выступает необходимым условием нормальной жизнедеятельности осужденного на свободе¹⁵.

Известно, что среди отбывающих наказание в местах лишения свободы достаточ-

но велика доля лиц, на момент совершения преступления не занимавшихся никакой социально полезной деятельностью и, следовательно, не имевших постоянных источников дохода. В процессе обработки данных исследования в 2015 г. были получены следующие результаты: преобладающая часть респондентов (73%) была трудоустроена до осуждения, из них доля рабочих составила 52,1%, служащих – 9,5%, лиц, занимавшихся предпринимательской деятельностью, – 11,6%. Соответственно 27% не работали, из них 14% – в связи с отсутствием желания работать вообще или заниматься предложенной работой, 13% – по состоянию здоровья или возрасту.

В исправительном учреждении 5,2% осужденных не выразили желания работать (пенсионеры или инвалиды), 21% работал по специальности, полученной до осуждения, 24% высказали желание работать при наличии таких возможностей в колонии. Данная ситуация не может быть оценена положительно, так как около 30% осужденных не заняты трудом в местах лишения свободы, а 31,4% намерены после освобождения работать, если предложенная работа будет их устраивать. С точки зрения возможности совершения повторных преступлений последняя группа представляет наибольшую опасность.

Состояние здоровья. Необходимость анализа указанного параметра очевидна. Состояние здоровья оказывает влияние практически на все сферы жизнедеятельности освобожденного, реализацию им своих социально-экономических прав. Особенно это касается лиц с ограниченными возможностями. Речь, в частности, идет об инвалидах, находящихся в местах лишения свободы. Так, в зависимости от группы инвалидности осужденные распределились следующим образом: I группа – 5,2%, II группа – 74%, III группа – 20,8%¹⁶. По характеру заболевания преобладает туберкулез – 82% (в целом по стране – 26,2 тыс. чел.)¹⁷, остальные заболевания в выборке распределились поровну – по 3,1% (инсульт, ампутация, паралич нижних конечностей и т.д.)¹⁸.

Помимо этого, в последнее время обострилась проблема ВИЧ-инфицированных осужденных. О ее масштабах свидетельствуют имеющиеся показатели. Так, в 2015 г. в исправительных учреждениях отбывали наказание более 60 тыс. ВИЧ-инфицированных, с ежегодным приростом более 5%¹⁹.

Аналогичная ситуация и с лицами, имеющими психические патологии и наркологи-

ческие заболевания. Распространенность психических и наркологических заболеваний в учреждениях уголовно-исполнительной системы значительно превышает соответствующий показатель по России. На 1 января 2016 г. более 125 тыс. чел. (18,5% от всех лиц, находящихся в учреждениях системы исполнения наказаний) имели психическую патологию, из них 54,8 тыс. с психическими расстройствами, 49,6 тыс. больных наркоманией, 20,5 тыс. больных алкоголизмом²⁰.

Соответственно возрастает и количество больных, освобождающихся из мест лишения свободы. К сожалению, официальной статистики, отражающей данные показатели, нет.

Наличие жилья. Отсутствие жилья, бытовая неустроенность могут повлиять на совершение преступления лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы²¹.

Из полученных в ходе исследования данных установлено, что 72% освобожденных не ожидают возникновения проблем с жильем, 24% предполагают, что у них, возможно, возникнут проблемы с местом проживания, но они смогут решить их самостоятельно, 4% указали, что у них нет жилья.

Вызывают интерес данные об осужденных, имевших жилье до осуждения и утративших его к моменту освобождения. Результаты исследования показали, что примерно 6% осужденных в процессе отбывания наказания переместились в группу не нуждающихся в жилье. Представляется, что высокий удельный вес лиц, сохранивших жилье, может быть весьма условным, так как известно, что факт возможного проживания осужденного в том или ином жилище еще не подтверждает его право собственности на занимаемую жилую площадь. Именно поэтому, по нашему мнению, 24% осужденных указали, что у них, возможно, возникнут проблемы с жильем, но они смогут решить их самостоятельно. В данном случае речь, скорее всего, будет идти об аренде жилья.

При рассмотрении вопросов, затрагивающих характеристику личности осужденных, отбывших наказание, немаловажное значение имеют факторы, связанные со сферой уголовно-правовых отношений. Учитывая роль уголовно-правовой характеристики, представляется целесообразным рассмотреть такие ее показатели, как квалификация совершенного преступления, количество судимостей, наличие дополнительных наказаний и т.д.

Квалификация преступления. Данный вопрос о квалификации в уголовно-правовой характеристике является одним из важнейших, поскольку в ней находит выражение оценка деяния со стороны государства. Ее правовым последствием является применение предусмотренного законом наказания. Очевидно, что количество освобождающихся лиц напрямую зависит от общего количества осужденных в предшествующий период. Так, общее количество осужденных по приговорам, вступившим в законную силу на 1 августа 2016 г., составило 649 836 чел. (увеличилось к началу года на 3751)²². Естественно, данная ситуация коренным образом повлияла на уголовно-правовую характеристику лиц, освобождающихся из исправительных учреждений, в том числе отразилась на квалификации преступлений (каждый четвертый отбывает наказание за насильственное преступление, каждый пятый – за корыстно-насильственное).

Так, доли освобождавшихся в 2015 г. в зависимости от тяжести совершенного преступления распределились следующим образом: за преступления небольшой тяжести отбывали наказание 20,3% осужденных, средней – 19,2%, тяжкие – 31,3%, особо тяжкие – 14,7%. Из них за насильственные преступления было осуждено 20,5%, корыстные – 56,8%, корыстно-насильственные – 12,6%, иные преступления – 10,1%. Данные показатели свидетельствуют о высоком удельном весе освобождающихся, осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления.

Количество судимостей. Особое значение в уголовно-правовой характеристике имеет показатель наличия ранее имевшихся судимостей у готовящихся к освобождению осужденных. В процессе исследования установлено, что удельный вес лиц, имеющих одну судимость, составляет 48,2%, две – 30,4%, три и более – 21,4%²³. Превышение доли осужденных, имеющих одну судимость, над долями осужденных, имеющих две судимости и более, составляет 1,5–2 раза. Это может рассматриваться как положительный момент, свидетельствующий о меньшей степени общественной опасности лиц, освобождающихся из исправительных учреждений. Однако, как было установлено ранее, это лица в основном в возрасте до 30 лет, что свидетельствует о снижении возраста преступников на протяжении последних лет.

Основание освобождения от отбывания наказания. Одними из основных элементов

уголовно-исполнительной характеристики освобождающихся являются основания их освобождения, предусмотренные ст. 172 УИК РФ. Исходя из этого, в 2015 г. освобожденные распределились следующим образом: 73,1% – по отбытии срока наказания, назначенного по приговору суда; 25,9% – условно-досрочно или в связи с заменой неотбытой части наказания более мягким видом наказания; 1% – по помилованию, амнистии или в связи с тяжелой болезнью или инвалидностью, а также по иным основаниям.

При этом в сравнении с 2010 г. наблюдается уменьшение доли лиц, освобожденных условно-досрочно (–17,8%), а также увеличение освобожденных по помилованию или амнистии (+1,1%). Стоит отметить, что нами не учитывались результаты амнистии, объявленной в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., что, безусловно, увеличит количество освобожденных по данному основанию²⁴.

Если рассматривать другие основания, то можно отметить, что произошло увеличение показателей по отбытии срока наказания (+18,4%). На прежнем уровне осталось число случаев освобождения в связи с тяжелой болезнью или инвалидностью, а также по иным основаниям.

В целом уменьшение удельного веса лиц, освобожденных условно-досрочно, свидетельствует об изменении структуры осужденных, ухудшении их характеристик, что не позволяет суду принимать решение об их досрочном освобождении. При этом стоит иметь в виду и общее снижение количества осужденных, что оказывает влияние на рассматриваемые показатели.

Оценивая другие основания освобождения, следует отметить, что снижение основных показателей произошло в большей степени из-за вносимых в уголовное и уголовно-исполнительное законодательство изменений. В то же время такой вид освобождения, как замена наказания более мягким, можно было бы применять более широко.

Срок наказания. Срок наказания в виде лишения свободы, отбытый осужденным, представляет собой важный показатель уголовно-исполнительной характеристики, не только отражающий общественную опасность преступления, но и влияющий на состояние социально полезных связей осужденного, а также на процесс социальной адаптации после освобождения²⁵.

В зависимости от срока отбытого наказания освобожденные распределились следующим образом: отбывали наказание ме-

нее одного года 2,9% осужденных, от одного года до трех лет – 17,5%, от четырех до пяти лет – 19,2%, от пяти до десяти лет – 31,3%, свыше десяти лет – 14,6%. Таким образом, удельный вес лиц со сроком наказания от пяти до десяти лет является преобладающим среди других категорий освобожденных, что отражает тенденции увеличения количества осужденных за данные преступления в общем удельном весе осужденных к лишению свободы.

Анализ данной группы лиц показал, что сохранение нормальных семейных отношений остается серьезной проблемой для 28% освобожденных, так как срок отбытого наказания непосредственно может влиять на состояние социально полезных связей²⁶. Изучение осужденных с более длительными сроками подтверждает это. Так, среди осужденных на срок более десяти лет удельный вес лиц, утративших социально полезные связи, составил 35,6%, тогда как у лиц, отбывавших наказание до пяти лет лишения свободы, подобные проблемы возникли в 11,8% случаев.

Очевидно, что продолжительность срока наказания для сохранения семейных отношений проявляет себя только как отрицательный фактор, поэтому правы авторы, утверждающие, что, когда это необходимо, целесообразно применять к осужденным различные формы досрочного освобождения, в том числе для сохранения социально полезных связей²⁷, чего в текущей ситуации не происходит.

Подготовка к освобождению. Касаясь данного вопроса, нужно отметить, что деятельность уголовно-исполнительной системы все больше приобретает социальную направленность. В результате более 90% осужденных из числа нуждающихся получили помощь в трудовом и бытовом устройстве после освобождения, более 76% из них – в поиске постоянного места жительства. Практически каждому второму оказана помощь в восстановлении утраченных социально полезных связей.

В то же время проблемы остаются. Так, 30,5% осужденных отметили, что работа по

подготовке к освобождению в исправительном учреждении организована, но проводится формально, а 14% указали, что такая работа с ними не ведется. Очевидно, такое соотношение не самым положительным образом может характеризовать деятельность исправительных учреждений и может серьезным образом сказаться на адаптации освобожденных к условиям жизни в современном обществе.

Таким образом, личность освобожденного имеет следующие особенности: это лицо, отбывшее наказание в виде лишения свободы; средний возраст – 32,6 года; имеет судимость, преимущественно за корыстные преступления; срок наказания установлен от пяти до десяти лет; ранее судимо, в основном за аналогичные преступления; на момент освобождения имеет основное общее образование, прошло обучение в профессиональном училище исправительного учреждения; в браке не состоит, но стремится к поддержанию социально полезных связей с родственниками; проявляет признаки исправления, в совершенном преступлении раскаивается; освобождено по концу срока; материальное положение неудовлетворительное; жильем после освобождения обеспечено.

Может показаться, что, давая такую характеристику, мы подходим к личности освобожденных с определенным шаблоном. Это не совсем так. Синтезируя данные, можно проследить определенные особенности, характеризующие всю группу в целом, выработать предложения, направленные на решение комплексных проблем, затрагивающих основную массу исследуемых. Кроме того, оценка тех или иных особенностей контингента позволяет более детально подходить к вопросам профилактики преступлений лиц, отбывших наказание, а также обращаться к проблеме ресоциализации данной категории после освобождения из мест лишения свободы. Особую актуальность данный портрет представляет в сравнении с портретом и характеристикой освобожденных на протяжении последних десяти лет.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 г. № 1772-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // СЗ РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.

² См.: URL: <http://fsin.su/statistics> (дата обращения: 01.06.2016).

³ См.: Там же.

⁴ Результаты эмпирического исследования, представленные в статье, получены в три этапа (2003–2005 гг., 2010–

¹ См.: Распоряжение Правитель'ства Rossijskoj Federacii ot 14.10.2010 g. № 1772-r «Ob utverzhdenii Konceptcii razvitiya ugovolno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii do 2020 goda» // SZ RF. 2010. № 43. St. 5544.

² См.: URL: <http://fsin.su/statistics> (data obrashhenija: 01.06.2016).

³ См.: Tam zhe.

⁴ Rezul'taty jempiricheskogo issledovanija, predstavlennye v stat'e, polucheny v tri jetapa (2003–2005 gg., 2010–

2011 гг., 2014–2015 гг.) в исправительных учреждениях более 20 территориальных органов ФСИН России во всех федеральных округах Российской Федерации. На каждом из этапов выборочному исследованию подвергались более 500 осужденных, ранее освобождавшихся из исправительных учреждений, и 200 сотрудников.

⁵ Основными исследованиями в данной области являются работы авторских коллективов под руководством А.С. Михлина по анализу результатов специальной переписи осужденных 1999 г. и В.И. Селиверстова по анализу результатов специальной переписи осужденных 2009 г. Материалы специальной переписи осужденных 2009 г. полностью не публиковались.

⁶ См.: URL: <http://www.fsin.su/main.phrhtml?cid=6> (дата обращения: 01.06.2016).

⁷ См.: Характеристика осужденных к лишению свободы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fsin.su/main.phrhtml?cid=6> (дата обращения: 01.06.2016).

⁸ См.: Там же.

⁹ См.: Михлин А.С., Гуськов В.И. Подготовка к освобождению лишенных свободы и закрепление результатов их исправления. М., 1972. С. 14; Антонян Ю.М., Волкова Т.Н. Преступность стариков. Рязань, 2005. С. 134.

¹⁰ См.: URL: <http://www.fsin.su/main.phrhtml?cid=6> (дата обращения: 01.06.2016).

¹¹ См.: Ленский В.М. Организационно-правовые проблемы досрочного освобождения осужденных из исправительно-трудовых учреждений: Дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1996. С. 119.

¹² См.: Жулева Ю.В. Ресоциализация осужденных несовершеннолетних женского пола, отбывающих наказание в воспитательных колониях (правовые и криминологические аспекты): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2000. С. 9.

¹³ См.: Михлин А.С., Гуськов В.И. Подготовка к освобождению лишенных свободы и закрепление результатов их исправления. С. 21.

¹⁴ См.: Коваль М.И. Социально-правовая адаптация лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы: Дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1996. С. 74.

¹⁵ См., напр.: Шамсунов С.Х. Организация и правовое регулирование труда осужденных к лишению свободы в целях их социальной реабилитации: Дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2005. С. 20, 21; Дубровицкий Л.П. Социально-правовые и организационные вопросы труда осужденных к лишению свободы в условиях развития рыночных отношений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. С. 11.

¹⁶ Данные показатели инвалидности фактически не изменились за 10 лет. См., напр.: Гадиев Г.А. Правовые и криминологические аспекты социальной адаптации осужденных инвалидов: Дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005. С. 88.

¹⁷ См.: URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/Doklad/DROND%202015-2017.pdf> (дата обращения: 01.06.2016).

¹⁸ Показатели заболеваемости туберкулезом за 10 лет снизились более чем на 10% (в 2014 г. – на 3,9%), по другим заболеваниям остались на прежнем уровне. См., напр.: Антонян Ю.М., Волкова Т.Н. Преступность стариков. С. 134.

¹⁹ См.: URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/Doklad/DROND%202015-2017.pdf> (дата обращения: 01.06.2016).

²⁰ См.: Там же.

²¹ См., напр.: Коваль М.И. Социально-правовая адаптация лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы. С. 67; Ленский В.М. Организационно-правовые проблемы досрочного освобождения осужденных из исправительно-трудовых учреждений. С. 126.

²² См.: URL: <http://xn--h1akkl.xn--p1ai/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 01.06.2016).

²³ См.: URL: <http://www.fsin.su/statistic> (дата обращения: 01.06.2016).

²⁴ См.: URL: <http://www.rg.ru/2015/04/24/amnistia-site-dok.html> (дата обращения: 01.06.2016).

²⁵ См., напр.: Зубкова В.И. Уголовное наказание и его социальная роль: законодательство, теория и практика: Дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2002. С. 293; Маликов Б.З. Теоретические проблемы сущности и содержания лишения свободы и их выражение в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве России: Дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань,

2011 гг., 2014–2015 гг.) v ispravitel'nyh uchrezhdenijah bolee 20 territorial'nyh organov FSIN Rossii vo vseh federal'nyh okrugah Rossijskoj Federacii. Na kazhdom iz jetapov vyborochnomu issledovaniju podvergalis' bolee 500 osuzhdennyh, ranee osvobodivshisja iz ispravitel'nyh uchrezhdenij, i 200 sotrudnikov.

⁵ Osnovnymi issledovanijami v dannoj oblasti javljajutsja raboty avtorskih kollektivov pod rukovodstvom A.S. Mihlina po analizu rezul'tatov special'noj perepisi osuzhdennyh 1999 g. i V.I. Seliverstova po analizu rezul'tatov special'noj perepisi osuzhdennyh 2009 g. Materialy special'noj perepisi osuzhdennyh 2009 g. polnost'ju ne publikovalis'.

⁶ Sm.: URL: <http://www.fsin.su/main.phrhtml?cid=6> (data obrashhenija: 01.06.2016).

⁷ Sm.: Harakteristika osuzhdennyh k lisheniju svobody [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.fsin.su/main.phrhtml?cid=6> (data obrashhenija: 01.06.2016).

⁸ Sm.: Tam zhe.

⁹ Sm.: Mihlin A.S., Gus'kov V.I. Podgotovka k osvobozhdeniju lishennyh svobody i zakreplenie rezul'tatov ih ispravlenija. M., 1972. S. 14; Antonjan Ju.M., Volkova T.N. Prestupnost' starikov. Rjazan', 2005. S. 134.

¹⁰ Sm.: URL: <http://www.fsin.su/main.phrhtml?cid=6> (data obrashhenija: 01.06.2016).

¹¹ Sm.: Lenskij V.M. Organizacionno-pravovye problemy dosrochnogo osvobozhdenija osuzhdennyh iz ispravitel'no-trudovoy uchrezhdenij: Dis. ... kand. jurid. nauk. Rjazan', 1996. S. 119.

¹² Sm.: Zhuleva Ju.V. Resocializacija osuzhdennyh nesovershennoletnih zhenskogo pola, otbyvajushhih nakazanie v vospitatel'nyh kolonijah (pravovye i kriminologicheskie aspekty): Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Rjazan', 2000. S. 9.

¹³ Sm.: Mihlin A.S., Gus'kov V.I. Podgotovka k osvobozhdeniju lishennyh svobody i zakreplenie rezul'tatov ih ispravlenija. S. 21.

¹⁴ Sm.: Koval' M.I. Social'no-pravovaja adaptacija lic, otbyvajushhih nakazanie v vide lishenija svobody: Dis. ... kand. jurid. nauk. Rjazan', 1996. S. 74.

¹⁵ Sm., napr.: Shamsunov S.H. Organizacija i pravovoe regulirovanie truda osuzhdennyh k lisheniju svobody v celjah ih social'noj rehabilitacii: Dis. ... d-ra jurid. nauk. Rjazan', 2005. S. 20, 21; Dubrovickij L.P. Social'no-pravovye i organizacionnyye prosy truda osuzhdennyh k lisheniju svobody v uslovijah razvitija rynochnyh otnoshenij: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 1997. S. 11.

¹⁶ Dannie pokazateli invalidnosti fakticheski ne izmenilis' za 10 let. Sm., napr.: Gadiev G.A. Pravovye i kriminologicheskie aspekty social'noj adaptacii osuzhdennyh-invalidov: Dis. ... kand. jurid. nauk. Rjazan', 2005. S. 88.

¹⁷ Sm.: URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/Doklad/DROND%202015-2017.pdf> (data obrashhenija: 01.06.2016).

¹⁸ Pokazateli zaboлеваemosti tuberkulezom za 10 let snizilis' bolee chem na 10% (v 2014 g. – na 3,9%), po drugim zabolevanijam ostalis' na prezhnem urovne. Sm., napr.: Antonjan Ju.M., Volkova T.N. Prestupnost' starikov. S. 134.

¹⁹ Sm.: URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/Doklad/DROND%202015-2017.pdf> (data obrashhenija: 01.06.2016).

²⁰ Sm.: Tam zhe.

²¹ Sm., napr.: Koval' M.I. Social'no-pravovaja adaptacija lic, otbyvajushhih nakazanie v vide lishenija svobody. S. 67; Lenskij V.M. Organizacionno-pravovye problemy dosrochnogo osvobozhdenija osuzhdennyh iz ispravitel'no-trudovoy uchrezhdenij. S. 126.

²² Sm.: URL: <http://xn--h1akkl.xn--p1ai/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (data obrashhenija: 01.06.2016).

²³ Sm.: URL: <http://www.fsin.su/statistic> (data obrashhenija: 01.06.2016).

²⁴ Sm.: URL: <http://www.rg.ru/2015/04/24/amnistia-site-dok.html> (data obrashhenija: 01.06.2016).

²⁵ Sm., napr.: Zbukova V.I. Ugolovnoe nakazanie i ego social'naja rol': zakonodatel'stvo, teorija i praktika: Dis. ... d-ra jurid. nauk. Rjazan', 2002. S. 293; Malikov B.Z. Teoreticheskie problemy sushhnosti i sodержanija lishenija svobody i ih vyrazhenie v ugolovnom i ugolovno-ispolnitel'nom zakonodatel'stve Rossii: Dis. ... d-ra jurid. nauk. Rjazan', 2004. S. 85, 94; Sorokina S.V. Lishenie svobody na kratkie sroki (ugolovno-ispolnitel'nyj aspekt): Dis. ... kand. jurid. nauk. Rjazan', 2005. S. 4, 15, 18.

2004. С. 85, 94; Сорокина С.В. Лишение свободы на краткие сроки (уголовно-исполнительный аспект): Дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005. С. 4, 15, 18.

²⁶ См.: Ворохобко Л.Ю. Социально полезные связи осужденных к лишению свободы с родственниками в процессе исправления и перевоспитания: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 3.

²⁷ См., напр.: Малин П.М. Уголовно-правовые и уголовно-исполнительные проблемы условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы: Дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2000. С. 100–101.

²⁶ См.: Vorohobko L.Ju. Social'no poleznye svjazi osuzhdennyh k lisheniju svobody s rodstvennikami v processe ispravlenija i perevospitanija: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. S. 3.

²⁷ См., напр.: Malin P.M. Uголовно-правовые и уголовно-исполнительные проблемы условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы: Дис. ... канд. юрид. наук. Rjazan', 2000. S. 100–101.

УДК 343.811

Предпосылки совершенствования института классификации осужденных к лишению свободы

С.М. САВУШКИН – начальник кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Кузбасского института ФСИН России, кандидат юридических наук

В статье анализируются проблемы совершенствования института классификации осужденных к лишению свободы в связи с уменьшением их численности и ухудшением их криминологической характеристики, рассматривается зарубежная практика реализации данного института и особенности его функционирования в исторических аспектах.

Ключевые слова: лишение свободы; исправительные учреждения; классификация осужденных; распределительные комиссии.

Preconditions for improving classification institute of sentenced to imprisonment

S.M. SAVUSHKIN – Head of the Department of Penal Law and Criminology of the Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law

The article notes the need to improve the classification institute of sentenced to imprisonment in connection with a reduction in their numbers and the deterioration of their criminological characteristics, it considers foreign practice of implementation classification institute of convicted and features of its functioning in the historical aspects.

Key words: deprivation of liberty; correction institutions; classification of convicts; distribution commissions.

Динамично развивающиеся общественные отношения ставят ряд вопросов перед наукой уголовно-исполнительного права, прежде всего в области регламентации порядка и условий исполнения лишения свободы. Достижение исправления осужденных и предупреждения совершения новых преступлений как ими самими, так

и другими лицами требует надлежащего исполнения этого наказания и связанного с ним процесса исправительного воздействия.

Как отмечается в Минимальных стандартных правилах ООН в отношении обращения с заключенными (Правила Манделы), для претворения в жизнь руководящих принци-

пов необходимо наличие гибкой системы классификации заключенных по группам.

Статистика показывает, что численность осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях, ежегодно сокращается, однако процент осужденных к лишению свободы за тяжкие и особо тяжкие преступления увеличивается. Общее число зарегистрированных преступлений среди лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, в 2015 г. составило 940¹. Это говорит о том, что оперативные аппараты не справляются с возложенными на них обязанностями и необходима более детальная регламентация процесса изучения личности осужденного для достижения целей уголовно-исполнительного законодательства.

По мнению А.Б. Сахарова, для решения вопроса об уголовной ответственности «мало констатировать наличие в действиях виновного признаков состава преступления. Надо знать, что представляет собой сам виновный, почему он совершил данное преступление, насколько оно согласуется или, напротив, расходится со всем поведением, со всем строем данной личности, с его взглядами, тенденциями наклонностями и т.д.»².

В.Д. Филимонов отмечал, что преступника выделяет из числа других людей совершенное им преступление. Оно является показателем существования определенных отрицательных свойств его личности. Эти свойства, независимо от того, будем ли мы говорить об устойчивых психических отношениях преступника к окружающей действительности или общественных отношениях, связывающих его с другими людьми, не исчерпывают всего содержания личности человека. В ней всегда остается немало положительных качеств, полезных для общества и него самого. Здоровые свойства сознания преступника служат основой для успешной деятельности по его перевоспитанию³.

Как показал анализ 300 уголовных дел, проведенный А.А. Весяевым, исследование личности обвиняемого по каждому уголовному делу подменяется определением относимости и допустимости представленного сторонами характеризующего материала. Их действительный анализ отражается в приговоре суда формальным образом: «учитывая личность подсудимого, условия его жизни и воспитания, уровень психического развития, положительные характеристики по месту жительства и работы, суд постановил...», «исходя из степени общественной

опасности личности...», «учитывая личность подсудимого...», «учитывая молодой возраст подсудимого...»⁴. Во-первых, такие заключения не дают возможности установить, какие именно обстоятельства относятся к личности обвиняемого. Во-вторых, отсутствие в решении суда развернутой характеристики личности обвиняемого затрудняет, а подчас и лишает кассационные и надзорные инстанции всесторонней проверки обоснованности и справедливости приговора. В-третьих, после вступления приговора в законную силу перед органами, приводящими приговор в исполнение, встает вопрос о выборе места и условий отбывания наказания в виде лишения свободы.

Практика показывает, что администрация мест лишения свободы на сегодняшний день почти не обладает никакими сведениями об осужденном, кроме указанных в приговоре. Наличие дополнительных данных о личности осужденного позволило бы уменьшить количество ошибок и упущений, связанных с процессом исправления.

На основании уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации вторичную классификацию осужденных к лишению свободы проводят администрации исправительных учреждений. Классификация закрепляет возможность в пределах одного вида исправительного учреждения раздельное содержание различных категорий осужденных.

Критерии классификации осужденных и правила их раздельного содержания в различных видах исправительных учреждений устанавливаются уголовным и уголовно-исполнительным законодательством. В целом же рассматриваемая нами классификация представляет собой комплексный институт российского права.

В большинстве стран распределение осужденных по учреждениям проводится не судом, а специально созданными в рамках тюремных ведомств структурами – так называемыми центрами оценивания. На основании оценки степени общественной опасности (риска, исходящего от заключенного) производится категоризация осужденных и соответственно определяется уровень режимных ограничений⁵.

Стоит отметить, что в истории отечественной уголовно-исполнительной системы существовал такой опыт. Нормами ИТК РСФСР 1924 г. регламентировалась работа распределительных комиссий, которые соотносили осужденных по исправительным учреждениям.

В полномочия указанных комиссий входили: 1) распределение приговоренных к лишению свободы по местам заключения и перевод их из одного исправительно-трудового учреждения в другое в пределах губернии; 2) перевод заключенных второй и третьей категорий из одного разряда в другой; 3) ходатайство перед судом о продлении срока заключения в отношении несовершеннолетних заключенных, не обнаруживших достаточного исправления к концу отбытия ими срока назначенной судом меры социальной защиты; 4) ходатайство перед соответствующими органами об отмене или замене содержания под стражей тех трудящихся, в отношении которых, по мнению комиссии, могут быть применены другие меры исправительно-трудового воздействия или пресечения; 5) условное и безусловное досрочное освобождение заключенных; 6) зачет двух дней работ за три дня срока лишения свободы; 7) возбуждение вопросов и ходатайств об устройстве новых исправительно-трудовых учреждений или реорганизации и усовершенствовании уже существующих.

Классификации осужденных в зарубежных пенитенциарных учреждениях имеют разные основания, в частности в США категоризация заключенных проводится в соответствии с вероятностью совершения ими побега и оценкой их опасности. В связи с этим определяются следующие режимные условия: максимальная, строгая, ограниченная и минимальная изоляция.

Количество нарушений установленного порядка отбывания наказания заставляет задуматься о необходимости классификации осужденных по степени безопасности, однако цели уголовно-исполнительного законодательства, архитектура действующих исправительных учреждений и экономические трудности вынуждают искать реальные пути реформирования рассматриваемого нами института.

В России классификация осужденных основывается на взаимосвязи применения правовых норм наказания за совершенное преступление и социальной характеристики преступника, призвана решить следующие задачи:

- предотвращение негативного влияния наиболее криминально зараженных преступников на других осужденных;
- раздельное содержание различных категорий осужденных;
- дифференцированное применение ограничений и средств исправления к различным категориям осужденных;

- построение системы исправительных учреждений, оптимально соответствующей целям наказания;

- усиление карательного воздействия на опасных и характеризующихся негативным поведением осужденных при одновременном уменьшении объема правоограничений для остальных лиц;

- создание условий для надлежащего исполнения и отбывания наказания⁶.

Выделение отдельных категорий осужденных для проведения с ними индивидуальной воспитательной работы должно осуществляться на основе квалификационных признаков, указанных в законе, и отвечать психолого-педагогическим требованиям исправления⁷.

В рамках существующих исправительных учреждений необходимо провести качественные изменения института классификации осужденных при распределении их по отрядам на распределительных комиссиях. Одним из ключевых критериев должно служить желание осужденного быть занятым трудом, которое будет выражаться в конкретных действиях (обучение, получение профессии, оплачиваемая работа).

Если осужденный достиг возраста 30 лет, но по собственному желанию продолжает получать образование, то ему целесообразнее проживать с желающими учиться, работать или получать профессию. Аналогичным образом необходимо размещать работающих осужденных, которые выплачивают по искам.

При этом следует учитывать криминологическую, уголовно-правовую, социально-демографическую и психологическую характеристики. Последняя, на наш взгляд, должна иметь первостепенное значение при решении вопросов по распределению спецконтингента.

Подводя итог, можно сказать, что дифференциация осужденных по характеру совершенного преступления оказывается практически однозначной, поскольку люди с разными нравственными пороками совершают похожие преступления, а с однотипными нравственными пороками – различные преступления в зависимости от обстоятельств. И в этой ситуации практика деятельности исправительных учреждений вынужденно ставит вопрос о дополнительной классификации осужденных и выделении новых подгрупп.

Вторичная классификация осуществляется администрацией пенитенциарного учреждения в рамках видовой и поэтому не противоречит ее критериям, создавая наи-

более благоприятные условия для повышения эффективности деятельности исправительного учреждения и реализации целей уголовно-исполнительного законодательства. Она является предпосылкой и условием дифференциации и индивидуализации исправительного воздействия.

Таким образом, традиционную классификацию осужденных можно разделить на два вида: 1) юридический (общий), который осуществляется в рамках уголовно-правовой и уголовно-исполнительной классификаций; 2) криминологический и психолого-педагогический (специальный).

Первый определяет вид исправительного учреждения и условия отбывания наказания в нем, второй будет осуществляться внутри классификационных групп, где возможно воспитательное воздействие на осужденных в зависимости от их типологической принадлежности в рамках уже существующих условий содержания. Классификация будет проводиться по степени исправления, критериям социально-нравственной запущенности, ресоциализационных и социально-адаптационных факторов. Правильно выбранные основания классификации позволят разработать программы изучения личности осужденного и диффе-

ренцированного воздействия на правонарушителей с учетом их поведения, личных особенностей и степени социальной запущенности.

Одним из ожидаемых результатов основных мероприятий государственной программы Российской Федерации «Юстиция» является увеличение количества осужденных, охваченных индивидуальными психокоррекционными мероприятиями, что возможно при совершенствовании института классификации осужденных⁸.

Поскольку исправительные колонии общего, строгого и особого режимов следовало бы рассматривать не как разновидности исправительных учреждений, а как исправительное учреждение одного вида с разными режимами⁹, можно предложить передать полномочия суда по распределению осужденных по разным видам режима исправительных колоний специально созданным распределительным комиссиям (по аналогии с зарубежными странами и ИТК РСФСР 1924 г.) для более эффективной первичной классификации осужденных, основываясь не столько на тяжести совершенного преступления, сколько на всесторонней оценке личности осужденного и его социальной запущенности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России (январь–декабрь 2015 г.): Информ.-аналит. сб. Тверь, 2016. С. 19.

² Сахаров А.Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. М., 1961. С. 23.

³ См.: Филимонов В.Д. Общественная опасность личности преступника (предпосылки, содержание, критерии). Томск, 1970. С. 19.

⁴ См.: Весяев А.А. О полноте установления обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 3. С. 398–404.

⁵ См.: Павленко А.А. К вопросу о возможности использования зарубежного опыта средств обеспечения режима в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 1. С. 104–109.

⁶ См.: Павлов И.Н. Принцип дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний в уголовно-исполнительном праве: Моногр. Новокузнецк, 2012. С. 47.

⁷ См.: Рябинин А.А. Проблемы наказания на новом этапе совершенствования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства: Моногр. Домодедово, 2000. С. 146.

⁸ См.: Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Юстиция» // СЗ РФ. 2014. № 18 (Ч. II). Ст. 2158.

⁹ См.: Уткин В.А. «Мультирежимные» исправительные учреждения: реальность и перспективы // Вестник Кузбасского института ФСИН России. 2014. № 4 (21). С. 9–18.

¹ См.: Osnovnye pokazateli dejatel'nosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy FSIN Rossii (janvar'-dekabr' 2015 g.): Inform.-analit. sb. Tver', 2016. S. 19.

² Saharov A.B. O lichnosti prestupnika i prichinah prestupnosti v SSSR. M., 1961. S. 23.

³ Sm.: Filimonov V.D. Obshhestvennaja opasnost' lichnosti prestupnika (predposylki, sodержanie, kriterii). Tomsk, 1970. S. 19.

⁴ Sm.: Vesjaev A.A. O polnote ustanovlenija obstojatel'stv, harakterizujushih lichnost' obvinjaemogo // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2008. № 3. S. 398–404.

⁵ Sm.: Pavlenko A.A. K voprosu o vozmozhnosti ispol'zovanija zarubezhnogo opyta sredstv obespechenija rezhima v uchrezhdenijah ugovolno-ispolnitel'noj sistemy // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. 2015. № 1. S. 104–109.

⁶ Sm.: Pavlov I.N. Princip differenciacii i individualizacii ispolnenija nakazanij v ugovolno-ispolnitel'nom prave: Monogr. Novokuzneck, 2012. S. 47.

⁷ Sm.: Rjabinin A.A. Problemy nakazaniya na novom jetape sovershenstvovanija ugovolnogo i ugovolno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva: Monogr. Domodedovo, 2000. S. 146.

⁸ Sm.: Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federacii «Justicija» // SZ RF. 2014. № 18 (Ch. II). St. 2158.

⁹ Sm.: Utkin V.A. «Mul'tirezhimnye» ispravitel'nye uchrezhdenija: real'nost' i perspektivy // Vestnik Kuzbasskogo instituta FSIN Rossii. 2014. № 4 (21). S. 9–18.

Административно-юрисдикционные полномочия комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав и их роль в профилактике преступлений и иных правонарушений несовершеннолетних

Я.В. ВАСИЛЬЕВА – начальник отдела организации научной работы Северо-Западного института (филиала) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

В статье рассматриваются особенности правового регулирования деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, возможность передачи в полном объеме полномочий по рассмотрению дел об административных правонарушениях от комиссий в суды.

Ключевые слова: комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав; предупреждение и профилактика правонарушений несовершеннолетних.

Administrative-jurisdictional authority of the commissions for minors and protection of their rights and their role in preventing crimes and other offenses of minors

YA.V. VASILYEVA – Head of the Department of Scientific Work Organization of the North-West Institute (branch) O.E. Kutafin University (Moscow State Law Academy)

The article discusses the features of legal regulation of the activities of the commissions on juvenile affairs and protection of their rights, the possibility of transferring full authority to consider cases on administrative offenses of the commissions to the courts.

Key words: commission on juvenile affairs and protection of their rights; warning and prevention of juvenile delinquency.

На сегодняшний день одной из важнейших социальных задач является поиск путей снижения количества правонарушений несовершеннолетних, а также их эффективной профилактики. Проблема административной ответственности несовершеннолетних в последнее время приобрела острый характер как по причине реформирования действующего законодательства в области ювенальной политики (юстиции), так и реального увеличения правонарушений, совершенных подростками¹. Сложная криминогенная обстановка как совокупность факторов, способствующих росту количества правонарушений, совершаемых несовершеннолетними или в отношении их (статистика показывает значительное количество родителей, уклоняющихся от обязанностей по содержанию и воспитанию своих детей), может лишить общество и государство в целом перспектив соци-

ального равновесия и благополучия, развития образования, науки, культуры, искусства, совершенствования экономической и административно-политической сфер государственного управления.

Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав являются органом, осуществляющим координацию и контроль профилактической деятельности всех субъектов профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; ядром системы профилактики девиантного поведения лиц, не достигших совершеннолетнего возраста².

Нормативным актом, регламентирующим деятельность рассматриваемых комиссий, до 2012 г. был Указ Президиума Верховного Совета РСФСР 1967 г. «Об утверждении положения о комиссиях по делам несовершеннолетних»³, фактически утративший силу с принятием Федерального закона от

30.12.2012 г. № 297-ФЗ «О внесении изменений в статьи 4 и 11 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»»⁴, в соответствии с которым комиссии создаются на территории региона, а их деятельность регулируется законодательством субъекта Российской Федерации. В ноябре 2013 г. Правительством Российской Федерации было утверждено примерное положение о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав⁵, которое стало образцом для нормативных актов, устанавливающих статус комиссий субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. Рассматриваемая комиссия нормами Федерального закона от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ (ред. от 23.11.2015 г.) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»⁶ определена как орган системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Кроме того, для обеспечения единого государственного подхода к решению проблем защиты прав и законных интересов несовершеннолетних Правительством Российской Федерации в мае 2006 г. был создан координационный орган – Правительственная комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее – правительственная комиссия)⁷.

Правовое регулирование деятельности рассматриваемых коллегиальных органов в субъектах Российской Федерации складывается следующим образом: субъекты принимают законы об образовании комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, постановления об организации их деятельности, утверждении положения и состава, взаимодействия с субъектами системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по выявлению, учету и принятию мер по жизнеобеспечению безнадзорных и беспризорных несовершеннолетних.

В систему комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав входят правительственная комиссия, комиссии, созданные высшими органами государственной власти региона и осуществляющие деятельность на территории субъекта Российской Федерации, и комиссии, созданные органами местного самоуправления и осуществляющие деятельность на территории муниципальных образований субъектов Российской Федерации, – городские и муниципальные комиссии.

Функционал правительственной комиссии состоит в разработке нормативных актов и целевых программ, касающихся компетенции комиссии, проведении их правовой экспертизы, изучении статистической информации, информационно-аналитической деятельности, проведении комплексных мероприятий, во взаимодействии с органами государственной власти, общественными объединениями, средствами массовой информации и др. Данный орган не рассматривает дела об административных правонарушениях, а является коллегиальным, совещательным и координационным органом в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и защиты их прав. Организационно-техническое обеспечение деятельности данной комиссии осуществляется Министерством образования и науки Российской Федерации.

Многие авторы⁸ считают целесообразным принятие федерального закона «Об основах организации и деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав», аргументируя это необходимостью обеспечения единообразия в вопросах понимания места и роли комиссий и эффективной реализации мер, направленных на защиту прав и интересов несовершеннолетних⁹. Мы не поддерживаем это мнение и считаем, что достаточно примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав, а также закона 1999 г. «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», которые позволяют регламентировать деятельность комиссий в современных условиях.

Основными направлениями деятельности рассматриваемых коллегиальных органов являются: организация мер по защите и восстановлению прав и законных интересов несовершеннолетних, защите их от всех форм дискриминации, физического или психического насилия, оскорбления, грубого обращения, сексуальной и иной эксплуатации, по выявлению и устранению причин и условий, способствующих безнадзорности, беспризорности, правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних; утверждение межведомственных программ и участие в разработке и реализации целевых программ, направленных на защиту прав и законных интересов несовершеннолетних; профилактика безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий подростков¹⁰.

Одной из основных задач комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав является рассмотрение дел об административных правонарушениях, предусмотренных КоАП РФ и административно-деликтными законами субъектов Федерации. Кодекс представляет комиссии в качестве главного субъекта административной юрисдикции применительно к несовершеннолетним. Комиссии имеют право возбуждать дела об административных правонарушениях несовершеннолетних, а также о злоупотреблении родителями (или лицами, их заменяющими) их родительскими правами или пренебрежении ими родительскими обязанностями. Таким образом, ч. 1 ст. 23.2 КоАП РФ устанавливает, что комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав разрешают дела об административных правонарушениях, совершенных несовершеннолетними, а также дела, предусмотренные ст. 5.35 (неисполнение родителями или иными законными представителями обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних), 5.36 (нарушение порядка и сроков предоставления сведений о несовершеннолетних, нуждающихся в социальной помощи), 6.10, 6.23 (вовлечение несовершеннолетних в употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, психоактивных и одурманивающих веществ, табака) и др. Также ч. 2 ст. 23.2 КоАП РФ предусматривает, что данными комиссиями могут рассматриваться дела об административных правонарушениях в сфере безбилетного проезда несовершеннолетними, в области дорожного движения в случаях, если орган или должностное лицо, к которым поступило дело о таком административном правонарушении, передает его на рассмотрение комиссии.

Законы субъектов Российской Федерации, определяя подведомственность комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, указывают, что комиссии рассматривают дела об административных правонарушениях, совершенных несовершеннолетними (Архангельская область, Ненецкий автономный округ, Ленинградская область), а также дела по следующим вопросам: 1) допущение нахождения детей в местах, пребывание в которых может причинить вред их здоровью, физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию (Санкт-Петербург, Республика Карелия, Мурманская область); 2) допущение нахождения детей в ночное время в общественных местах без сопро-

вождения взрослых (лиц, их заменяющих) или лиц, осуществляющих мероприятия с участием детей (Вологодская, Псковская области); 3) публичные действия, направленные на пропаганду педофилии (Санкт-Петербург); 4) приобретение гражданами по просьбе детей и передача им алкогольной продукции (Мурманская область).

Таким образом, административно-юрисдикционная деятельность комиссий составляет значительную часть их работы. Тем самым административная ответственность в отношении несовершеннолетних правонарушителей представляет собой форму реагирования государства на проступки, совершенные лицами, не достигшими 18 лет. Данный вид ответственности выражается в применении к правонарушителям предусмотренных санкциями норм конкретных административных наказаний, а также специфической обязанности нести определенные законодательством неблагоприятные последствия, связанные с применением указанных правовых мер¹¹. Итак, назначение административных наказаний несовершеннолетним, совершившим проступок, преследует цели восстановления социальной справедливости, исправления и предупреждения новых правонарушений.

С разрешения Комитета правопорядка и безопасности администрации Ленинградской области нами был проведен анализ работы комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в данном субъекте Российской Федерации.

Приоритетным направлением деятельности рассматриваемых комиссий региона является координация межведомственного взаимодействия субъектов системы профилактики по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, защите их прав и законных интересов. Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав при Правительстве Ленинградской области проводит заседания, на которых рассматриваются оперативная обстановка по линии несовершеннолетних, состояние здоровья и организация медицинского обслуживания детей, дорожно-транспортные происшествия с участием детей, противопожарное состояние объектов детской оздоровительной кампании, вопросы занятости несовершеннолетних и др.

В то же время, реализуя полномочия по организационно-методическому обеспечению и юридическому сопровождению муниципальных комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав Ленинградской

области, региональная комиссия осуществляет выезды в муниципальные образования по ознакомлению с деятельностью субъектов системы профилактики. Также Комитет правопорядка и безопасности Ленинградской области проводит постоянный мониторинг изменений федерального и регионального законодательства в отношении несовершеннолетних, подготавливает методические рекомендации для муниципальных комиссий.

В 2014 г. муниципальными комиссиями Ленинградской области проведено 993 заседания, в том числе 249 выездных. Рассмотрено 13 881 материал, в том числе более 6,2 тыс. – в отношении несовершеннолетних, более 7,2 тыс. – в отношении родителей (законных представителей), 304 – в отношении иных взрослых лиц. Информация дается в целом о производстве по делам об административных правонарушениях, проводимом комиссиями. Статистику отдельно по рассмотрению дел об административных правонарушениях, предусмотренных законом области, комиссия не публикует и, если основываться на полученном ответе на запрос, не ведет вообще. По итогам рассмотрения протоколов об административных правонарушениях административных штрафов наложено на сумму более 3,5 млн руб. В службу судебных приставов направлено 3,1 тыс. материалов на принудительное взыскание административных штрафов на сумму 1,7 млн руб.

Анализ рассмотренных муниципальными комиссиями материалов показывает, что сократилось количество дел в отношении несовершеннолетних за употребление спиртных напитков, совершение хулиганских действий, нарушение правил дорожного движения, на транспорте, нахождение в ночное время в общественных местах. Полагаем, что данный факт можно объяснить сокращением количества инспекторов по делам несовершеннолетних, патрульных маршрутов на территориях, что не позволяет в полной мере осуществлять мероприятия по выявлению правонарушений, а также снятием полномочий с органов полиции по составлению протоколов об административных правонарушениях в соответствии с региональным законодательством.

На фоне сокращения количества материалов следует обратить внимание на рост количества выявленных несовершеннолетних, употребляющих наркотические вещества. Данное обстоятельство объясняется активной рейдовой деятельностью (794

рейда) на территории области, в том числе с использованием медицинской лаборатории по определению состояния опьянения. Отсутствие контроля со стороны родителей (законных представителей) явилось причиной выявления почти двух тысяч несовершеннолетних, находящихся в ночное время в общественных местах (ст. 2.9 закона об административных правонарушениях Ленинградской области).

Таким образом, вся работа комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав рассмотренного субъекта Российской Федерации направлена на восстановление социальной справедливости, а также предупреждение совершения новых правонарушений и преступлений лицами, не достигшими 18-летнего возраста. Проанализировав текущую работу комиссий, предлагаем им реализовать следующие мероприятия по совершенствованию своей деятельности:

- продолжить проведение рейдов с использованием медицинской лаборатории по определению состояния опьянения несовершеннолетних;
- проанализировать причины увеличения совершенных несовершеннолетними административных правонарушений, в том числе на территориях учебных заведений, в вечернее и ночное время;
- активизировать работу по соблюдению законодательства субъектами системы профилактики в сфере защиты прав и законных интересов несовершеннолетних с направлением представлений по фактам выявленных нарушений;
- регулярно проводить дни профилактики, единые родительские дни по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

В науке существует мнение о том, что основными задачами комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав должны выступать охрана прав и интересов несовершеннолетних от посягательств на них, а также координация деятельности государственных и общественных организаций с целью предупреждения безнадзорности и оказания помощи в социальной реабилитации несовершеннолетних, а вовсе не борьба с их правонарушениями. По мнению С.С. Бойко¹², необходимо передать в полном объеме административно-юрисдикционные функции комиссий судам. Такая передача освободит данные органы от большого объема работы, предоставив им возможность сконцентрироваться на защите прав и законных интересов несовершеннолетних, и

позволит создать комплексный судебный институт защиты прав детей в России (ювенальные суды).

Однако исторический опыт свидетельствует об отсутствии в России таких институтов ювенальной юстиции, как судебные органы, их функционал распределен между органами действующей судебной системы, правоохранительными органами и комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав. На первый взгляд, смена исторически сложившейся системы кажется нецелесообразной и гораздо эффективнее дальнейшее совершенствование деятельности комиссий направить на расширение сферы исполнения ими административной юрисдикции, восстановительного правосудия и правозащитных функций. Здесь подходы ученых и практиков разнятся. По мнению В.А. Малышева, современная система не отвечает актуальным тенденциям и мировым стандартам в области правовой охраны детей¹³, у России есть международные обязательства по созданию ювенальных судов¹⁴ и шаги в этом направлении уже сделаны¹⁵, а активная позиция сторонников указанной реформы не оставляет сомнения в том, что создание ювенальных судов в России в ближайшие годы неизбежно.

На наш взгляд, данные выводы преждевременны. Полномочия по рассмотрению дел об административных правонарушениях должны входить в компетенцию специально созданных органов административной юрисдикции, то есть комиссий, ввиду комплексного характера их деятельности, направленной прежде всего на предупреждение совершения проступков несовершеннолетними, выявление и пресечение случаев вовлечения детей в совершение антиобщественных действий. Создание же системы ювенальной юстиции, во-первых, приведет к вмешательству органов правосудия в частную жизнь семьи; во-вторых, не найдется такого количества дел с участием несовершеннолетних, чтобы для их рассмотрения создавать самостоятельное звено судебной системы; в-третьих, само по себе слово «суд» даже у взрослых, а тем более у детей, вызывает страх и ассоциируется именно с привлечением к ответственности, а не с возможностью помочь детям и их родителям. Согласимся с В.А. Даниловой¹⁶, которая по-

лагает, что формирование ювенального суда – это западная модель ювенальной юстиции¹⁷, институт, осуществляющий тотальный контроль за семьей, воспитательными процессами, психическими, духовными и близкими отношениями ее членов. Результатом указанного воздействия является ликвидация семьи как социального института и базовой ячейки общества, обесценивание семейного воспитания, что как раз провоцирует разрушение авторитета института семьи и брака, социальное сиротство, преступность, употребление запрещенных веществ как детьми, так и их родителями.

Таким образом, рекомендуем дополнительно к тем мерам и мероприятиям, которые были перечислены выше, добавить следующие:

- ужесточить контроль за реализацией нормы по ограничению пребывания несовершеннолетних в ночное время на улице без сопровождения взрослых, установленное законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях, что позволит значительно сократить количество административных правонарушений и преступлений, совершенных подростками в ночное время;

- наряду с региональными и муниципальными комиссиями развивать институт общественных комиссий. Создавать их следует при муниципальных образованиях на основе постановлений глав администраций. Общественные комиссии могут оказывать помощь органам местного самоуправления в решении вопросов профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Принимаемые ими решения следует рассматривать как рекомендации. Кроме того, создание таких комиссий будет способствовать вовлечению общественности в работу по профилактике правонарушений несовершеннолетних;

- разработать единые критерии оценки эффективности деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав всех уровней, а также унифицированные формы статистической отчетности, включив обязательным пунктом показатели по разрешению дел об административных правонарушениях, предусмотренных законом субъекта Российской Федерации по существу и принятию по ним решений.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Обыденнова Т.В. Правовое регулирование административной ответственности несовершеннолетних // Административное и муниципальное право. 2012. № 6. С. 67–69.

¹ Sm.: Obydenova T.V. Pravovoe regulirovanie administrativnoj otvetstvennosti nesovershennoletnih // Administrativnoe i municipal'noe pravo. 2012. № 6. S. 67–69.

- ² См.: Беженцев А.А. Административно-правовое регулирование деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав // Современная наука. 2010. № 2. С. 11–15.
- ³ См.: Ведомости РСФСР. 1967. № 23. Ст. 536 (утратил силу).
- ⁴ См.: СЗ РФ. 2012. № 53 (Ч. 1). Ст. 7622.
- ⁵ См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 06.11.2013 г. № 995 (ред. 10.09.2015 г.) «Об утверждении примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав» // Там же. 2013. № 45. Ст. 5829.
- ⁶ См.: Там же. 1999. № 26. Ст. 3177.
- ⁷ См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 06.05.2006 г. № 272 (ред. от 15.10.2014 г.) «О Правительственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав» // Там же. 2006. № 19. Ст. 2093.
- ⁸ См., напр.: Ростовская Т.К., Ростовская И.В. Государственная защита прав и интересов несовершеннолетних. Внесудебная защита прав и интересов несовершеннолетних // Вопросы ювенальной юстиции. 2011. № 4. С. 3–6.
- ⁹ См.: Ильгова Е.В. Еще раз к вопросу о статусе комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, или «услышит» ли Москва «регионы» // Там же. 2012. № 1. С. 20–32.
- ¹⁰ См.: Закон Республики Карелии от 16.07.2009 г. № 1323ЗРК (ред. от 16.07.2015 г.) «Об организации деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав» // Карелия. 2009. № 83.
- ¹¹ См.: Беженцев А.А. Административная ответственность несовершеннолетних: проблемы интерпретации и применения // Вопросы ювенальной юстиции. 2012. № 1. С. 23–24.
- ¹² См.: Бойко С.С. Проблемы административно-юрисдикционной деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав // ЮристПравоведь. 2009. № 6. С. 34–38.
- ¹³ См.: Малышев В.А. Административно-правовое регулирование деятельности комиссий по делам несовершеннолетних в России // Административное и муниципальное право. 2008. № 5. С. 67–75.
- ¹⁴ См.: Заключение Комитета ООН по правам ребенка по 2-му Государственному докладу Российской Федерации о реализации Россией Конвенции о правах ребенка от 23 сентября 1999 г. // Официальный сайт некоммерческого партнерства «Родительский комитет» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rkomitet.ru> (дата обращения: 02.03.2016).
- ¹⁵ См.: Национальный доклад о прогрессе, достигнутом Российской Федерацией в ходе осуществления целей Всемирной декларации и плана действий Всемирной встречи на высшем уровне в интересах детей, подготовленный к Специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 2001 году по итогам Всемирной встречи на высшем уровне в интересах детей (НьюЙорк, 19–21 сентября 2001 г.) // Информационно-аналитический портал «Наследие» [Электронный ресурс]. URL: <http://nasledie.ru> (дата обращения: 02.03.2016).
- ¹⁶ См.: Данилова В.А. Право на получение квалифицированной юридической помощи как гарантия реализации конституционных прав и свобод несовершеннолетних в Российской Федерации: Автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2013.
- ¹⁷ См.: Гусейнов А.Б. Профилактика правонарушений несовершеннолетних за рубежом // Теория и практика общественного развития. 2010. № 3. С. 186–189.
- ² Sm.: Bezhencev A.A. Administrativno-pravovoe regulirovanie dejatel'nosti komissij po delam nesovershennoletnih i zashhite ih prav // Sovremennaja nauka. 2010. № 2. S. 11–15.
- ³ Sm.: Vedomosti RSFSR. 1967. № 23. St. 536 (utratil silu).
- ⁴ Sm.: SZ RF. 2012. № 53 (Ch. 1). St. 7622.
- ⁵ Sm.: Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 06.11.2013 g. № 995 (red. 10.09.2015 g.) «Ob utverzhdenii primernogo polozhenija o komissijah po delam nesovershennoletnih i zashhite ih prav» // Tam zhe. 2013. № 45. St. 5829.
- ⁶ Sm.: Tam zhe. 1999. № 26. St. 3177.
- ⁷ Sm.: Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 06.05.2006 g. № 272 (red. ot 15.10.2014 g.) «O Pravitel'stvennoj komissii po delam nesovershennoletnih i zashhite ih prav» // Tam zhe. 2006. № 19. St. 2093.
- ⁸ Sm., napr.: Rostovskaja T.K., Rostovskaja I.V. Gosudarstvennaja zashhita prav i interesov nesovershennoletnih. Vnesudebnaja zashhita prav i interesov nesovershennoletnih // Voprosy juvenal'noj justicii. 2011. № 4. S. 3–6.
- ⁹ Sm.: Il'gova E.V. Eshhe raz k voprosu o statuse komissij po delam nesovershennoletnih i zashhite ih prav, ili «uslyshit» li Moskva «regiony» // Tam zhe. 2012. № 1. S. 20–32.
- ¹⁰ Sm.: Zakon Respubliki Karelii ot 16.07.2009 g. № 1323ZRK (red. ot 16.07.2015 g.) «Ob organizacii dejatel'nosti komissij po delam nesovershennoletnih i zashhite ih prav» // Karelija. 2009. № 83.
- ¹¹ Sm.: Bezhencev A.A. Administrativnaja otvetstvennost' nesovershennoletnih: problemy interpretacii i primeneniya // Voprosy juvenal'noj justicii. 2012. № 1. S. 23–24.
- ¹² Sm.: Bojko S.S. Problemy administrativno-jurisdikcionnoj dejatel'nosti komissij po delam nesovershennoletnih i zashhite ih prav // Jurist#Pravoved#. 2009. № 6. S. 34–38.
- ¹³ Sm.: Malyshev V.A. Administrativno-pravovoe regulirovanie dejatel'nosti komissij po delam nesovershennoletnih v Rossii // Administrativnoe i municipal'noe pravo. 2008. № 5. S. 67–75.
- ¹⁴ Sm.: Zakljuchenie Komiteta OON po pravam rebenka po 2-mu Gosudarstvennomu dokladu Rossijskoj Federacii o realizacii Rossiej Konvencii o pravah rebenka ot 23 sentjabrja 1999 g. // Oficial'nyj sajt nekommercheskogo partnerstva «Roditel'skij komitet» [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.rkomitet.ru> (data obrashhenija: 02.03.2016).
- ¹⁵ Sm.: Nacional'nyj doklad o progresse, dostignutom Rossijskoj Federaciej v hode osushhestvenija celej Vsemirnoj deklaracii i plana dejstvij Vsemirnoj vstrechi na vysshem urovne v interesah detej, podgotovlennyj k Special'noj sessii General'noj Assamblei OON v 2001 godu po itogam Vsemirnoj vstrechi na vysshem urovne v interesah detej (N'juJork, 19–21 sentjabrja 2001 g.) // Informacionnoanaliticheskij portal «Nasledie» [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://nasledie.ru> (data obrashhenija: 02.03.2016).
- ¹⁶ Sm.: Danilova V.A. Pravo na poluchenie kvalificirovannoj juridicheskoy pomoshhi kak garantija realizacii konstitucionnyh prav i svobod nesovershennoletnih v Rossijskoj Federacii: Avtoref. ... dis. kand. jurid. nauk. M., 2013.
- ¹⁷ Sm.: Gusejnov A.B. Profilaktika pravonarushenij nesovershennoletnih za rubezhom // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija. 2010. № 3. S. 186–189.

К вопросу об оставлении в воспитательных колониях осужденных к лишению свободы, достигших совершеннолетия

А.Н. КИМАЧЕВ – доцент кафедры организации режима и надзора в уголовно-исполнительной системе Академии ФСИН России, кандидат юридических наук

В статье рассматриваются вопросы, связанные с оставлением в воспитательных колониях осужденных к лишению свободы после достижения ими восемнадцатилетнего возраста; анализируются положительные и отрицательные стороны данной практики, формулируются поправки в действующее уголовно-исполнительное законодательство, предусматривающее создание на базе воспитательных колоний изолированных участков, функционирующих как исправительные колонии общего режима.

Ключевые слова: воспитательная колония; несовершеннолетний осужденный; изолированный участок, функционирующий как исправительная колония общего режима.

On the issue of staying young offenders sentenced to imprisonment in education colonies coming the age of majority

A.N. KIMACHEV – Associate Professor of the Department of Organization and Supervision of the Regime in Prisons of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law

The article deals with issues related to the staying young offenders sentenced to imprisonment after they reach the age of eighteen years in education colonies; it analyzes the positive and negative aspects of this practice, formulates amendments to existing penal legislation providing for the establishment on the basis of educational colonies isolated areas, functioning as a general regime colony.

Key words: educational colony; juvenile offenders; isolated area that functions as a general regime colony.

В 2014 г. Научно-исследовательским институтом ФСИН России проводилось изучение лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте и отбывающих наказание в воспитательных колониях. Согласно данным исследования, в настоящее время в воспитательных колониях содержатся лица, отличающиеся высоким уровнем нравственной и социально-педагогической запущенности, устойчивым негативным поведением. Рассматриваемому феномену соответствуют и сроки лишения свободы, назначенные для отбывания наказания воспитанникам: до одного года – 4,2%, от одного года до трех лет – 47,3%, от трех до пяти лет – 30,5%, от пяти до десяти лет – 18%¹.

В соответствии с ч. 3 ст. 140 УИК РФ предельный возраст, до которого подросток может находиться в воспитательной коло-

нии, составляет 19 лет. Сопоставив возраст осужденных и назначенный им срок лишения свободы, можно сделать вывод о том, что большинство из них не успевают отбыть наказание в воспитательной колонии и переводятся в исправительные колонии общего режима. По мнению ученых и практиков, данное обстоятельство негативно сказывается на поведении воспитанников. Они, предполагая последующий перевод в исправительное учреждение, предназначенное для содержания совершеннолетних осужденных, зачастую нарушают установленный порядок отбывания наказания, стараясь тем самым заслужить криминальный авторитет. Кроме того, перевод осужденных из одного учреждения в другое всегда негативным образом отражается на исправительном процессе, нарушая важный педагогический принцип непрерывности воспитания.

Однако при изучении истории проблемы² обращает на себя внимание тот факт, что в связи с принятием УИК РФ 1997 г. в воспитательных колониях стали отбывать наказание несовершеннолетние осужденные к лишению свободы, а также осужденные, оставленные в этих учреждениях до достижения ими возраста 21 года (ч. 9 ст. 74).

Оставление в воспитательных колониях осужденных, достигших совершеннолетия, до окончания срока наказания, но не более чем до достижения ими возраста 21 года, осуществлялось в целях закрепления результатов исправления, завершения среднего (полного) общего образования или профессиональной подготовки.

Однако такое положение дел на практике не способствовало эффективному исправлению, так как из-за значительной разницы в возрасте между воспитанниками (от 14 лет до 21 года) менялся характер данных учреждений, создавались условия для притеснения осужденных младшего возраста более старшими, снижалась эффективность учебно-воспитательного процесса.

Анализ состояния преступности в воспитательных колониях тех лет показал, что большая часть преступлений в период отбывания наказания в виде лишения свободы совершалась лицами в возрасте от 18 лет до 21 года или под их влиянием. С целью заработать ложный авторитет эта категория осужденных нарушала установленный порядок отбывания наказания и провоцировала младших подростков на совершение противоправных действий.

Так, из 34 преступлений, зарегистрированных в воспитательных колониях в 2007 г., 21 (2/3 от общего числа) приходится на долю совершеннолетних осужденных. В Костромской, Тюменской и ряде других воспитательных колоний каждое третье нарушение установленного порядка отбывания наказания допускалось этой же возрастной группой. В результате массовых беспорядков, имевших место в Кировоградской воспитательной колонии (Свердловская область) в октябре 2007 г., погибли один сотрудник колонии и двое осужденных, значительно пострадала материальнотехническая база колонии. Инициаторами указанных правонарушений являлись осужденные в возрасте 18 и более лет.

Таким образом, последствия правоприменительной практики, подразумевавшей приравнивание фактически зрелых молодых людей к детям, заставили сделать вывод о ее неоправданности и противоречии базо-

вому принципу уголовно-исполнительного законодательства, устанавливающему в соответствии со ст. 80 УИК РФ раздельное содержание несовершеннолетних и взрослых осужденных.

Вместе с тем перевод из воспитательной в исправительную колонию общего режима осужденных, достигших возраста 18 лет, у которых заканчивается срок отбывания наказания, представляется также нецелесообразным. Казалось бы, исправить ситуацию должны были изолированные участки воспитательных колоний, функционирующие как исправительные колонии общего режима, предусмотренные с декабря 2003 г. ч. 9 ст. 74 УИК РФ³. Однако на тот момент уголовно-исполнительная система не обладала достаточными ресурсами для реализации данной идеи.

Федеральным законом от 22.12.2008 г. № 261-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации»⁴ было принято единственно возможное в сложившихся условиях решение, позволяющее оставлять в пределах воспитательных колоний лиц, достигших 18-летнего возраста, до окончания срока наказания, но не более чем до достижения ими возраста 19 лет.

Однако при изучении проекта федерального закона № 493301-4 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части отбывания наказания осужденными в воспитательных колониях»⁵ обращают на себя внимание замечания ряда организаций, делающие доводы сторонников законопроекта о приравнивании создания изолированного участка, функционирующего как исправительная колония общего режима, для содержания осужденных, достигших во время отбывания наказания возраста 18 лет, к строительству новой исправительной колонии⁶, на фоне предполагаемых нарушений прав этих лиц несоизмеримо ничтожными.

Так, по заключению правового управления Аппарата Государственной Думы Российской Федерации от 23.09.2008 г. № 2.21/3418, предусматривая возможность оставления осужденных, достигших возраста 18 лет, в воспитательных колониях до окончания срока наказания, но не более чем до достижения ими возраста 21 года, действовавшее на тот момент уголовно-исполнительное законодательство (ст. 139 УИК РФ) исходило из того, что подобная мера могла применяться только к положительно характеризующимся осужденным

«в целях закрепления результатов исправления, завершения среднего (полного) общего образования или профессиональной подготовки». Вместе с тем в соответствии со ст. 140 УИК РФ отрицательно характеризующиеся осужденные к лишению свободы, достигшие возраста 18 лет, должны были переводиться для дальнейшего отбывания наказания из воспитательной колонии либо в изолированный участок воспитательной колонии, функционирующий как исправительная колония общего режима, при его наличии, либо в исправительную колонию общего режима.

В связи с этим правовым управлением Аппарата Государственной Думы Российской Федерации была высказана мысль о том, что снижение предельного возраста, по достижении которого все осужденные, отбывающие наказание в воспитательных колониях, независимо от их поведения и отношения к труду и учебе, в обязательном порядке (после утверждения законопроекта) должны будут переводиться в исправительные колонии, повлечет ужесточение условий отбывания наказания для положительно характеризующихся осужденных, что не соответствует государственной политике в сфере исполнения уголовных наказаний, направленной на гуманизацию репрессивных функций в отношении лиц, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте.

Другой заслуживающей внимания позицией стало заключение Комитета Государственной Думы Российской Федерации по делам семьи, женщин и детей от 14.10.2008 г. № 3.612/23.3. С точки зрения его авторов, Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), рекомендуют привлекать к ответственности в форме, отличающейся от формы ответственности, применимой ко взрослому, не только несовершеннолетних, но и молодых совершеннолетних правонарушителей (пр. 3.3). При этом цели правосудия в отношении подростков состоят в первую очередь в обеспечении их благополучия, а любые формы воздействия на правонарушителя должны быть соизмеримы с особенностью его личности (пр. 5.1)⁷.

Несомненно, связано это с тем, что в большинстве случаев хронологический возраст несовершеннолетнего правонарушителя не соответствует психологическому. По данным Института возрастной физиологии, уровень зрелости мозга, который позволяет человеку осознанно оценивать свое пове-

дение и регулировать свое эмоциональное состояние, достигается российскими гражданами не к 18, а скорее к 20 годам.

Не случайно в ФРГ, где действует специальный закон «Об отпращивании правосудия по делам несовершеннолетних» (JGG – «Jugendgerichtsgesetz») от 04.08.1953 г. (ред. от 11.12.1974 г.), возрастной диапазон индивидуализации наказания расширен до 21 года, и $\frac{2}{3}$ лиц молодежного возраста (от 18 лет до 21 года) осуждаются судами земель с учетом применения специальных условий наказания⁸, если будет доказано, что во время совершения преступного деяния их умственное и моральное развитие или же вид, условия и мотивы преступления были характерны для несовершеннолетнего (§ 105 разд. 1)⁹.

Целями Правил ООН, касающихся защиты лишенных свободы несовершеннолетних, являются установление минимальных стандартов для защиты подростков в соответствии с правами человека и основными свободами, противодействие неблагоприятным последствиям всех видов заключения и вовлечение в жизнь общества, а исправительные учреждения должны соответствовать цели перевоспитания.

Таким образом, установленный изначально в УИК РФ предельный возраст оставления в воспитательных колониях осужденных к лишению свободы, достигших совершеннолетия (до 21 года), являлся дополнительной гарантией правовой и социальной защищенности несовершеннолетнего правонарушителя.

В то же время принятие федерального закона № 261-ФЗ, на наш взгляд, было неизбежно, так как в тот момент воспитательные колонии нуждались в скорейшей стабилизации оперативной обстановки, осложнение которой было вызвано всплеском криминальной активности совершеннолетних осужденных, оставленных в этих учреждениях до достижения 21 года. Преобразование системы воспитательных колоний, обусловленное принятием федерального закона от 09.03.2001 г. № 25-ФЗ¹⁰, не оставило пенитенциарной системе иного варианта разрешения вопроса, кроме как снижения предельного возраста пребывания в них осужденных.

По этой причине нам представляется несколько поспешным упразднение данным федеральным законом воспитательных колоний усиленного режима, где помимо несовершеннолетних мужского пола, ранее отбывавших лишение свободы и осужденных за особо тяжкие преступления, могли

бы содержаться криминально запущенные категории спецконтингента. Возможно, тем самым удалось бы исключить негативное влияние таких осужденных на результаты учебно-воспитательного процесса и исправление основной части спецконтингента и, вероятно, позволило бы несколько уменьшить масштабы противоправной активности, достигшей своего пика в подростковых исправительных учреждениях в конце 2007 г.

В научной литературе вопрос о целесообразности оставления недавних подростков, ставших совершеннолетними, в воспитательных колониях поднимался неоднократно. Сторонники рассматриваемого института говорили о необходимости соблюдения непрерывности воспитательного процесса, противники обращали внимание на уровень правонарушений в учреждениях со стороны указанной категории лиц.

Законодательная деятельность государственных органов шла по похожему пути. Так, в ст. 78 ИТК РСФСР 1970 г. предусматривалось, что в целях закрепления результатов исправления и перевоспитания, завершения общеобразовательного или профессионально-технического обучения осужденные, достигшие 18-летнего возраста, в случае если они твердо встали на путь исправления, могут быть оставлены в воспитательно-трудовой колонии до окончания срока наказания, но не более чем до достижения ими 20-летнего возраста.

По сравнению с ИТК РСФСР 1970 г. первоначально УИК РФ по-новому решал рассматриваемый вопрос. Если по ИТК РСФСР осужденный, достигший 18-летнего возраста, переводился для дальнейшего отбывания наказания из воспитательной в исправительно-трудовую колонию общего режима, то в соответствии с УИК РФ такой подросток, как правило, оставался в воспитательной колонии, но не более чем до достижения им возраста 21 года.

ИТК РСФСР исходил из того, что переводу не подлежат (точнее, могут быть оставлены в воспитательно-трудовой колонии) только осужденные, твердо вставшие на путь исправления. Их оставление в воспитательно-трудовой колонии должно было производиться в целях закрепления результатов исправления и перевоспитания, а также завершения общего образования или профессиональной подготовки.

УИК РФ в этом случае никаких требований к осужденным не предъявлял, но определял основания их перевода в исправительные

колонии. Они по-прежнему предусмотрены в ст. 140.

Принципиально новый подход к решению этого вопроса объяснялся рядом причин. Во-первых, при переводе осужденного в исправительную колонию ухудшаются условия его исправления: едва выйдя из подросткового возраста, он оказывался в среде взрослых осужденных, обладающих, как правило, более стойкими антисоциальными установками, способными существенно помешать процессу исправления. Во-вторых, нарушается непрерывность процесса перевоспитания осужденного: много времени требуют его перемещение из одной колонии в другую, ознакомление с особенностями его личности администрации исправительного учреждения, вхождение в новый коллектив и т.п. В-третьих, нарушается непрерывность общеобразовательного обучения осужденного и (или) его профессиональной подготовки. В-четвертых, смена обстановки и устоявшегося образа жизни часто очень неблагоприятно сказывается на осужденном – он нередко становится ожесточенным и менее восприимчивым к исправительным мерам. Негативное воздействие отмеченных обстоятельств усугубляется тем, что они оказывают влияние на осужденного, находящегося, как правило, в положении краткосрочника. Давно установлено, что эта категория осужденных особенно трудно поддается исправительному воздействию¹¹.

Изменения и дополнения в УИК РФ, предусмотренные федеральным законом № 25-ФЗ, вернули редакцию ст. 139 УИК РФ об условиях оставления в воспитательных колониях осужденных к лишению свободы, достигших совершеннолетия, к прежнему пониманию изучаемой проблемы. Таким образом, вновь было определено, что в целях закрепления результатов исправления, завершения среднего (полного) общего образования или профессиональной подготовки осужденные, достигшие возраста 18 лет, могут быть оставлены в воспитательной колонии до окончания срока наказания, но не более чем до достижения ими возраста 21 года.

В соответствии с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г.¹², в рамках реализации ее второго этапа уголовно-исполнительной системой России изучаются перспективы создания условий для постепенного снижения количества осужденных, содержащихся в одном жилом помещении в исправительных учреждениях, в

том числе в приоритетном порядке в воспитательных колониях.

Такой подход к оптимизации деятельности воспитательных колоний представляется несколько менее масштабным по сравнению с идеями их преобразования в воспитательные центры для лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, утратившими не так давно свою актуальность¹³.

На наш взгляд, вряд ли можно согласиться с отказом уголовно-исполнительной системы от проекта реорганизации воспитательных колоний в учреждения смешанного типа, предназначенные для содержания под стражей и в период отбывания наказания как несовершеннолетних, так и взрослых лиц в несколько ином формате, чем предусмотрено действующим законодательством.

На протяжении всей истории развития исправительных учреждений, предназначенных для содержания несовершеннолетних преступников, в отечественных научных кругах разрабатывались идеи создания воспитательного центра, аккумулирующего в себе направления деятельности следственного изолятора, воспитательной и исправительной колоний по отношению к рассматриваемым категориям спецконтингента¹⁴. Неслучайно правовые основы гибридизации воспитательных колоний были расширены поправками в УИК РФ в 2003 г. Так, нами уже отмечалось выше, что согласно федеральному закону от 08.12.2003 г. № 161-ФЗ, дополняющему ч. 9 ст. 74 УИК РФ, появилась возможность создания в воспитательных колониях изолированных участков, функционирующих как исправительные колонии общего режима.

Несколько раньше ст. 5.1 Закона Российской Федерации от 21.07.1993 г. № 54731 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» и ч. 2 ст. 10 Федерального закона от 15.07.1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»¹⁵ при воспитательных колониях было предусмотрено создание помещений, функционирующих в режиме следственного изолятора. Целью их создания является обеспечение изоляции несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых от взрослых преступников, улучшение их бытовых условий в период нахождения под следствием, ограждение от тюремной субкультуры, сокращение срока адаптации к условиям лишения свободы.

К сожалению, здоровая инициатива в силу многих причин не получила широкого распространения, и к концу 2014 г. уголовно-исполнительная система России насчитывала 11 таких учреждений, из которых действительно функционировало (судя по движению спецконтингента) лишь 5.

Не лучше видится ситуация с изолированными участками воспитательных колоний, функционирующих как исправительные колонии общего режима, для содержания лиц, достигших 18-летнего возраста, чья основная проблема заключается, на наш взгляд, в практическом отсутствии таковых. Последний и единственный такой участок был ликвидирован при Рязанской воспитательной колонии в 2012 г., а новые так и не образованы (хотя с момента принятия федерального закона прошло 12 лет).

Помимо экономических трудностей обнаруживается отсутствие заинтересованности со стороны руководства учреждений и территориальных органов обременять себя необходимостью создания своего рода замкнутой территории для содержания недавних несовершеннолетних, характеризующихся к тому же отрицательно.

Часть 9 ст. 74 УИК РФ отнесла порядок создания указанных участков к компетенции федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний. Минюст России приказами от 30.03.2004 г. № 72¹⁶ и от 26.08.2005 г. № 144¹⁷ определил и утвердил этот порядок, который предусматривает, что при необходимости создания в воспитательной колонии изолированного участка, функционирующего как исправительная колония общего режима, для содержания осужденных, достигших во время отбывания наказания возраста 18 лет, начальник территориального органа ФСИН России направляет мотивированное обращение в Федеральную службу исполнения наказаний. Таким образом, инициатива по созданию изолированного участка полностью находится в руках самих исполнителей. Созданные таким образом условия для правоприменительной практики, пожалуй, вряд ли соответствуют законам прогрессивной управленческой деятельности¹⁸.

Не имея достаточной заинтересованности и используя предоставленную ст. 140 УИК РФ возможность, территориальные органы направляют из воспитательных колоний несовершеннолетних лиц в исправитель-

ные колонии общего режима, игнорируя под воздействием обстоятельств социально важные вопросы обеспечения последовательности, преемственности и непрерывности исправительного воздействия на лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте.

Поэтому независимо от выбранной модели организации обеспечения режима в воспитательной колонии необходимо, используя условия малочисленности спецконтингента этих учреждений, организовать в них изолированное содержание лиц, достигших совершеннолетия (хотя бы и на максимально допустимый с точки зрения действующего уголовно-исполнительного законодательства срок), апробировать его в практической деятельности, а полученные результаты использовать в процессе грядущих преобразований.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Данилин Е.М., Давыдова Н.В. Осужденные, отбывающие наказание в воспитательных колониях, – кто они? // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2015. № 8. С. 41–42.

² См. подр.: Кимачев А.Н. Проблемы института исполнения лишения свободы в отношении лиц, достигших совершеннолетнего возраста, в воспитательных колониях ФСИН России // Уголовно-исполнительная система Российской Федерации в условиях модернизации: современное состояние и перспективы развития: Сб. докл. участников междунар. науч.-практ. конф. (Рязань, 22–23 ноября 2012 г.): В 4 т. Рязань, 2013. Т. 3: Доклады участников круглых столов. С. 88–95.

³ См.: Федеральный закон от 08.12.2003 г. № 161-ФЗ «О приведении Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и других законодательных актов в соответствие с Федеральным законом “О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4847.

⁴ См.: Там же. 2008. № 52 (Ч. 1). Ст. 6216.

⁵ Трижды вносился на рассмотрение в Государственную Думу Российской Федерации (в ноябре 2007 г., в марте и сентябре 2008 г.). Неоднократно претерпевал изменения названия и внутренней сути. Первоначально предполагал перевод всех лиц, содержащихся в воспитательных колониях и достигших 18-летнего возраста, в исправительные колонии общего режима. Под давлением оппонентов вынужден был изменить исходную позицию по рассматриваемому вопросу и предусматривал оставление совершеннолетних лиц в воспитательных колониях, если неотбытый ими срок наказания составляет менее 6 месяцев, а еще позднее предложил установить, что осужденные, достигшие совершеннолетия, оставляются в воспитательных колониях до достижения ими 19 лет. В конце декабря 2008 г. законопроект был подписан Президентом Российской Федерации и лег в основу федерального закона от 22.12.2008 г. № 261-ФЗ. Представляет собой результат попытки устранения негативного влияния совершеннолетних осужденных на содержащихся в воспитательных колониях подростков, которое явилось причиной дезорганизации нормальной деятельности учреждений, привело к массовым неповиновениям. См. об этом: Паспорт проекта Федерального закона № 493301-4 «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» (в части отбывания наказания осужденными в воспитательных колониях) (внесен депутатами Государственной Думы Российской Федерации А.М. Розуваном, В.И. Колесниковым, В.П. Водолацким).

Соответствующие изменения предлагаем внести в ст. 74 УИК РФ, где в ч. 9 фразу «могут создаваться» необходимо заменить словом «создаются» для придания обязывающего значения. Такая «реанимация» института изолированных участков, функционирующих как исправительные колонии общего режима, для содержания осужденных, достигших во время отбывания наказания возраста 18 лет, позволит с большей долей уверенности утверждать, что прогнозируемые в течение последних нескольких лет изменения законодательства в части увеличения предельного возраста содержания осужденных в воспитательной колонии до 25 лет¹⁹ органично впишутся в их жизнедеятельность, сделав возможным безопасное изолированное содержание несовершеннолетних и совершеннолетних воспитанников в условиях одного учреждения.

¹ См.: Данилин Е.М., Давыдова Н.В. Osuzhdennye, otbyvajushhie nakazanie v vospitatel'nyh kolonijah, – kto oni? // Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy. 2015. № 8. S. 41–42.

² См. подр.: Kimachev A.N. Problemy instituta ispolnenija lishenija svobody v otnoshenii lic, dostigshih sovershennoletnego vozrasta, v vospitatel'nyh kolonijah FSIN Rossii // Ugolovno-ispolnitel'naja sistema Rossijskoj Federacii v uslovijah modernizacii: sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitiya: Sb. dokl. uchastnikov mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Rjazan', 22–23 nojabrja 2012 g.): V 4 t. Rjazan', 2013. T. 3: Doklady uchastnikov kruglyh stolov. S. 88–95.

³ См.: Federal'nyj zakon ot 08.12.2003 g. № 161-FZ «O privedenii Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii i drugih zakonodatel'nyh aktov v sootvetstvie s Federal'nym zakonom “O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii”» // SZ RF. 2003. № 50. St. 4847.

⁴ См.: Там же. 2008. № 52 (Ч. 1). Ст. 6216.

⁵ Trizhdy vnosilsja na rassmotrenie v Gosudarstvennuju Dumu Rossijskoj Federacii (v nojabre 2007 g., v marte i sentjabre 2008 g.). Neodnokratno preterpeval izmenenija nazvanija i vnutrennej suti. Pervonachal'no predpolagal perevod vseh lic, sodержashhihsja v vospitatel'nyh kolonijah i dostigshih 18-letnego vozrasta, v ispravitel'nye kolonii obshhego rezhima. Pod davleniem oponentov vynuzhden byl izmenit' ishodnuju poziciju po rassmatrivaemomu voprosu i predusmatrival ostavlenie sovershennoletnih lic v vospitatel'nyh kolonijah, esli neotbytyj imi srok nakazaniya sostavljaet menee 6 mesjacev, a eshhe pozdnee predlozil ustanovit', что осужденные, достигшие совершеннолетия, оставляются в воспитательных колониях до достижения ими 19 лет. В конце декабря 2008 г. законопроект был подписан Президентом Российской Федерации и лег в основу федерального закона от 22.12.2008 г. № 261-FZ. Predstavljaet soboj rezul'tat popytki ustraneniya negativnogo vlijaniya sovershennoletnih osuzhdennyh na sodержashhihsja v vospitatel'nyh kolonijah podrostkov, kotoroe javilos' prichinoj dezorganizacii normal'noj dejatel'nosti uchrezhdenij, privelo k massovym nepovinoenijam. См. об этом: Pasport proekta Federal'nogo zakona № 493301-4 «O vnesenii izmenenij v Ugolovno-ispolnitel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii» (v chasti otbyvanija nakazaniya osuzhdennyh na sodержashhihsja v vospitatel'nyh kolonijah) (vnesen deputatami Gosudarstvennoj Dumy Rossijskoj Federacii A.M. Rozuvanom, V.I. Kolesnikovym, V.P. Vodolackim).

⁶ См.: Sajkin R.V. Pravovoe obespechenie dejatel'nosti uchrezhdenij i organov ugovolno-ispolnitel'noj sistemy i puti ego sovershenstvovaniya // Bezopasnost' UIS: Materialy vseros. seminara-soveshhanija s nachal'nikami upravlenij, otdelov

⁶ См.: Сайкин Р.В. Правовое обеспечение деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы и пути его совершенствования // Безопасность УИС: Материалы всерос. семинара-совещания с начальниками управлений, отделов безопасности территориальных органов ФСИН России (г. Иркутск, 20–22 мая 2008 г.). М., 2009. С. 58.

⁷ См.: Сборник международноправовых документов / Сост. В.В. Щербов. Минск, 1999.

⁸ См.: Бахвалова Л.А. Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних в уголовном праве России и Германии: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 17.

⁹ См.: Дядченко Е.А., Поздняков В.М. Рецидив преступлений несовершеннолетних, осужденных без изоляции от общества: криминологический и психологический аспекты // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2013. № 3 (23). С. 39–47.

¹⁰ См.: Федеральный закон от 09.03.2001 г. № 25-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 11. Ст. 1002.

¹¹ См.: Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации. М., 1997. С. 301.

¹² См.: СЗ РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.

¹³ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23.09.2015 г. № 1877р «О внесении изменений в Концепцию развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // Там же. 2015. № 40. Ст. 5581.

¹⁴ См., напр.: Перцова Л.В. Основные направления и перспективы института исполнения наказания в отношении несовершеннолетних осужденных // Актуальные проблемы исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних. М., 2000. С. 180–193; Злодеев В.Ф. Проблемы исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних на современном этапе // Актуальные проблемы пенитенциарной науки и практики: Сб. материалов междунар. науч.-практ. конф.: В 2 ч. / Под общ. ред. О.Г. Ковалева. М., 2004. Ч. 2. С. 245–254.

¹⁵ См.: СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2759.

¹⁶ См.: Приказ Минюста России от 30.03.2004 г. № 72 «О создании изолированных участков в воспитательных колониях уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ См.: Приказ Минюста России от 26.08.2005 г. № 144 «Об утверждении Порядка создания изолированных участков, функционирующих как исправительные колонии общего режима, для содержания осужденных, достигших во время отбывания наказания возраста 18 лет, в воспитательных колониях территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний» // Бюллетень Минюста России. 2005. № 11.

¹⁸ См.: Паркинсон С.Н. Законы Паркинсона: Сб. / Сост. и авт. предисл. В.С. Муравьев. М., 1989. С. 46–51.

¹⁹ См., напр.: Данилин Е.М., Давыдова Н.В. Осужденные, отбывающие наказание в воспитательных колониях, – кто они? С. 41–42; Датий А.В., Данилин Е.М., Федосеев А.А. Характеристика осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2011. № 4 (16). С. 24–28.

bezopasnosti territorial'nyh organov FSIN Rossii (g. Irkutsk, 20–22 maja 2008 g.). М., 2009. С. 58.

⁷ См.: Sbornik mezhdunarodnopravovyh dokumentov / Sost. V.V. Shherbov. Minsk, 1999.

⁸ См.: Bahvalova L.A. Osobennosti ugovolnoj otvetstvennosti nesovershennoletnih v ugovolnom prave Rossii i Germanii: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. М., 2002. С. 17.

⁹ См.: Djadchenko E.A., Pozdnjakov V.M. Recidiv prestuplenij nesovershennoletnih, osuzhdennyh bez izoljacii ot obshhestva: kriminologicheskij i psihologicheskij aspekty // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2013. № 3 (23). С. 39–47.

¹⁰ См.: Federal'nyj zakon ot 09.03.2001 g. № 25-FZ «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii, Ugolovno-processual'nyj kodeks RSFSR, Ugolovno-ispolnitel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii i drugie zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» // SZ RF. 2001. № 11. Ст. 1002.

¹¹ См.: Kommentarij k Ugolovno-ispolnitel'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii. М., 1997. С. 301.

¹² См.: SZ RF. 2010. № 43. Ст. 5544.

¹³ См.: Rasporjazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 23.09.2015 g. № 1877r «O vnesenii izmenenij v Konceptiju razvitiya ugovolno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii do 2020 goda» // Tam zhe. 2015. № 40. Ст. 5581.

¹⁴ См., напр.: Percova L.V. Osnovnye napravlenija i perspektivy instituta ispolnenija nakazanija v otnoshenii nesovershennoletnih osuzhdennyh // Aktual'nye problemy ispolnenija nakazanij v otnoshenii nesovershennoletnih. М., 2000. С. 180–193; Zlodev V.F. Problemy ispolnenija nakazanija v vide lishenija svobody v otnoshenii nesovershennoletnih na sovremennom jetape // Aktual'nye problemy penitenciarnoj nauki i praktiki: Sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: V 2 ch. / Pod obshh. red. O.G. Kovaleva. М., 2004. Ч. 2. С. 245–254.

¹⁵ См.: SZ RF. 1995. № 29. Ст. 2759.

¹⁶ См.: Prikaz Minjusta Rossii ot 30.03.2004 g. № 72 «O sozdanii izolirovannyh uchastkov v vospitatel'nyh kolonijah ugovolno-ispolnitel'noj sistemy Ministerstva justicii Rossijskoj Federacii» // SPS «Konsul'tantPljus».

¹⁷ См.: Prikaz Minjusta Rossii ot 26.08.2005 g. № 144 «Ob utverzhenii Porjadka sozdaniya izolirovannyh uchastkov, funkcionirujushhij kak ispravitel'nye kolonii obshhego rezhima, dlja sodержanija osuzhdennyh, dostigshih vo vremja otbyvanija nakazanija vozrasta 18 let, v vospitatel'nyh kolonijah territorial'nyh organov Federal'noj sluzhby ispolnenija nakazanij» // Bjuulleten' Minjusta Rossii. 2005. № 11.

¹⁸ См.: Parkinson S.N. Zakony Parkinsona: Sb. / Sost. i avt. predisl. V.S. Murav'ev. М., 1989. С. 46–51.

¹⁹ См., напр.: Danilin E.M., Davydova N.V. Osuzhdennye, otbyvajushhie nakazanie v vospitatel'nyh kolonijah, – kto oni? С. 41–42; Datij A.V., Danilin E.M., Fedoseev A.A. Harakteristika osuzhdennyh, otbyvajushhij nakazanie v vospitatel'nyh kolonijah // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2011. № 4 (16). С. 24–28.

УДК 342.5

Актуальные проблемы организации нормотворческой деятельности в Федеральной службе исполнения наказаний

С.В. ПЕРОВ – доцент кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

В статье анализируются полномочия Минюста России и ФСИН России по осуществлению нормотворческой деятельности, зарубежный опыт наделения регламентарной властью федеральных органов исполнительной власти; высказываются предложения по совершенствованию отечественного законодательства в части четкого закрепления в нем норм, наделяющих нормотворческой компетенцией федеральные органы исполнительной власти

Ключевые слова: нормотворческая деятельность; ФСИН России; регламентарная власть.

Actual problems of organization norm-setting in the Federal Penal Service

S.V. PEROV – Associate Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law

The article analyzes full powers of the Ministry of Justice and the Federal Penal Service of Russia for the norm-setting, international experience empowering the regulatory authority of the federal bodies of executive power, it makes suggestions for improvement of the national legislation on fixing it clear norms; conferring norm-setting competence of the federal bodies of executive power.

Key words: norm-setting activities; Federal Penal Service of Russia; regulatory authorities.

Среди проблем, связанных с организацией деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, заслуживают особого внимания проблемы ведомственного нормотворчества.

Организация нормотворческой деятельности во ФСИН России осуществляется в соответствии с Положением о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 13.10.2004 г. № 1314 (ред. от 13.07.2016 г.)¹. В частности, данным документом установлено, что ФСИН России:

– не вправе осуществлять в установленной сфере деятельности нормативно-правовое регулирование, кроме случаев, определенных федеральными конституционными законами, федеральными законами и указами Президента Российской Федерации (п. 8);

– принимает участие в разработке и проведении правовой экспертизы проектов

законодательных и иных нормативных правовых актов, касающихся деятельности уголовно-исполнительной системы, по поручению Минюста России (п. 7);

– в лице директора вносит министру юстиции проекты нормативных правовых актов и предложения по совершенствованию законодательства Российской Федерации по вопросам, отнесенным к компетенции службы (п. 11);

– имеет нормотворческую компетенцию на принятие конкретных нормативных правовых актов. В частности, подпунктом 9.1 п. 7 предусмотрена разработка и принятие нормативных правовых актов ФСИН России, регулирующих деятельность образовательных организаций, подведомственных служб (порядок и условия приема в федеральные государственные организации, осуществляющие образовательную деятельность и подведомственные ФСИН России, в том числе перечень дополни-

тельных вступительных испытаний при приеме в данные организации). Эта норма введена в содержание положения Указом Президента Российской Федерации от 21.12.2013 г. № 940 (ред. от 05.08.2015 г.)², принятым в связи с Федеральным законом от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 03.07.2016 г.) «Об образовании в Российской Федерации»³. Данный факт имеет особое значение и характеризует определенные тенденции в организации ведомственного нормотворчества во ФСИН России, четко определяет полномочия службы по осуществлению в установленной сфере деятельности нормативно-правового регулирования.

Если обратиться к анализу действующих нормативных правовых актов ФСИН России, то можно отметить, что компетенция службы на их принятие определена в Положении о Федеральной службе исполнения наказаний не всегда столь же четко. Это, например, касается таких актов, как приказы ФСИН России от 05.02.2007 г. № 48 «Об утверждении Инструкции по организации работы дежурных служб территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний»⁴, от 28.08.2010 г. № 378 «Об утверждении Порядка организации контроля в уголовно-исполнительной системе по зональному принципу и рекомендаций по ведению контрольно-наблюдательного дела территориального органа ФСИН России (учреждения уголовно-исполнительной системы)»⁵.

Правовые нормы, закрепленные в указанных и других нормативных правовых актах ФСИН России, регулируют в большинстве своем общественные отношения, которые следует относить к внутриорганизационным, и не затрагивают деятельность по осуществлению внешневластных функций службы.

В действующих федеральных законах отсутствуют правовые нормы, четко устанавливающие нормотворческую компетенцию ФСИН России по их принятию.

Указанная проблема характерна и для некоторых нормативных правовых актов Минюста России⁶, регулирующих деятельность уголовно-исполнительной системы. Не всегда Положение о Минюсте России четко предусматривает компетенцию министерства на принятие тех или иных нормативных правовых актов, особенно это касается актов, принятых в первое десятилетие после передачи уголовно-исполнительной системы в его ведение из МВД России⁷.

Таким образом, на сегодняшний день сложилась проблемная ситуация, суть ко-

торой заключается в следующем: деятельность уголовно-исполнительной системы на ведомственном уровне регламентирована нормативными правовыми актами Минюста и ФСИН России, многие из которых уже не отвечают потребностям учреждений и органов уголовно-исполнительной системы в нормативно-правовом регулировании и требуют совершенствования, при этом ни в Положении о Минюсте России, ни в Положении о ФСИН России, ни в федеральных законах нормотворческая компетенция данных ведомств на принятие указанных актов четко не закреплена.

Актуальной проблемой организации нормотворческой деятельности во ФСИН России является внесение необходимых изменений в действующее законодательство Российской Федерации, прежде всего в Закон Российской Федерации от 23.07.1993 г. (ред. от 20.04.2015 г.) «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»⁸, направленных на четкое установление полномочий Минюста России и ФСИН России по принятию конкретных нормативных правовых актов.

Отчасти решение указанной проблемы нашло отражение в проекте федерального закона № 802242-6 «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы” и Федеральный закон “О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений”»⁹, который разработан во исполнение Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г.¹⁰

Указанным законопроектом предусмотрена новая редакция ч. 1 ст. 12 закона «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», предусматривающая компетенцию Минюста России по установлению порядка охраны следственных изоляторов, исправительных учреждений и их объектов, а также иных объектов уголовно-исполнительной системы. Вместе с тем остается актуальным внесение изменений в указанный закон, предусматривающих наделение Минюста России компетенцией по нормативно-правовому регулированию отношений, связанных с обеспечением режима и надзора в учреждениях системы исполнения наказания, деятельностью уголовно-исполнительных инспекций и др.

В отдельных случаях, несмотря на наличие в законе отсылочной нормы, неточность

ее формулировки препятствует принятию ведомственного нормативного правового акта. Так, в ст. 83 УИК РФ предусмотрено, что перечень технических средств надзора и контроля и порядок их использования устанавливаются нормативными правовыми актами Российской Федерации. Вместе с тем не конкретизировано, каким именно актом устанавливаются указанные перечень и порядок – актом Минюста России или постановлением Правительства Российской Федерации. В результате указанная норма уже более 19 лет остается без реализации, поскольку предусмотренный ею нормативный правовой акт до сих пор не принят.

Следует отметить, что в условиях отсутствия в законодательстве отсылочных норм, наделяющих Минюст России и ФСИН России полномочиями по принятию конкретных нормативных правовых актов, на практике применяются отдельные общие положения, касающиеся нормотворческой компетенции указанных органов. Так, ст. 4 УИК РФ предусматривает, что федеральные органы исполнительной власти вправе принимать основанные на федеральном законе нормативные правовые акты по вопросам исполнения наказаний. Минюст России является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в установленной сфере деятельности, в том числе в сфере исполнения уголовных наказаний. Указанные положения применяются в том числе судами при разрешении дел¹¹. Вместе с тем, по нашему мнению, указанные положения никоим образом не должны исключать необходимость закрепления в федеральных законах правовых норм, четко определяющих конкретные нормотворческие полномочия Минюста России.

Анализ проблемы организации ведомственного нормотворчества наводит на вопрос: насколько отечественная практика наделяния нормотворческой компетенцией органов исполнительной власти соответствует зарубежному опыту?

В работах зарубежных ученых (в частности, заслуживают внимания выводы, сделанные Т.Я. Хабриевой и Ж. Марку¹²) отмечается, что наделяние указанных органов правом издавать подзаконные нормативные акты регулируется конституцией и законом.

При этом следует отметить одну важную деталь. Для характеристики рассматриваемых отношений в некоторых странах (Испании, Франции и др.) используется поня-

тие «регламентарная власть», под которой понимается право правительства регулировать общественные отношения актами (регламентами), юридическая сила которых ниже, чем закон. Однако, как отмечается авторами Большого юридического словаря, указанные акты нельзя относить к подзаконным, поскольку они могут издаваться по вопросам, которые законом не регулируются (а во Франции, например, и не могут регулироваться). В Российской Федерации понятию «регламентарная власть» до некоторой степени соответствует понятие «указное право»¹³.

Несмотря на данный специфический признак регламентарной власти, заслуживают внимания способы, посредством которых власть в зарубежных странах распределяется между органами государства.

Первый способ заключается в концентрации регламентарной власти в руках правительства. Подчиненные ему органы исполнительной власти осуществляют нормотворчество в пределах полномочий, делегированных правительством. Так, например, во Франции премьер-министр является единственным носителем общей регламентарной власти (ст. 21 Конституции Франции). Ни правительство, ни министры, ни президент не являются носителями данной власти. Президент принимает участие в регламентарной власти, только подписывая декреты, обсужденные в Совете министров. Вместе с тем законом специальные полномочия могут быть предоставлены и другим органам (например, министрам, независимым административным ведомствам). В Италии регламентарная власть формально принадлежит президенту. Министры ее осуществляют только в случаях, установленных законом (ст. 17 Закона 1988/400).

В Испании общая регламентарная власть принадлежит правительству как коллегиальному органу (ст. 97 Конституции Испании), но закон может предоставить министрам регламентарные полномочия по отдельным вопросам. Издаваемые ими акты должны быть чисто исполнительного характера. В сфере действия законов Конституционный суд Испании отрицает любое нормативно-правовое значение приказов министров. В Великобритании полномочие издавать исполнительные регламенты законом обычно делегируется министру (акты делегированного законодательства), но премьер-министр обладает большими полномочиями по контролю и руководству деятельностью министров.

В Германии в соответствии с Основным законом рассматриваемое полномочие принадлежит федеральному министру или правительствам федеральных земель, что исключает наделение им канцлера (ст. 80).

Второй способ распределения регламентарной власти состоит в значительной нормотворческой компетенции центральных органов исполнительной власти. Для государств, где применяется данный способ, характерна коллегиальность функционирования правительства.

В Нидерландах премьер-министр является главой коалиции (*primus inter pares*) Совета министров, он не обладает иной властью, кроме скрепления подписью декретов и назначения и снятия с должности членов правительства. Декреты подписываются королем и одним или несколькими министрами или государственными секретарями (ст. 47 Конституции Нидерландов), в их числе и регламенты публичной администрации (ст. 89 Конституции Нидерландов). Таким образом, именно министрам принадлежит регламентарная власть.

В Швеции органы государственного управления в своей деятельности подчиняются непосредственно правительству, которое руководит государственными органами, но министры не могут издавать инструкции, относящиеся к индивидуальным делам различных административных органов (п. 7 ст. 11 Конституции Швеции) либо к формированию государственных органов различной степени важности. Закон предоставляет правительству возможность регулировать отношения между частными лицами и государственными органами (в таком случае акты подписываются от имени правительства премьер-министром или министром) либо делегировать это другим должностным лицам административной власти (п. 7 ст. 7 и п. 11 ст. 8 Конституции). В силу этого шведская административная система отличается большой рассредоточенностью регламентарной власти, которая компенсируется различными средствами, которыми располагает правительство при руководстве деятельностью государственных органов (организация и определение компетенции административных властей, со-

ответствующие назначения на должности, а также бюджетные ассигнования).

Таким образом, анализ различных способов наделения органов исполнительной власти в зарубежных странах нормотворческой компетенцией позволяет судить об обоснованности и соответствии международным практикам ранее отмеченной нами тенденции к закреплению указанной компетенции в России. Нормотворческая компетенция федеральных органов исполнительной власти должна ограничиваться случаями, прямо указанными в законах. Чем четче в законодательстве будут определены нормотворческие полномочия федеральных органов исполнительной власти, установлены их пределы, объем, тем меньше будет возможностей для административного усмотрения и больше будет определенности и упорядоченности в правовом регулировании.

По нашему мнению, зарубежный опыт наделения нормотворческой компетенцией органов исполнительной власти имеет объективные обоснования, заключающиеся в том, что в силу особенностей реализации принципа разделения властей на судебную, законодательную и исполнительную последняя имеет во всех странах тенденцию к укреплению и расширению своих полномочий. Неограниченные полномочия органов исполнительной власти принимать правовые нормы противоречат указанному принципу и способствуют вторжению исполнительной власти в сферу ответственности законодательной.

В связи с этим представляется рациональным совершенствование отечественного законодательства в части четкого закрепления норм, наделяющих нормотворческой компетенцией федеральные органы исполнительной власти. Это в полной мере касается компетенции Минюста России и ФСИН России. При этом следует добавить, что проводить данную работу целесообразно на системной основе, для чего необходимо скорейшее принятие федеральных законов о нормативных правовых актах и федеральных органах исполнительной власти, в которых должны быть закреплены общие положения, касающиеся нормотворческой компетенции указанных органов.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: СЗ РФ. 2004. № 42. Ст. 4109.

² См.: Там же. 2013. № 52 (Ч. II). Ст. 7137.

³ См.: Там же. 2012. № 53 (Ч. 1). Ст. 7598.

⁴ См.: Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2007. № 10.

¹ Sm.: SZ RF. 2004. № 42. St. 4109.

² Sm.: Tam zhe. 2013. № 52 (Ch. II). St. 7137.

³ Sm.: Tam zhe. 2012. № 53 (Ch. 1). St. 7598.

⁴ См.: Vedomosti ugodovno-ispolnitel'noj sistemy. 2007. № 10.

⁵ См.: Там же. 2011. № 1.

⁶ См.: Указ Президента Российской Федерации от 13.10.2004 г. № 1313 (ред. от 09.05.2016 г.) «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 42. Ст. 4108.

⁷ См., напр.: Приказ Минюста России от 20.05.2009 г. № 142 (ред. от 22.08.2014 г.) «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» // Российская газета. 2009. № 151; приказ Минюста России от 15.02.2006 г. № 21 «Об утверждении Инструкции по охране исправительных учреждений и следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Минюста России» (документ официально опубликован не был).

⁸ См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1316.

⁹ См.: URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=802242-6&02> (дата обращения: 02.09.2016).

¹⁰ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 г. № 1772-р (ред. от 23.09.2015 г.) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // СЗ РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.

¹¹ См., напр.: Решение Верховного Суда Российской Федерации от 13.02.2013 г. № АКПИ12-1763 «Об удовлетворении заявления о признании частично недействующей Инструкции по охране исправительных учреждений, следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, утв. приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 15.02.2006 г. № 21-дсп» // СПС «КонсультантПлюс».

¹² См.: Административные процедуры и контроль в свете европейского опыта / Под ред. Т.Я. Хабриевой, Ж. Марку. М., 2011. С. 20–25.

¹³ См.: Сухарев А.Я., Крутских В.Е., Сухарева А.Я. Большой юридический словарь. М., 2003.

⁵ См.: Там же. 2011. № 1.

⁶ См.: Указ Президента Российской Федерации от 13.10.2004 г. № 1313 (ред. от 09.05.2016 г.) «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 42. Ст. 4108.

⁷ См., напр.: Приказ Минюста России от 20.05.2009 г. № 142 (ред. от 22.08.2014 г.) «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» // Российская газета. 2009. № 151; приказ Минюста России от 15.02.2006 г. № 21 «Об утверждении Инструкции по охране исправительных учреждений и следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Минюста России» (документ официально опубликован не был).

⁸ См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1316.

⁹ См.: URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=802242-6&02> (дата обращения: 02.09.2016).

¹⁰ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 г. № 1772-р (ред. от 23.09.2015 г.) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // СЗ РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.

¹¹ См., напр.: Решение Верховного Суда Российской Федерации от 13.02.2013 г. № АКПИ12-1763 «Об удовлетворении заявления о признании частично недействующей Инструкции по охране исправительных учреждений, следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, утв. приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 15.02.2006 г. № 21-дсп» // СПС «КонсультантПлюс».

¹² См.: Административные процедуры и контроль в свете европейского опыта / Под ред. Т.Я. Хабриевой, Ж. Марку. М., 2011. С. 20–25.

¹³ См.: Сухарев А.Я., Крутских В.Е., Сухарева А.Я. Большой юридический словарь. М., 2003.

УДК 94:3448.01/07(470)“14–16”

Наказание женщин за колдовство в Московском государстве в XV–XVII вв.

Н.А. БЕЛОВА – старший преподаватель кафедры философии и истории ВПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук

В статье рассматриваются особенности наказания женщин, уличенных в колдовстве, в Московском государстве XV–XVII вв., делается вывод о том, что колдовство в этот период считалось одним из наиболее опасных религиозных преступлений, преследовалось законом и сурово наказывалось.

К л ю ч е в ы е с л о в а: история наказаний; история государства и права России; наказание женщин; религиозные преступления; колдовство.

Punishment of women for witchcraft in the Moscow State in the XV–XVII centuries

N.A. BELOVA – Senior Lecturer of the Department of Philosophy and History of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in History

The article discusses the features of punishment of women convicted of witchcraft in the Moscow state in the XV–XVII centuries, it concludes that witchcraft in this period was considered as one of the most dangerous religious crimes prosecuted and severely punished.

Key words: history of punishment; history of state and law of Russia; punishment of women; religious offense; witchcraft.

В Московской Руси любое занятие магией как обращение к нечистым (демоническим) силам и отступление от веры в Бога запрещалось духовными и светскими властями, преследовалось и осуждалось как религиозное преступление. Позиция церкви по этому вопросу, разделяемая государством, была изложена в Кормчих книгах – переводных византийских Номоканонах, содержащих различные патристические сочинения и определения поместных и вселенских соборов, дополненных на Руси нормами светского права. Отметим, что единой санкции в каноническом (церковном) праве за применение чародейства установлено не было. В зависимости от тяжести совершенного деяния к виновным обоюбого пола применялись разного рода епитимьи (вплоть до отлучения от церкви) и смертная казнь в виде сожжения или утопления. Государственной властью, действовавшей в союзе с церковной, при наказании преступников, уличенных в колдовстве, помимо смертной казни применялась также ссылка в отдаленные местности. Специально посвященные колдовству статьи в светских правовых источниках до XVII в. отсутствовали.

Традиционными «женскими» колдовскими преступлениями в Московском государстве являлись дела, связанные с ворожбой и знахарством. Так, согласно Псковской второй летописи, в 1411 г. «псковичи сожгоша 12 жонке вещихъ»¹. Весной 1443 г. по обвинению в чародействе князь Иван Андреевич «поймалъ Андрея Дмитреева и жену его Марью, сжегъ, на Мироносицы, в Можайске»². В январе 1498 г. Иван III, узнав, что к его супруге Софье «приходиша бабы с зелием; обыскав тех баб лихих... велел их казнити, потопити в Москве реке нощию»³. Приговорной грамотой Троицко-Сергиевского монастырского собора от 31.10.1555 г. предписывалось в принадлежавших ему землях «волхва, или бабу ворожею, бивъ да ограбивъ да выбити изъ волости вонъ»⁴.

Народное отношение к чародейству выразилось в предании, возникшем в период правления Ивана Грозного. В нем говорится о том, что для борьбы на Руси с нечистью и безбожием царь «решился... уничтожить колдунов и ведьм»⁵. С этой целью он

разослал по царству гонцов с грамотами, чтобы «православные... высылали спешно в Москву, если есть у кого ведьмы и переметчицы». По царскому наказу «навезли со всех сторон старых баб и рассадили их по крепостям, со строгим караулом»⁶. Затем их собрали на площади. Туда вышел царь и велел «обложить всех ведьм соломой... и запалить... Когда пламя разгорелось, они подняли визг, крик и мяуканье; поднялся густой черный столб дыма, и полетело из него множество сорок... все ведьмы обернулись в сорок, улетели и обманули царя в глаза. Разгневался тогда царь и послал им вслед проклятие: чтобы вам отныне и до веку оставаться сороками. Так все они и теперь летают сороками... до сих пор они боятся царского проклятия, и потому ни одна сорока не долетает до Москвы ближе 60 верст»⁷. Возможно, в основу предания легла история о сожжении в августе 1575 г. по распоряжению Ивана IV «в Новгороде 15 жен [а сказывают, ведуньи, волхвы]»⁸, упомянутых в Синодике опальных царя Ивана Грозного, текст которого реконструирован Р.Г. Скрынниковым.

Обвинение в чародействе нередко использовалось в качестве способа разрешения разного рода конфликтов и устранения неугодных людей путем их оклеветания. Подтверждением тому могут служить извлеченные Н.И. Забелиным из архивов женские «ведовские» дела XVII в., большинство которых возникало по «извету» (доносу) либо оговору из-за каких-либо бытовых мелочей, корыстных целей или в качестве личной мести, нередко вовлекая в следствие широкий круг лиц. Подобные дела обычно касались наведения порчи либо иных посягательств колдовскими средствами на жизнь и здоровье людей (любовные привороты, лечение разных хворей, бесплодия и пр.). Часть таких дел приобретала характер государственной важности, так как имела непосредственное отношение к царской семье, благополучие членов которой особо оберегалось. Так, 30 января 1635 г. Антонида Чашникова, одна из «золотных мастериц» царицы Евдокии, нечаянно выронила в палате у золотошвек платок, в котором был «заверчен корень неведомо какой»⁹. Поскольку женщина была вхожа во дворец, делу был дан ход. На пер-

вом «роспросе» обвиняемая показала, что «тот корень не лихой, а носит она его с собою от сердечных болезней»¹⁰. Но когда мастерице пригрозили пыткой, созналась, что этот предмет для защиты от «лихова мужа» ей дала ворожея «жонка Танька», которая живет на Здвиженской улице и «ходит... к государевым мастерицам»¹¹. Таньку отыскивали и допросили. Вначале она отрицала знакомство с Чашниковой, но когда их поставили «с очей на очи», созналась в том, что дала мастерице корень «обротим», чтобы «муж ее любил»¹². Под пыткой обе женщины повторили прежние показания, но отрицали умысел в наведении порчи «на государя с государынею и их царских детей»¹³. Однако «за опалу в ведовском деле» были наказаны вместе с мужьями. «Сын боярский Григорий Чашников с женою»¹⁴ были сосланы в Казань, а Гриша Плотник с женою Танькою – на Чаронду.

Похожее, но более масштабное дело было начато 16 ноября 1638 г. По «извету» царицыных золотошвеек Марьи Сновидовой и Степаниды Арапки была обвинена мастерица Дарья Ламанова в том, что «сыпала песок на след государыни-царицы»¹⁵. В ходе розыска под пыткой Дарья призналась, что таким способом по научению «ворожеи Настасьицы» пыталась избавиться от подозрений мужа в неверности. Последняя на очной ставке сначала все отрицала, но, когда ее стали «огнем жечь», призналась, что рубашечным пеплом велела посыпать «государской след» не для «лихова дела», а для того, «как тот пепел государь и государыня перейдет, а чье в те поры будет челобитье и то дело сделается»¹⁶. Женщина созналась, что ворожить ее научила жонка Манка Козлиха. Последняя на «роспросе» от своих занятий ведовским ремеслом не отказывалась, но утверждала, что «лихим словом не наговаривает» и назвала баб, которые «подлинно умеют ворожить»¹⁷. В итоге в деле появились три слепые ворожеи: Улька, Дунка и Феклица. На допросах они были изобличены в ведовских занятиях, но, несмотря на пытки огнем, никаких «лихих слов» в адрес государя не открыли. Возможно, на этом бы дело и завершилось. Но в январе 1639 г. умер пятилетний царевич Иван, в марте – новорожденный наследник Василий. Несчастья связали с ворожкой Ламановой, и 1 апреля 1639 г. царь приказал вновь «расспросить и пытать накрепко» мастерицу Дашку и ведунью жонку Настьку. На повторном допросе они показали, что «над государем и над государынею и над их государскими детьми... лихое дело не умышляли»¹⁸. Пыткам под-

вергли других колдуний и «допросом оговоренных» мастериц Авдотью Ярышкину и Прасковью Суровцеву. Но ничего нового в деле не открылось. Вскоре после пыток ворожеи Настька и Ульянка умерли. Прочих подсудимых отдали приставам под стражу до окончания дела. В сентябре 1639 г. было приказано Дарью Ламанову с мужем сослать в Пелым, Манку Козлиху – в Соликамск, Феклицу с мужем – на Вятку, Дуньку – в Кайгород, Авдотью Ярышкину с семьей – в Каргополь, остальных причастных к делу мастериц выслать из дворца и «впредь в царицыну чину не быть»¹⁹.

В XVII в. борьба с колдовством усилилась в связи начавшимся очищением церкви и обновлением православия. Так, царской грамотой 1648 г. в Белгород «Об исправлении нравов и уничтожении суеверий» предписывалось православным людям под страхом наказания, чтобы они «ворожей, мужиковъ и бабъ, къ болнымъ и ко младенцомъ, въ домъ къ себе не призывали»²⁰.

Непосредственное осуждение колдовской практики в Соборном уложении 1649 г. отсутствовало, но на чародеев обоих полов могли распространяться статьи этого нормативного акта из глав «О богохулниках и о церковных мятежниках» и «О государьской чести, и как его государьское здоровье оберегать»²¹. Запрет на колдовство был введен указом царя от 14.01.1653 г., предписывавшим после его оглашения тем, «хто учнет коренья держать и травы держать и траву чинить и костыми ворожить, хто учнет к ворожом ходить, того б государь великой жестоко казнил без пощады [и дома]»²². Царские грамоты с этим указом были разосланы во многие города, включая «украинные и замосковские». В частности, в направленной в Тулу грамоте от 09.02.1653 г. уточнялся способ казни этих «злых людей». Их повелевалось «во обрубех, обложивше соломою, жечь на смерть [в кострах жечь] безо всякие пощады и дома их велено разорить до основания»²³.

На практике подобные казни совершались и до появления данного документа. Например, в 1647 г. шацкому воеводе Григорию Хитрову поступил указ царя, повелевавший женку Агафьицу и мужика Терешку Ивлева «у пытки расспросить... какихъ людей они портили и до смерти уморили, и... какимъ людямъ килы и невстанихи делали, и кто съ ними темъ мужикамъ и женкамъ такое дурно делали»²⁴. После пытки Агафья созналась, что «къ мужикам килы присаживала и невстанихи делала», а также вместе со своей

сестрой Евдокией «испортила и уморила до смерти приказного дьячка... Федьку Севергина... крестьянина Степанка Шахова, да испортила земскаго дьячка Шишку... присадила килу сестры своей къ Овдотьичину деверю къ Степанку»²⁵. Обвиняемая также назвала и своих «учителей»: «тому дурну учила ее Агафьичу сестра ея Овдотьича да сестры ея... свекоръ... Терешка Ивлев»²⁶. Последний под пыткой дал признательные показания, а Евдокии удалось избежать наказания. Она до начала расследования «сбежала неизвестно куда»²⁷. В итоге царь приказал воеводе: «женку Агафьичу и мужика Терешку... причастить святыхъ Божьихъ тайнь... вывести на площадь и, сказавъ имъ ихъ вину и богомерзкое дело, велеть ихъ на площади в срубе, оболочки соломою, сжечь»²⁸.

Во второй половине XVII в. число казней за чародейство возросло. Так, в 1666 г. гетман войска запорожского И.М. Брюховецкий велел сжечь «пять бабъ ведьмъ... за то, что мнилъ по нихъ то, что оне его гетмана и жену его испортили и чахотную болезнь на нихъ напустили»²⁹. В 1674 г. в г. Тотьме по оговору в порче была сожжена в срубе «при многих людяхъ» женщина Федосья. При казни она объявила, «что никого не портила, но что передъ воеводою оклепала себя, не претерпя пытокъ»³⁰. В 1676 г. в принадлежавшем боярину Ф.И. Шереметьеву селе Сокольском были преданы огню муж и жена. Царским указом по этому делу повелевалось: «Сокольскому пушкарю Панке Ломоносову и жене его Аноске дать имъ отца духовного и сказать имъ ихъ вину въ торговый день при многихъ людяхъ, и велеть казнить смертью, сжечь въ срубе съ кореньемъ и съ травы, чтобъ инымъ не повадно было»³¹. В 1682 г. погибла «на огне» жена водопроводных дел мастера Ивана Яковлева, Марфушка, обвиненная в порче царя Федора Алексеевича³².

Обвинения в колдовстве нередко становились способом расправы с опасными государственными преступниками, включая женщин. Так, сожжению в срубе была подвергнута активная участница восстания Степана Разина, беглая монахиня старица

Алена³³. В 1671 г. она возглавила оборону города Темникова.

После разгрома повстанцев царскими войсками Алена была схвачена по розыску новгородского митрополита Филарета. Митрополичьим судебным приказом она была обвинена в колдовстве и подвергнута пыткам³⁴. По окончании дела 4 декабря 1671 г. ее вместе с двумя священниками выдали воеводе князю Ю.А. Долгорукову, который распорядился «попов повесить, а старицу сжечь въ срубе»³⁵. Описание казни Алены (Арзамасской) приведено в 26-м номере за 1677 г. нравоучительного немецкого еженедельника «Поучительные досуги Иоганна Фриша или примечательные и вдумчивые беседы»: «Через несколько дней после [казни] [Разина] была сожжена монахиня, которая, находясь с ним [заодно], подобно амазонке, превосходила мужчин своей необычной отвагой... Ее мужество проявилось также во время казни, когда она спокойно взшла на край хижины, сооруженной по московскому обычаю из дерева, соломы и других горючих вещей, и, перекрестившись... смело прыгнула в нее, захлопнула за собой крышку и, когда все было охвачено пламенем, не издавала ни звука»³⁶.

В декабре 1689 г. был вынесен приговор группе лиц, обвиненных в подстрекательстве стрельцов к бунту с помощью колдовства. Единственной женщиной, осужденной по этому делу, стала Агафья, жена «главного чародея» Андрея Безобразова. За помощь мужу ее предписывалось сослать в ссылку «въ Новгородской уездъ, на Тихвину во Введенской девичьей монастырь подъ началь, и быть... в томъ монастыре по смерть не исходно»³⁷.

Таким образом, в свете вышеизложенного можно утверждать, что в Московском государстве в XV–XVII вв. колдовство считалось одним из наиболее опасных религиозных преступлений. По этой причине уличенные в любом из видов чародейства женщины наравне с мужчинами подвергались преследованию со стороны как духовной, так и светской власти, а наказание виновных отличалось особой суровостью.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Полное собрание русских летописей. Т. 5. Псковская и Софийская летописи. СПб., 1851. С. 22.

² Полное собрание русских летописей. Т. 6. Софийские летописи. СПб., 1853. С. 170.

³ Цит. по: Скрынников Р.Г. Иван III. М., 2006. С. 64.

⁴ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Императорской Академии наук. Т. 1. 1294–1598. СПб., 1836. С. 267.

⁵ Цит. по: Канторович Я.А. Средневековые процессы о ведьмах. СПб., 1896. С. 166.

¹ Полное собрание русских летописей. Т. 5. Псковская и Софийская летописи. СПб., 1851. С. 22.

² Полное собрание русских летописей. Т. 6. Софийские летописи. СПб., 1853. С. 170.

³ Цит. по: Скрынников Р.Г. Иван III. М., 2006. С. 64.

⁴ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Императорской Академии наук. Т. 1. 1294–1598. СПб., 1836. С. 267.

⁵ Цит. по: Канторович Я.А. Средневековые процессы о ведьмах. СПб., 1896. С. 166.

- ⁶ Там же. С. 166.
⁷ Там же. С. 167.
⁸ Цит. по: Скрынников Р.Г. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный: В 2 т. Смоленск, 1996. Т. 2. С. 428.
⁹ Цит. по: Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М., 1869. С. 529.
¹⁰ Там же. С. 529.
¹¹ Там же. С. 530.
¹² Там же.
¹³ Там же. С. 531.
¹⁴ Там же. С. 533.
¹⁵ Там же.
¹⁶ Там же. С. 537.
¹⁷ Там же. С. 539.
¹⁸ Там же. С. 541.
¹⁹ Там же. С. 543.
²⁰ Цит. по: Иванов П. Описание Государственного архива старых дел. М., 1850. С. 298.
²¹ См.: Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 г. М., 1961; URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649.htm> (дата обращения: 20.06.2016).
²² Цит. по: Опарина Т.А. Неизвестный указ 1653 г. о запрещении колдовства // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 3. С. 89.
²³ Там же. С. 91.
²⁴ Цит. по: Новомбергский Н.Я. Врачебное строение в допетровской Руси. Томск, 1907. С. 27.
²⁵ Там же. С. 28.
²⁶ Там же.
²⁷ Там же. С. 29.
²⁸ Там же. С. 27.
²⁹ Там же. С. 30.
³⁰ Цит. по: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 3. Т. XI–XV. СПб., 1896. С. 756.
³¹ Цит. по: Новомбергский Н.Я. Врачебное строение в допетровской Руси. С. 30.
³² См.: Там же.
³³ См.: Грекулов Е.Ф. Православная инквизиция в России. М., 1964. С. 33.
³⁴ См.: Там же.
³⁵ Цит. по: Новомбергский Н.Я. Врачебное строение в допетровской Руси. С. 30.
³⁶ Цит. по: Иностранные известия о восстании Степана Разина / Под ред. А.Г. Манькова. Л., 1975. С. 134–135.
³⁷ Именной указ от 25.12.1689 г. № 1362 «О казни волшебников за предсказывание возмущения и за обещание обратиться, посредством чародейства, благорасположение царя Петра Алексеевича и матери его, царицы Наталии Кирилловны, к преступникам и о наказании соучастников в сих преступлениях» // ПСЗРИ (1649–1825). Т. 3. 1689–1699. СПб., 1830. С. 51.
- ⁶ Tam zhe. S. 166.
⁷ Tam zhe. S. 167.
⁸ Cit. po: Skrynnikov R.G. Velikij gosudar' Ioann Vasil'evich Groznyj: V 2 t. Smolensk, 1996. T. 2. S. 428.
⁹ Cit. po: Zabelin I.E. Domashnij byt russkih caric v XVI i XVII stoletijah. M., 1869. S. 529.
¹⁰ Tam zhe. S. 529.
¹¹ Tam zhe. S. 530.
¹² Tam zhe.
¹³ Tam zhe. S. 531.
¹⁴ Tam zhe. S. 533.
¹⁵ Tam zhe.
¹⁶ Tam zhe. S. 537.
¹⁷ Tam zhe. S. 539.
¹⁸ Tam zhe. S. 541.
¹⁹ Tam zhe. S. 543.
²⁰ Cit. po: Ivanov P. Opisanie Gosudarstvennogo arhiva staryh del. M., 1850. S. 298.
²¹ Sm.: Tihomirov M.N., Epifanov P.P. Sobornoe ulozhenie 1649 g. M., 1961; URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649.htm> (data obrashhenija: 20.06.2016).
²² Cit. po: Oparina T.A. Neizvestnyj ukaz 1653 g. o zapreshhenii koldovstva // Drevnjaja Rus'. Voprosy medievistiki. 2002. № 3. S. 89.
²³ Tam zhe. S. 91.
²⁴ Cit. po: Novombergskij N.Ja. Vrachebnoe stroenie v dopetrovskoj Rusi. Tomsk, 1907. S. 27.
²⁵ Tam zhe. S. 28.
²⁶ Tam zhe.
²⁷ Tam zhe. S. 29.
²⁸ Tam zhe. S. 27.
²⁹ Tam zhe. S. 30.
³⁰ Cit. po: Solov'ev S.M. Istorija Rossii s drevnejshih vremen. Kn. 3. T. XI–XV. SPb., 1896. S. 756.
³¹ Cit. po: Novombergskij N.Ja. Vrachebnoe stroenie v dopetrovskoj Rusi. S. 30.
³² Sm.: Tam zhe.
³³ Sm.: Grekulov E.F. Pravoslavnaja inkvizicija v Rossii. M., 1964. S. 33.
³⁴ Sm.: Tam zhe.
³⁵ Cit. po: Novombergskij N.Ja. Vrachebnoe stroenie v dopetrovskoj Rusi. S. 30.
³⁶ Cit. po: Inostrannye izvestija o vosstanii Stepana Razina / Pod red. A.G. Man'kova. L., 1975. S. 134–135.
³⁷ Imennoj ukaz ot 25.12.1689 g. № 1362 «O kazni volshhebnikov za predskazyvanie vozmushhenija i za obeshhanie obratit', posredstvom charodejstva, blagoraspolzhenie carja Petra Alekseevicha i materi ego, caricy Natalii Kirillovny, k prestupnikam i o nakazanii souchastnikov v sih prestuplenijah» // PSZRI (1649–1825). T. 3. 1689–1699. SPb., 1830. S. 51.

УДК 35.08:342.547:342.9

Проблемные вопросы привлечения государственного служащего к дисциплинарной ответственности за совершение коррупционного правонарушения

Э.В. РЫЖОВ – старший помощник руководителя следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Вологодской области (по кадрам);

С.В. ЗАВИТОВА – начальник кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

В статье анализируются вопросы привлечения к административной и дисциплинарной ответственности за совершение правонарушений коррупционной направленности, а также практика выявления нарушений при предоставлении сведений о доходах, расходах и обязательствах имущественного характера.

Ключевые слова: противодействие коррупции; коррупция; правонарушения; сведения о доходах; дисциплинарные взыскания.

Problematic issues bringing of state employee to disciplinary responsibility for a corruption offense

E.V. RYZHOV – Senior Assistant Head of the Investigation Department of the Investigative Committee of the Russian Federation in Vologda region;

S.V. ZAVITOVA – Head of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal of Russia, PhD. in Law, Associate Professor

The article analyzes the issues of bringing to administrative and disciplinary responsibility for committing corruption-related offenses, as well as the practice of identifying violations in the provision of information about income, expenses and liabilities of material nature.

Key words: fight against corruption; corruption; offense; information on income; disciplinary action.

В настоящее время наблюдается повышенный интерес к проблеме борьбы с коррупцией как социальным злом, представляющим угрозу национальной безопасности государства. Коррупция в органах государственной власти ущемляет конституционные права и интересы граждан, разрушает демократические устои и правопорядок, дискредитирует деятельность государственного аппарата, препятствует проведению реформ и в конечном итоге подрывает доверие граждан к власти¹.

Федеральный закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 15.02.2016 г.) «О противодействии коррупции»² провозглашает одним из основных принципов противодействия коррупции неотвратимость ответственности за совершение коррупционных правонарушений.

Вместе с тем самого понятия «коррупционное правонарушение» в указанном законе не содержится, а дается лишь определение коррупции как «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественно-

го характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами».

Правонарушение можно определить как виновное противоправное деяние (действие и (или) бездействие) лица, причиняющее вред личности, обществу и государству, за которое наступает юридическая ответственность. В зависимости от степени общественной опасности и социальной вредности правонарушения делятся на преступления и проступки, которые в свою очередь подразделяются на административные, гражданско-правовые и дисциплинарные.

Если с коррупционными преступлениями существует определенная ясность – закрытый перечень преступлений указан в УК РФ, то с коррупционными проступками, особенно с гражданско-правовыми и дисциплинарными, ситуация обстоит сложнее, так как их перечень законодательно не закреплен.

В правоприменительной практике остро встает проблема с определением понятия «малозначительность коррупционного правонарушения» и его применением при решении вопросов о привлечении к дисциплинарной ответственности.

Более того, федеральный закон «О противодействии коррупции» вообще не содержит

указания на то, что коррупционное правонарушение может быть малозначительным.

Упоминания о малозначительности правонарушения имеются лишь в федеральных законах³, регламентирующих вопросы прохождения отдельных видов службы, и в КоАП РФ.

Законодатель установил возможность применения конкретных видов дисциплинарных взысканий за совершение малозначительных коррупционных правонарушений: замечание – на государственной гражданской службе⁴; замечание и выговор – в Следственном комитете⁵, органах внутренних дел⁶; выговор – на военной службе⁷. Например, «взыскание в виде замечания или выговора может быть применено к сотруднику Следственного комитета при малозначительности совершенного им коррупционного правонарушения на основании рекомендации комиссии по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов (аттестационной комиссии)».

Анализ законодательства, регулирующего прохождение различных видов государственной службы, позволил сделать вывод о том, что, несмотря на малозначительность правонарушения, дисциплинарная ответственность для государственного служащего наступает в любом случае, а сам факт совершения коррупционного правонарушения, невзирая на его значимость, является «черным пятном» в его биографии.

Следует отметить, что даже КоАП РФ об административных правонарушениях в этой сфере содержит более гуманные нормы. Согласно ст. 2.9 КоАП РФ «при малозначительности совершенного административного правонарушения судья, орган, должностное лицо, уполномоченные решить дело об административном правонарушении, могут освободить лицо, совершившее административное правонарушение, от административной ответственности и ограничиться устным замечанием».

Изложенные обстоятельства свидетельствуют о том, что освобождение от административной ответственности за коррупционное правонарушение возможно, а от дисциплинарной нет.

В сложившейся ситуации представителю нанимателя государственного служащего, совершившего коррупционное правонарушение в форме коррупционного дисциплинарного проступка, бывает трудно однозначно отнести то или иное дисциплинарное

правонарушение к числу коррупционных, хотя это имеет существенное значение при решении вопроса о мере ответственности государственного служащего и даже о возможности продолжения им службы.

Кроме того, в этой ситуации существует и серьезный риск нарушения прав государственного служащего, который без достаточных к тому оснований попадает в число коррупционеров.

Полагаем, что абсолютное большинство государственных и муниципальных служащих являются честными и добросовестными работниками, а допускаемые ими нарушения – следствием невнимательности и незнания особенностей антикоррупционного законодательства.

Особенно остро эта проблема возникает при проверке соблюдения требований законодательства о предоставлении государственными служащими сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера. Анализ правоприменительной практики в этой сфере свидетельствует о том, что чаще всего государственные служащие не указывают:

- сведения о выплате ежемесячного пособия на ребенка до 16 (18) лет;
- сведения о наличии в собственности акций, приобретенных длительное время тому назад (например, в 1990-х гг. в процессе реализации приватизационных чеков);
- доходы от продажи автомобиля;
- сведения о наличии в собственности сотрудника или его супруга (супруги) недвижимого имущества (земельный участок малой площади под гаражом, хозяйственной постройкой и т.п.);
- сведения о денежной компенсации и субсидии на оплату жилья и коммунальных услуг;
- сведения о наличии банковского счета, остаток средств на котором является незначительным, и т.п.

Данная проблема затрагивает очень большое число наших сограждан, проходящих государственную или муниципальную службу. Например, согласно данным Росстата, в 2015 г. численность работников государственных органов и органов местного самоуправления составляла 2 176 370 чел.⁸

В связи с этим, по нашему мнению, необходимо на законодательном уровне определить понятие коррупционного правонарушения, предоставить представителю нанимателя или работодателю государственного или муниципального служащего право при определенных обстоятельствах

освобождать на основании рекомендации комиссии по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов (аттестационной комиссии) от ответственности такого государственного служащего.

Определенные шаги в эту сторону предпринимаются. Так, например, Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации подготовлены «Методические рекомендации по привлечению к ответственности государственных (муниципальных) служащих за несоблюдение ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции»⁹, в которых содержатся три примерных перечня: «Перечень ситуаций, которые могут быть расценены как значительные проступки, влекущие увольнение государственного (муниципального) служащего в связи с утратой доверия», «Перечень ситуаций, которые могут быть расценены как малозначительные

проступки» и «Перечень ситуаций, которые могут быть расценены как несущественные проступки».

При отсутствии правовой регламентации данного вопроса следует отметить безусловную практическую значимость данных методических рекомендаций, однако они, во-первых, носят казуистический характер, поскольку содержат примерный перечень ситуаций, во-вторых, в силу их природы носят не обязательный, а рекомендательный характер и, в-третьих, вносят дополнительную неопределенность в толкование и без того сложного законодательства, вводя, в частности, такое понятие, как «несущественные проступки». Более того, в методических рекомендациях не раскрываются алгоритм действий подразделений или должностных лиц, ответственных за профилактику коррупционных и иных правонарушений, а также рекомендуемая мера ответственности за такое правонарушение.

В сложившейся ситуации решением существующих проблем было бы издание соответствующего нормативного правового акта.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (Ч. II). Ст. 212.

² См.: Там же. 2008. № 52 (Ч. 1). Ст. 6228.

³ Например, ст. 51.1 Федерального закона от 30.11.2011 г. № 342-ФЗ (ред. от 03.07.2016 г.) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (см.: Там же. 2011. № 49 (Ч. 1). Ст. 7020).

⁴ Статья 59.3 Федерального закона от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 03.07.2016 г.) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (см.: Там же. 2004. № 31. Ст. 3215).

⁵ Часть 3.1 ст. 30 Федерального закона от 28.12.2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» (см.: Там же. 2011. № 1. Ст. 15).

⁶ Статья 51.1 Федерального закона от 30.11.2011 г. № 342-ФЗ (ред. от 03.07.2016 г.) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (см.: Там же. № 49 (Ч. 1). Ст. 7020).

⁷ Статья 51.1 Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 03.07.2016 г.) «О воинской обязанности и военной службе» (см.: Там же. 1998. № 13. Ст. 1475).

⁸ См.: Открытые данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 01.06.2016).

⁹ Письмо Минтруда России от 13.11.2015 г. № 18-2/10/П-7073 «О критериях привлечения к ответственности за коррупционные правонарушения» (вместе с Методическими рекомендациями по привлечению к ответственности государственных (муниципальных) служащих за несоблюдение ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции) // СПС «КонсультантПлюс» (официально опубликовано не было).

¹ См.: Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (Ч. II). Ст. 212.

² См.: Там же. 2008. № 52 (Ч. 1). Ст. 6228.

³ Например, ст. 51.1 Федерального закона от 30.11.2011 г. № 342-ФЗ (ред. от 03.07.2016 г.) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (см.: Там же. 2011. № 49 (Ч. 1). Ст. 7020).

⁴ Статья 59.3 Федерального закона от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 03.07.2016 г.) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (см.: Там же. 2004. № 31. Ст. 3215).

⁵ Часть 3.1 ст. 30 Федерального закона от 28.12.2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» (см.: Там же. 2011. № 1. Ст. 15).

⁶ Статья 51.1 Федерального закона от 30.11.2011 г. № 342-ФЗ (ред. от 03.07.2016 г.) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (см.: Там же. № 49 (Ч. 1). Ст. 7020).

⁷ Статья 51.1 Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 03.07.2016 г.) «О воинской обязанности и военной службе» (см.: Там же. 1998. № 13. Ст. 1475).

⁸ См.: Открытые данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 01.06.2016).

⁹ Письмо Минтруда России от 13.11.2015 г. № 18-2/10/П-7073 «О критериях привлечения к ответственности за коррупционные правонарушения» (вместе с Методическими рекомендациями по привлечению к ответственности государственных (муниципальных) служащих за несоблюдение ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции) // СПС «КонсультантПлюс» (официально опубликовано не было).

УДК 343.843

Дифференциация и индивидуализация оснований установления постпенитенциарного контроля

Д.Н. СЕРГЕЕВ – преподаватель кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета

В статье дается критический анализ положений законодательства Российской Федерации о постпенитенциарном контроле в части реализации принципа дифференциации и индивидуализации, обосновывается нецелесообразность привязки оснований назначения административного надзора к категории «злостный нарушитель», предлагается введение данного надзора в отношении осужденных, отбывавших сверхдлительные сроки лишения свободы.

Ключевые слова: постпенитенциарный контроль; дифференциация; индивидуализация; административный надзор; сверхдлительные сроки лишения свободы.

Differentiation and individualization of grounds establishing a post-penitentiary monitoring

D.N. SERGEEV – Lecturer of the Department of Criminal Law of the Ural State Law University

The article provides a critical analysis of the provisions of the Russian legislation on post-penitentiary monitoring in the implementation of the principle of differentiation and individualization, substantiated is unreasonableness of the binding grounds purpose of administrative supervision to «malicious infringer» category, it proposes the introduction of surveillance in relation to convicts serving extremely long sentences.

Key words: post-penitentiary supervision; differentiation; individualization; administrative supervision; extremely long terms of imprisonment.

Принцип дифференциации и индивидуализации является одним из основополагающих в уголовном и уголовно-исполнительном праве. Дифференциация традиционно связывается с реализацией разного вида уголовно-правовых мер в зависимости от объективных обстоятельств, связанных с преступлением, а индивидуализация – с необходимостью персонализированного применения воздействия в зависимости от данных о личности виновного и его поведения¹.

Определение и законодательное закрепление перечня лиц, в отношении которых должен устанавливаться постпенитенциарный контроль, – сложный и дискуссионный вопрос. А.А. Жижиленко предлагал два варианта решения вопроса об отнесении отдельных лиц в категорию нуждающихся в контроле: 1) предоставить суду право с учетом всех обстоятельств определять необходимость установления такого контроля; 2) предусмотреть в законе деяния,

свидетельствующие об опасности лица, в частности такими обстоятельствами могут быть: предыдущие судимости, совершение определенного преступления, особенности психического состояния лиц, склонность к тунеядству и разврату².

Н.В. Щедрин пишет, что решение этого вопроса зависит от того, что считать основанием для применения мер безопасности: опасность самого лица или опасность его деяния³. Он же предлагает в качестве оснований принуждения рассматривать: 1) предусмотренность деяния в законе в качестве основания для применения мер; 2) презумпцию общественной опасности отдельных субъектов; 3) совокупность обстоятельств, определяющих вероятность или возможность совершения лицом новых преступлений; 4) совокупность данных, относящихся к характеристике личности, взглядов или стремлений⁴. Фактически законом об административном надзоре первые три ос-

нования, предложенные Н.В. Щедриным в 1999 г., реализованы. Так, в отношении лиц, совершивших половые преступления против несовершеннолетних, административный надзор устанавливается в любом случае. Закон предполагает опасность лиц, совершивших преступления с опасным и особо опасным рецидивом (второе основание), а в качестве совокупности обстоятельств, свидетельствующих об опасности лица, указывает совершение отдельных категорий административных правонарушений.

Отсутствие ясности в вопросе определения основания для установления постпенитенциарного контроля, по мнению Н.В. Щедрина, является фоном для злоупотреблений (принуждение в отношении лиц, не нуждающихся в таких мерах) и одновременно для неприменения контроля в случаях, когда он необходим⁵. Современное законодательство фрагментарно решает вопрос об основаниях такого контроля. Постпенитенциарный контроль существенно отличается при досрочном освобождении и освобождении по отбытии лицом наказания. Досрочное освобождение – поощрительный институт, в котором контроль выполняет следующие функции: 1) стимулирует правопослушное поведение; 2) помогает удержать от негативного «шлейфового» фактора; 3) создает возможность для продолжения исправительного воздействия. В отличие от досрочного освобождения, административный надзор устанавливается в случае негативных фактов в поведении осужденного, поэтому его основная функция – пресечь возможность совершения новых преступлений. В науке делаются предложения о расширении перечня оснований для назначения контроля при досрочном освобождении и пересмотре таковых при назначении административного надзора⁶.

Расширять число оснований для установления постпенитенциарного контроля за счет этих категорий досрочно освобожденных лиц целесообразно не во всех случаях. При освобождении от отбывания наказания в связи с психическим расстройством, лишаящим возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, применение любых мер рассматриваемого контроля исключено в связи с тем, что такое лицо не понимает сущности оказываемого на него воздействия. В случае если такое лицо представляет опасность для себя и общества, к нему могут быть применены меры, предусмотренные законода-

тельством об оказании психиатрической помощи гражданам, в том числе связанные с контролем, либо принудительные меры медицинского характера. Лица, заболевшие иными тяжелыми болезнями и в связи с этим освобожденные из мест лишения свободы, должны подлежать контролю, аналогичному при других отсрочках отбывания наказания. Такие осужденные не лишены возможности осознавать свои действия и руководить ими, соответственно, контроль за их поведением вписывается в систему наблюдения при отсрочках отбывания наказания.

Е.В. Наумов считает целесообразным ввести обязательный контроль во всех случаях досрочного освобождения из исправительных учреждений⁷. Например, в отношении помилованных лиц он предлагает наделять соответствующими контрольными функциями членов комиссий по вопросам помилования на территории субъектов Российской Федерации⁸. Аналогичной позиции придерживается Н.В. Елисеева⁹. Предложения по введению контроля в отношении этой категории лиц представляются необоснованными. Во-первых, данное основание досрочного освобождения от отбывания уголовного наказания традиционно относится к безусловным видам, не привязываемым к каким-либо обстоятельствам. Во-вторых, этот институт носит выраженный поощрительный характер. В-третьих, не существует данных, подтверждающих высокую степень рецидива среди освобожденных в результате применения акта о помиловании. Н.В. Елисеева приводит данные собственного исследования, согласно которым среди помилованных уровень рецидива составляет 9,4%¹⁰. Эта оценка основывается на выполненном в 2003 г. анализе поведения помилованных в 1996–1997 гг., к настоящему времени данная информация значительно устарела. Во многом это связано с изменением самой системы помилования и резким сокращением числа помилованных после введения более взвешенного и осторожного подхода к применению данного института. Так, в соответствии с аналитической запиской Управления Президента Российской Федерации по вопросам помилования от 01.10.2002 г., если в 1995 г. было помиловано 4988 чел., в 1999 г. – 7418, а в 2000 г. – 7386, то за период с 2004 по 2014 г. из исправительных учреждений в результате помилования было освобождено всего 207 чел. (при этом в 2007 и 2008 гг. освобожденных по такому основанию не было, а в 2014 г. – 2 чел.)¹¹. Предложе-

ние Е.В. Наумова о наделении комиссий по вопросам помилования дополнительными полномочиями в сфере контроля целесообразно трансформировать в установление обязательной «обратной связи» с помилованными путем отслеживания их судьбы после освобождения из мест лишения свободы.

Введение контроля за поведением амнистированных лиц не является столь однозначным решением. С одной стороны, например, И.В. Васильева отмечает, что уровень рецидива среди амнистированных составляет 4%¹², с другой – само применение акта об амнистии не исключает в силу отсутствия индивидуальной определенности перечня подлежащих освобождению лиц возможность негативного прогноза поведения амнистированных. Вместе с тем установление всеобщего контроля за поведением освобожденных по данному основанию при указанном уровне рецидива представляется излишним. Для уменьшения уровня возможного рецидива имеет смысл внести коррективы в правовое регулирование данного института, чтобы исключить возможность освобождения в связи с применением акта об амнистии лиц, поведение которых вызывает опасения или свидетельствует о стойкой противоправной установке.

В отличие от контроля, при досрочном освобождении административный надзор назначается не только в связи с фактом освобождения, но и при наличии обстоятельств, характеризующих личность, совершенное деяние и поведение в период отбывания наказания. Это обусловлено тем, что отбытого наказания для основной массы освобожденных из мест лишения свободы должно быть достаточно для достижения целей уголовной ответственности. Поэтому контроль за освобожденными в связи с отбытием срока лишения свободы назначается не в отношении всех освободившихся, а лишь тех, поведение которых таит возможность повторного противоправного поведения. В соответствии с действующим законом об административном надзоре (ст. 3) данная мера постпенитенциарного контроля назначается в отношении двух категорий освободившихся из мест лишения свободы:

1) совершеннолетних лиц, имеющих непогашенную либо неснятую судимость за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления; либо преступления при рецидиве преступлений; либо умышленного преступления в отношении несовершеннолетнего, в случае если: а) лицо в период от-

бывания наказания в местах лишения свободы признавалось злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания; б) лицо, отбывшее уголовное наказание в виде лишения свободы и имеющее непогашенную либо неснятую судимость, совершило в течение одного года два и более административных правонарушения против порядка управления и (или) административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность и (или) на здоровье населения и общественную нравственность;

2) совершеннолетних лиц, освобожденных или освобожденных из мест лишения свободы и имеющих непогашенную либо неснятую судимость за совершение преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего, а также за совершение преступления при опасном или особо опасном рецидиве преступлений.

Приведенные основания назначения данной меры постпенитенциарного контроля носят формальный характер, во многом воспроизводят текст Положения об административном надзоре 1966 г. и не учитывают уголовно-исполнительную составляющую статуса освобожденного из мест лишения свободы и другие обстоятельства. По действующему закону поведение осужденного в период отбывания наказания учитывается только в случае, если имел место факт признания лица злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания. А.Л. Ременсон еще в 1976 г. предлагал устанавливать административный надзор в отношении всех категорий осужденных, злостно уклоняющихся от исправления¹³. В отношении злостного нарушителя надзор назначается в случае, если таковой осужден за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, а также при рецидиве или за совершение умышленного преступления в отношении несовершеннолетнего.

Привязка назначения надзора исключительно к категории «злостный нарушитель», на наш взгляд, является ошибкой законодателя. В соответствии со ст. 116 УИК РФ, злостными нарушениями установленного порядка отбывания наказания признаются: употребление спиртных напитков либо наркотических средств или психотропных веществ; мелкое хулиганство; угроза, неповиновение представителям администрации исправительного учреждения или их оскорбление при отсутствии признаков преступления; изготовление, хранение или пере-

дача запрещенных предметов; уклонение от исполнения принудительных мер медицинского характера или обязательного лечения, назначенного судом или решением медицинской комиссии; организация забастовок или иных групповых неповиновений, а равно активное участие в них; мужеложство, лесбиянство; организация группировок осужденных, направленных на совершение указанных правонарушений, а равно активное участие в них; отказ от работы или прекращение работы без уважительных причин. Кроме того, злостным может быть признано совершение в течение одного года повторного нарушения установленного порядка отбывания наказания, если за каждое из этих нарушений осужденный был подвергнут взысканию в виде водворения в штрафной или дисциплинарный изолятор.

П.Р. Федореев, проводя специальное исследование оснований признания осужденных злостными нарушителями, пришел к выводу, что 56,3% из них употребляли алкоголь, 36% допустили необоснованные отказы от работы, 27,8% участвовали в азартных играх, 19,4% совершили мелкое хулиганство, 11,3% имели нарушения в сфере оборота запрещенных предметов, 6,1% употребляли наркотические средства¹⁴. Трудно согласиться с утверждением А.И. Марцева о том, что нарушение требований режима в период отбывания наказания говорит об устойчивой антисоциальной направленности личности, вследствие этого «личностные причины совершения преступлений и нарушений режима в период отбывания наказания следует признать однопорядковыми»¹⁵. Из приведенных выше типичных нарушений выраженную корреляцию с последующим неправомерным поведением имеет только совершение мелкого хулиганства, другие же в большинстве случаев не связаны с антиобщественной или криминальной направленностью личности осужденного, повышенным риском последующего противоправного поведения. Многие нарушения режима объясняются естественным стремлением осужденного преодолеть существующие в исправительных учреждениях условия изоляции. По данным С.Л. Бабаяна, 21,2% осужденных, отбывающих лишение свободы в исправительных колониях общего, строгого и особого режимов, назвали материально-бытовые условия в учреждениях представляющими наибольшую для них ценность¹⁶. Не связанные с антиобщественной направленностью личности нарушения можно назвать техническими,

поскольку они проявляются в несоблюдении режимных требований, имеющих значение исключительно в рамках системы отбывания уголовных наказаний.

Признание осужденного злостным нарушителем не свидетельствует однозначно о негативном прогнозе противоправного поведения после освобождения из исправительного учреждения. Среди злостных нарушителей может оказаться довольно большое число тех, кто не нуждается в установлении административного надзора. Напротив, среди не признанных злостными нарушителями осужденных, но характеризующихся при этом отрицательно, отдельные лица требуют постепенного контроля. Нельзя не отметить, что определенная связь между признанием осужденного злостным нарушителем и количеством судимостей все же имеется. Так, по данным VII специальной переписи осужденных, среди злостных нарушителей лишь 20,1% имеют одну судимость, в то время как 32,3% – две, 47,6% – три и более¹⁷. Вместе с тем В.В. Горюнов приводит интересные данные, согласно которым 28% будущих рецидивистов не имели во время отбывания наказания ни одного взыскания, и только 38% лиц, не допуская нарушений в течение отбытого срока лишения свободы, не совершали новых преступлений после освобождения из мест лишения свободы¹⁸.

Однако как быть в случае, если осужденный, отбывавший лишение свободы (особенно со сверхдлительным сроком), на начальном этапе отбывания наказания был признан злостным нарушителем, а затем в результате исправления неоднократно поощрялся, положительно характеризовался и, например, был переведен в исправительное учреждение менее строгого режима? Статус «злостный нарушитель» не прекращается по истечении определенного срока с момента нарушения порядка отбывания наказания и не может быть снят на основании решений администрации учреждения или судебным постановлением, поэтому закон об административном надзоре требует устанавливать надзор и в отношении этих осужденных. Напротив, если осужденный имеет отрицательную характеристику в местах лишения свободы (при переводе из колонии-поселения в исправительные колонии общего и строгого режимов, переводе на строгие условия отбывания наказания) и при этом не подпадает под формальные основания назначения надзора, то постепенный контроль не будет введен.

Таким образом, закон не учитывает факты, характеризующие осужденного как положительно, так и отрицательно. Использование категории «злостный нарушитель» в вопросе назначения административного надзора является вынужденной мерой, поскольку иного механизма определения опасного состояния освобождаемого лица нет. В идеале таким могло бы быть заключение психолого-социальной службы, однако на сегодняшний день отсутствуют одобренные методики составления таких документов.

Вопрос об обязательном административном надзоре в отношении лиц, совершивших половые преступления в отношении несовершеннолетних, является дискуссионным. Включение данного основания в закон стало отражением проникновения в российское право западной доктрины «сексуальных хищников» и идей в духе законов Меган. Административный надзор в этом случае назначается исключительно в связи с первичным преступлением, а не по причине объективного риска повторного совершения аналогичного деяния, поскольку данных, однозначно свидетельствующих о высокой рецидивоопасности половых преступлений против несовершеннолетних, не существует¹⁹. В то же время закон игнорирует традиционно характеризующиеся повышенным уровнем рецидива деяния (корыстно-насильственные преступления, деяния, связанные с оборотом наркотиков, и т.д.), не включив их в перечень оснований для назначения рассматриваемого надзора. Это объясняется стремлением «экономить репрессию», не расплывая средства бюджета и силы правоохранительных органов на слишком большое количество преступлений, а также лиц, их совершивших.

При определении оснований назначения административного надзора имеет большое практическое значение рассмотрение вопроса о введении данного надзора в отношении лиц, отбывавших сверхдлительные сроки лишения свободы. Нахождение долгое время в условиях изоляции дезадаптирует осужденного применительно к жизни в обществе за пределами исправительного учреждения, что является основанием для оказания ему помощи²⁰. При реализации

комплексной модели постпенитенциарного контроля такая помощь, как уже отмечалось, оказывается в рамках мероприятий по контролю, поскольку несвоевременно оказанная социальная поддержка является одной из причин рецидивной преступности. Закон об административном надзоре игнорирует факт отбытия длительных сроков лишения свободы в качестве основания для назначения постпенитенциарного контроля. В частности, отбывшие более 20 лет лишения свободы не подпадают под установление административного надзора. Например, решением Красногорского районного суда Свердловской области по делу № 2-2151/2013 от 27.12.2013 г. было отказано в установлении административного надзора в отношении Данильченко Н.М.²¹, освободившегося из мест лишения свободы в связи с полным отбытием срока назначенного судом наказания. Данильченко был осужден к смертной казни за квалифицированное убийство, смертная казнь осужденному в порядке помилования была заменена 20 годами лишения свободы. В период отбывания срока лишения свободы осужденный признавался злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания. Данильченко освобожден из исправительного учреждения до вступления в силу федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», соответственно надзор за ним в силу ч. 2 ст. 13 указанного закона может назначаться только в случае совершения данным лицом административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность и (или) на здоровье населения и общественную нравственность.

Таким образом, введение постпенитенциарного контроля в отношении осужденных, отбывавших длительные (от 10 до 15 лет) и сверхдлительные (свыше 15 лет) сроки лишения свободы, представляется обоснованным. Безусловно, злостный нарушитель, переводившийся в исправительное учреждение с более строгим режимом, и осужденный, отбывавший сверхдлительный срок, – совершенно разные категории осужденных.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: Уголовно-исполнительное право: Учеб. / Под ред. В.И. Селиверстова. М., 2002. С. 17.

² См.: Жижиленко А.А. Меры социальной защиты в отношении опасных преступников. СПб., 1911. С. 6–7.

³ См.: Щедрин Н.В. Введение в правовую теорию мер безопасности. Красноярск, 1999. С. 120–121.

¹ См., напр.: Уголовно-исполнительное право: Учеб. / Под ред. В.И. Селиверстова. М., 2002. С. 17.

² См.: Zhizhilenko A.A. Mery social'noj zashhity v otnoshenii opasnyh prestupnikov. SPb., 1911. S. 6–7.

³ См.: Shhedrin N.V. Vvedenie v pravovuju teoriju mer bezopasnosti. Krasnojarsk, 1999. S. 120–121.

- ⁴ См.: Там же. С. 124.
- ⁵ См.: Там же.
- ⁶ См.: Клипов С.А. Контроль за лицами, освобожденными из исправительных учреждений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. С. 17.
- ⁷ См.: Наумов Е.В. Контроль и надзор в системе предупреждения рецидива преступлений: Дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2014. С. 127–130.
- ⁸ См.: Там же. С. 129.
- ⁹ См.: Елисеева Н.В. Рецидив среди помилованных и деятельность органов внутренних дел по его предупреждению: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 27.
- ¹⁰ См.: Там же. С. 24.
- ¹¹ См.: Характеристика уголовно-исполнительной системы [Электронный ресурс]. URL: <http://fsin.su> (дата обращения: 15.03.2016).
- ¹² См.: Васильева И.А. Амнистия и ее реализация: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2003. С. 22.
- ¹³ См.: Ременсон А.Л. Пути дальнейшего сокращения применения лишения свободы // Доклады итоговой научной конференции юридического факультета Томского университета. Томск, 1976. С. 189.
- ¹⁴ См.: Федорев П.Р. Отрицательно характеризующиеся осужденные в местах лишения свободы. М., 2002. С. 89.
- ¹⁵ Марцев А.И. Специальное предупреждение преступлений. Омск, 1977. С. 65.
- ¹⁶ См.: Бабаян С.Л. Поощрительные институты уголовно-исполнительного права (теория и практика применения). Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 490.
- ¹⁷ См.: Характеристика осужденных к лишению свободы. По материалам специальной переписи осужденных 1999 г. / Под ред. А.С. Михлина. М., 2001. С. 41.
- ¹⁸ См.: Городнянская В.В. Структура рецидивной преступности (постпенитенциарный рецидив) // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 335. С. 107.
- ¹⁹ См.: Там же. С. 74.
- ²⁰ См.: Иногамов Ш.Х. Наказание отбыто. Как жить дальше? М., 1990. С. 10.
- ²¹ См.: URL: http://судебные_решения.рф/bsr/case/6486995 (дата обращения: 15.03.2016).
- ⁴ Sm.: Tam zhe. S. 124.
- ⁵ Sm.: Tam zhe.
- ⁶ Sm.: Klipov S.A. Kontrol' za licami, osvobodzhennymi iz ispravitel'nyh uchrezhdenij: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Krasnodar, 2012. S. 17.
- ⁷ Sm.: Naumov E.V. Kontrol' i nadzor v sisteme preduprezhdenija recidiva prestuplenij: Dis. ... kand. jurid. nauk. Rjazan', 2014. S. 127–130.
- ⁸ Sm.: Tam zhe. S. 129.
- ⁹ Sm.: Eliseeva N.V. Recidiv sredi pomilovannyh i dejatel'nost' organov vnutrennih del po ego preduprezhdeniju: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2003. S. 27.
- ¹⁰ Sm.: Tam zhe. S. 24.
- ¹¹ Sm.: Harakteristika ugovolno-ispolnitel'noj sistemy [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://fsin.su> (data obrashhenija: 15.03.2016).
- ¹² Sm.: Vasil'eva I.A. Amnistija i ee realizacija: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Omsk, 2003. S. 22.
- ¹³ Sm.: Remenson A.L. Puti dal'nejshego sokrashhenija primeneniya lisheniya svobody // Doklady itogovoj nauchnoj konferencii juridicheskogo fakul'teta Tomskogo universiteta. Tomsk, 1976. S. 189.
- ¹⁴ Sm.: Fedoreev P.R. Otricatel'no harakterizujushhiesja osuzhdennye v mestah lisheniya svobody. M., 2002. S. 89.
- ¹⁵ Marcev A.I. Special'noe preduprezhdenie prestuplenij. Omsk, 1977. S. 65.
- ¹⁶ Sm.: Babajan S.L. Pooshritel'nye instituty ugovolno-ispolnitel'nogo prava (teorija i praktika primeneniya). Dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2014. S. 490.
- ¹⁷ Sm.: Harakteristika osuzhdennyh k lisheniju svobody. Po materialam special'noj perepisi osuzhdennyh 1999 g. / Pod red. A.S. Mihlina. M., 2001. S. 41.
- ¹⁸ Sm.: Gorodnjanskaja V.V. Struktura recidivnoj prestupnosti (postpenitenciarnyj recidiv) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 335. S. 107.
- ¹⁹ Sm.: Tam zhe. S. 74.
- ²⁰ Sm.: Inogamov Sh.H. Nakazanie otbyto. Kak zhit' dal'she? M., 1990. S. 10.
- ²¹ Sm.: URL: <http://sudebnyeresheniya.rf/bsr/case/6486995> (data obrashhenija: 15.03.2016).

УДК 343.8

Критерии оценки поведения осужденных в уголовно-исполнительном законодательстве: вопросы систематизации

П.В. ГОЛОДОВ – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по научной работе, кандидат юридических наук, доцент;

А.М. РУДАКОВ – научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России

В статье анализируются нормы УИК РФ в аспекте критериев оценки поведения осужденных, вносятся предложения по унификации данных критериев, использованию формулировок при оценке поведения осужденных, изменению норм уголовно-исполнительного законодательства.

Ключевые слова: исправление осужденных; критерии оценки поведения; поведение осужденного.

Criteria for the behavior evaluation of the convicts in the penal law: issues of systematization

P.V. GOLODOV – Deputy Head of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia for Research, PhD. in Law, Associate Professor;

A.M. RUDAKOV – Researcher of the Research Laboratory of Organization and Scientific Department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article analyzes the Russian Penal Code norms in the aspect of evaluation criteria of convicts behavior, there are made proposals for the unification of these criteria, for use of statements in evaluation the convicts behavior, change the rules of criminal law enforcement.

Key words: correction of convicts; criteria for behavior evaluating; the behavior of convicts.

Критерии оценки поведения осужденных в период отбывания наказания закреплены в различных статьях УИК РФ, а также в ряде норм УК РФ. При этом отсутствуют систематизация данных критериев, а также единый подход к их формулированию. Например, при определении степени исправления учитывается «отношение осужденных к получению среднего профессионального образования и профессиональному обучению» (ч. 3 ст. 108 УИК РФ), «получение осужденными основного общего и среднего общего образования» (ч. 4 ст. 112 УИК РФ), «участие осужденных в проводимых воспитательных мероприятиях» (ч. 2 ст. 109 УИК РФ). Добросовестное отношение к труду как критерий степени исправления не рассматривается, вместе с тем учитывается при поощрении осужденного (ч. 1 ст. 113, ч. 1 ст. 134 УИК РФ), а также при переводе из одних условий отбывания наказания в другие (ч. 2 ст. 120, ч. 2 ст. 122, ч. 2 ст. 124, ч. 3, 4 ст. 132 УИК РФ).

Соблюдение требований режима, установленных УИК РФ, в качестве оценочного критерия сформулировано только в отношении осужденных военнослужащих (ч. 2 ст. 156). В отношении же иных категорий осужденных действуют другие формулировки, например «отсутствие взысканий за нарушения установленного порядка отбывания наказания» (ч. 2 ст. 120, ч. 2 ст. 122, ч. 2 ст. 124, ч. 2–4 ст. 132 УИК РФ) либо «хорошее поведение» (ч. 1 ст. 113, ст. 134, ч. 2 ст. 127 УИК РФ). Более детально анализируемый критерий раскрывается в частных показателях, предусмотренных ст. 60.15 (применительно к принудительным работам) и ст. 116 (применительно к лишению свободы) УИК РФ.

Представляется, что такой критерий оценки поведения, как соблюдение установленного порядка отбывания наказания (режима), позволяет более объективно оценить поведение осужденного, его стремление к исправлению, нежели отсутствие взысканий, поскольку их наличие «само по себе не может свидетельствовать о том, что осужденный нуждается в дальнейшем отбывании назначенного судом наказания. Разрешая этот вопрос, следует учитывать конкретные обстоятельства, тяжесть и характер каждого допущенного осужденным нарушения за весь период отбывания наказания, а не только за время, непосредственно предшествующее рассмотрению ходатайства или представления, данные о снятии или погашении взысканий, время, прошедшее с момента последнего взыскания, последующее поведение осужденного и другие характеризующие его сведения»¹. Вместе с тем взыскания, наложенные на осужденного за весь период отбывания наказания, подлежат оценке судом в совокупности с другими характеризующими его данными. При этом необходимо обращать внимание на характер допущенных нарушений и их влияние на процесс исправления осужденного, время наложения взысканий, их число, периодичность, снятие и погашение, время, прошедшее после последнего взыскания. Наличие или отсутствие у осужденного взыскания не может служить как препятствием к изменению вида исправительного учреждения, так и основанием для его изменения². Понятие «хорошее поведение», на наш взгляд, имеет субъективный аспект, который в том числе может быть сформирован обстоятельствами совершенного осужденным преступле-

ния, и наименее полно отражает объективность оценки поведения осужденного.

В качестве оценочного критерия используется также такая правовая характеристика осужденного, как «злостный нарушитель установленного порядка отбывания наказания» (ч. 4 ст. 78, ч. 1 ст. 115, ч. 3, 4 ст. 120 УИК РФ и др.). Данный критерий является производным от вышерассмотренного (соблюдение установленного порядка отбывания наказания (режима)), тем не менее он позволяет юридически квалифицировать уровень выраженности негативных аспектов поведения осужденного в период отбывания наказания.

В уголовно-исполнительном законодательстве присутствуют и другие формулировки критериев оценки поведения осужденных: «злостное уклонение (уклонение) от отбывания наказания» (ст. 29, 30, 32, 46, 58, 60.17 УИК РФ), «совершение умышленных преступлений в период отбывания наказания» (ст. 78, 96, 122, 124, 132 УИК РФ), «возмещение ущерба и (или) заглаживание вреда, причиненного в результате преступления» (ст. 78, 175 УИК РФ), «отношение к совершенному деянию» (ст. 78 УИК РФ) и ряд других.

Необходимо заметить, что ч. 2.2, 2.3 ст. 78, ч. 2, 3, 3.1 ст. 175 УИК РФ и ч. 4.1 ст. 79, ч. 4 ст. 80 УК РФ, рассматривающие организационные аспекты изменения вида исправительного учреждения и предоставления условно-досрочного освобождения, включают в себя социально-личностные характеристики осужденного, подлежащие оценке:

- «поведение осужденного»;
- «отношение осужденного к учебе и труду в течение всего периода отбывания наказания, в том числе наличие поощрений и взысканий»;
- «отношение осужденного к совершенному деянию и то, что осужденный частично или полностью возместил причиненный ущерб или иным образом загладил вред, причиненный в результате преступления»;
- «прохождение курса лечения и отношение к применению принудительных мер медицинского характера со стороны осужденного, страдающего расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключаящим вменяемости, и совершившего в возрасте старше восемнадцати лет преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста».

Вместе с тем отношение к иным мерам медицинского характера, применяемым к

осужденным для лечения алкоголизма, наркомании, токсикомании, ВИЧ-инфекции, открытой формы туберкулеза, венерических заболеваний, иных (помимо педофилии) форм психических расстройств, не исключаящих вменяемости, предусмотренным ч. 3 ст. 18 УИК РФ, не представлено.

Наряду с поведенческими характеристиками осужденного представляется важным учитывать и его личностные особенности, в том числе основываясь на заключении психолога исправительного учреждения либо независимого психолога относительно риска совершения новых преступлений. Личность осужденного в качестве оценочного критерия определена в ч. 2 ст. 59, ч. 2 ст. 60.16, ч. 6 ст. 97, ч. 1 ст. 117 УИК РФ.

Необходимо обратить внимание на то, что ст. 9 УИК РФ раскрывает цель назначения и исполнения наказания – исправление, перечисляет основные средства исправления, но не включает в себя критерии, по которым можно судить об исправлении. Таким образом, считаем целесообразным именно в рамках ст. 9 УИК РФ раскрыть критерии исправления осужденного, на основании которых учреждения уголовно-исполнительной системы (ч. 4, 5, 7, 7.1, 8–10 ст. 16 УИК РФ) решали бы вопрос о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, изменении вида исправительного учреждения, предоставлении условно-досрочного освобождения, а также права выезда за пределы исправительного учреждения. Нами предлагаются следующие изменения (выделены курсивом) в УИК РФ:

«Статья 9. Исправление осужденных и его основные средства.

1. Исправление осужденных – это формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения.

2. Основными средствами исправления осужденных являются: установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональное обучение и общественное воздействие.

2.1. *При определении степени исправления осужденного с учетом вида отбываемого наказания учитываются соблюдение им требований режима, отношение к труду, отношение к получению среднего профессионального образования и профессиональному обучению, а также получение*

осужденным основного общего и среднего общего образования, отношение осужденного к совершенному деянию, раскаяние в совершенном деянии, возмещение причиненного ущерба или иное устранение последствий вреда, причиненного в результате преступления, прохождение осужденным курса лечения от наркомании, алкоголизма, токсикомании, венерических заболеваний, психических расстройств, не исключающих вменяемости, а также его отношение к лечению.

3. Средства исправления осужденных применяются с учетом вида наказания, характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности осужденных и их поведения».

Положения ч. 2.1 ст. 9 УИК РФ целесообразно использовать как универсальный набор критериев оценки поведения осужденного в положениях ч. 2.2 и 2.3 ст. 78, ч. 6 ст. 97, ч. 3 ст. 108, ч. 2 ст. 109, ч. 4 ст. 112, ч. 1 ст. 113, ч. 1 ст. 134, ч. 2 ст. 120, ч. 2 ст. 122, ч. 2 ст. 124, ч. 2 ст. 127, ч. 3, 4 ст. 132, ч. 1 ст. 140, ч. 2, 3, 3.1 ст. 175, а также ч. 4.1 ст. 79 и ч. 4 ст. 80 УК РФ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.04.2009 г. № 8 (ред. от 17.11.2015 г.) «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 7.

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2014 г. № 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений» // Российская газета. 2014. № 124.

Например, положения ч. 2.2 ст. 78 УИК РФ изложить в следующей редакции:

«2.2. Осужденный, которому может быть изменен вид исправительного учреждения, а также его адвокат (законный представитель) вправе обратиться в суд с ходатайством об изменении вида исправительного учреждения. Ходатайство об изменении вида исправительного учреждения осужденный подает через администрацию учреждения или органа, исполняющего наказание, в котором он отбывает наказание в соответствии со статьей 81 настоящего Кодекса. Администрация такого учреждения или органа не позднее чем через 10 дней после подачи ходатайства осужденного об изменении вида исправительного учреждения направляет в суд указанное ходатайство вместе с характеристикой на осужденного. В характеристике должны содержаться данные о степени исправления осужденного в соответствии с пунктом 2.1 статьи 9 настоящего Кодекса. Одновременно с ходатайством такого осужденного в суд направляется заключение его лечащего врача».

¹ Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 21.04.2009 g. № 8 (red. ot 17.11.2015 g.) «O sudebnoj praktike uslovno-dosrochnogo osvobozhdenija ot otbyvanija nakazanija, zameny neotbytoj chasti nakazanija bolee mjagkim vidom nakazanija» // Bjulleten' Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii. 2009. № 7.

² Sm.: Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 29.05.2014 g. № 9 «O praktike naznachenija i izmenenija sudami vidov ispravitel'nyh uchrezhdenij» // Rossijskaja gazeta. 2014. № 124.

УДК 368.041:343.82

Добровольное страхование осужденных

М.М. ПОПОВИЧ – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

В статье анализируются проблемы применения института добровольного страхования жизни и здоровья к лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы, представлен авторский взгляд на проблему получения страховой выплаты при причинении вреда жизни и здоровью гражданина в местах лишения свободы.

Ключевые слова: добровольное страхование; жизнь; здоровье; несчастный случай; заболевание; осужденный; исправительное учреждение; страховая выплата.

Voluntary insurance of convicts

M.M. POPOVICH – Associate Professor of the Department of Civil and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor

The article analyzes the practice problems of the institution of voluntary life and health insurance to persons serving sentences in prisons, presents the author's view on the problem of obtaining insurance payments at causing harm to the life and health of citizens in prisons.

Key words: voluntary insurance; life; health; accident; disease; convicted; correctional facility; insurance payment.

Институт страхования играет важную роль в деле сохранения социальной стабильности. Благодаря ему у многих людей есть возможность обеспечить себе материальную базу на случай непредвиденного ущерба, который будет причинен их жизни, здоровью и имуществу. Однако следует констатировать, что в России данный институт представляет собой скорее необходимость, чем осознанный выбор.

Страхование осуществляется на основании договоров имущественного или личного страхования, заключаемых гражданином или юридическим лицом (страхователем) со страховой организацией (страховщиком) (п. 1 ст. 927 ГК РФ). Обязательному страхованию подлежат жизнь, здоровье, имущество, риск ответственности в случаях, предусмотренных законом (ст. 935 ГК РФ). Обязанность страховать свою жизнь или здоровье не может быть возложена на гражданина по закону. Добровольное страхование по договорам личного или имущественного страхования осуществляется по инициативе страхователя и обеспечивает гражданам возмещение убытков и компенсацию вреда. Несмотря на общий кризис в экономике, договор добровольного страхования остается востребованным, динамично развивающимся и самосовершенствующимся. В настоящее время появляются новые виды имущественного страхования, например страхование животных, частей тела, антиквариата, титульное страхование, страхование политических рисков и др.

Особую актуальность институт добровольного страхования жизни и здоровья приобретает для лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Они составляют особую категорию субъектов данного института, поскольку существует много проблем реализации добровольного страхования в отношении осужденных¹.

Несмотря на то, что УИК РФ гарантируется право осужденных на личную безопасность (ст. 13), имеют место случаи убийств в местах лишения свободы и нанесения телесных повреждений. В целом, по информации ФСИН России, общее количество зарегистрированных преступлений в местах заключения в 2014 г. сократилось на 11,7%, а уровень преступности – на 7,1%². Однако в 2015 г. наблюдалась тенденция к увеличению количества зарегистрированных преступлений на 9,9%. Так, по сравнению с 2014 г., в 2015 г. в исправительных колониях было совершено на 84 преступления больше³. Известны случаи неправомерного применения к осужденным физической силы и специальных средств со стороны администрации исправительного учреждения. Так, в 2012 г. за избиение осужденного к уголовной ответственности по ст. 286 УК РФ были привлечены пять сотрудников ИК-6 УФСИН по Ростовской области⁴. Всего в 2015 г. сотрудниками исправительных учреждений в соответствии с законодательством к нарушителям 1791 раз применялись спецсредства и газовое оружие⁵.

Существует проблема высокой заболеваемости осужденных. В 2015 г. было зарегистрировано 963 238 заболеваний, что составляет 1484,2 заболевания на тысячу человек, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы⁶. Необходимо отметить, что в исправительных учреждениях несколько лет подряд отмечается снижение количества больных активной формой туберкулеза. Общее число больных туберкулезом на 1 января 2016 г. составило 23,7 тыс. чел. (2014 г. – 26,2 тыс. чел., 2013 г. – 28,9 тыс. чел.). Вместе с тем остается напряженной ситуация с распространением ВИЧ-инфекции. Численность ВИЧ-инфицированных, по сравнению с 2013 г., выросла к началу 2016 г. на 10,1% (2016 г. –

62 554, 2013 г. – 56 509). Распространенность психических и наркологических заболеваний в учреждениях уголовно-исполнительной системы значительно превышает соответствующий показатель по России. На 1 января 2016 г. более 123,2 тыс. чел. (23,5% всех лиц, находящихся в пенитенциарных учреждениях) имели психическую патологию, из них 53,1 тыс. чел. с психическими расстройствами, 49,4 тыс. больных наркоманией, 20,7 тыс. больных алкоголизмом.

Проблема травматизма на производстве и профессиональных заболеваний также остается актуальной в местах лишения свободы. Можно отметить положительную тенденцию по общему снижению количества несчастных случаев. Так, в 2015 г. в целом по ФСИН России численность пострадавших от несчастных случаев составила 406 чел., что на 17% меньше, чем в 2014 г. (489). Частота травматизма снизилась с 1,7371 (2014 г.) до 1,5629 (2015 г.), уменьшился коэффициент тяжести. Однако численность погибших от несчастных случаев увеличилась и составила 14 чел. (2014 г. – 10)⁷.

Очень важно, что предусмотренное законодательством Российской Федерации обязательное медицинское и социальное страхование не исключает в отношении осужденных и добровольное медицинское страхование. Если прежде в УИК РФ предусматривалось, что в отношении осужденных, отбывающих лишение свободы в исправительных учреждениях, действие добровольного медицинского страхования приостанавливается до окончания срока пребывания в исправительных учреждениях (ч. 6 ст. 98), то в 2003 г. это положение утратило силу⁸. В то же время, согласно п. 6 ст. 26 Федерального закона Российской Федерации от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 26.04.2016 г.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»⁹, в отношении лиц, отбывающих наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы, договор о добровольном медицинском страховании расторгается. Добровольное страхование осужденных от несчастных случаев и заболеваний, согласно данному закону, также не предусмотрено.

На наш взгляд, добровольное страхование является весьма необходимым институтом в области защиты прав лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, который, к сожалению, не нашел своего правового регулирования. Однако правоприменительная практика устраняет данный пробел законодательства, предлагая свои

услуги по заключению договоров страхования жизни и здоровья, в том числе в отношении лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Можно констатировать, что в последнее время практика добровольного страхования осужденных стала весьма популярной. Так, страховая компания «Держава» г. Москвы (имеются представительства в Санкт-Петербурге, Саратове, Новосибирске, Иркутске, Туле, Тюмени, Пензе, Ростове-на-Дону, Волгоградской, Владимирской и Оренбургской областях) предоставляет осужденным возможность застраховать свою жизнь и здоровье. На сайте данной компании указаны следующие страховые риски:

1) травматическое повреждение застрахованного лица в результате несчастного случая, в том числе противоправных действий третьих лиц;

2) постоянная утрата трудоспособности в результате несчастного случая с установлением инвалидности I, II и III групп, в том числе противоправных действий третьих лиц;

3) смерть в результате несчастного случая, в том числе противоправных действий третьих лиц (включая работников учреждений и органов, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы);

4) впервые диагностированное заболевание туберкулезом;

5) смерть в результате впервые диагностированного заболевания туберкулезом.

По аналогичным рискам предоставляют возможность страховать осужденных компании г. Москвы «Инвестстрах», «Европа». Компания «БАЛТ-страхование» (Москва), «Строительная страховая группа» также предлагают осужденным застраховать свою жизнь и здоровье от противоправных действий работников уголовно-исполнительной системы и заболевания туберкулезом.

Однако, несмотря на, казалось бы, большую практическую значимость данного института, далеко не все страховые компании предоставляют услуги по страхованию лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Так, согласно п. 1.5.13 общих правил страхования жизни, здоровья и трудоспособности страховой компании «РГС-Жизнь», договор страхования не заключается в отношении имущественных интересов лиц, находящихся под следствием или осужденных к лишению свободы. Страховые компании г. Вологды («Страхование жизни», ЖАСО, ВТБ страхование, «Макс») также не производят страхование осужденных.

Ограниченный интерес компаний к данной категории субъектов страхования объясняется, на наш взгляд, прежде всего спецификой исправительного учреждения. Данные учреждения посещать может строго определенный круг субъектов в прямо предусмотренных законом случаях, поэтому у страховых организаций может возникнуть объективная невозможность установления факта наступления страхового случая. Работающие в данной сфере страховые компании, в частности страховая компания «Держава», во избежание данных трудностей сотрудничают с правозащитными организациями, которые, с одной стороны, взаимодействуют с персоналом учреждений и органов, исполняющих наказания, с другой – довольно остро реагируют на встречающиеся в практике нарушения прав осужденных. В числе таких организаций стоит назвать фонд «Социальное партнерство», комитет «За гражданские права», Центр реформы уголовного правосудия и др. Кроме того, в Минюсте России создан общественный совет, в задачи которого входит общественный контроль за соблюдением прав человека при исполнении наказаний.

Один из создателей проекта Gulagu.net Владимир Осечкин считает, что страхование заключенных необходимо развивать¹⁰. При этом основную роль в этом деле должно играть государство, а не частные страховые компании. По его мнению, страхование окажет экономическое давление на руководство МВД и ФСИН России, а правоза-

щитники получают единую информационную базу по правонарушениям в местах лишения свободы и систему их профилактики.

Таким образом, несмотря на то что в последнее время в Российской Федерации страховые компании все чаще предлагают добровольное страхование граждан, отбывающих наказание в местах лишения свободы, перспектива дальнейшего широкого использования данного института представляется маловероятной. Существуют как специальные ограничивающие нормы законодательства, так и сложности правоприменительной практики.

Поэтому сегодня добровольное страхование осужденных – дискуссионный вопрос. Основная сложность широкого применения данного договора на практике – это подтверждение факта наступления страхового случая, выразившегося в причинении вреда жизни или здоровья застрахованному лицу в результате увечья либо заболевания. Только при получении государственной поддержки в виде обеспечения доступа сотрудников страховой компании к проведению расследования по выяснению всех обстоятельств причинения вреда застрахованному (что маловероятно в силу специфичности исправительных учреждений) можно говорить об эффективности заключения договоров страхования жизни и здоровья осужденных. В противном случае выплата страхового возмещения не будет гарантирована при наступлении страхового случая.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Голодов П.В. Средства исправления осужденных: проблемы классификации и правовой регламентации // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 2 (34). С. 30–34.

² См.: Доклад о результатах и основных направлениях деятельности на 2015–2017 годы Федеральной службы исполнения наказаний [Электронный ресурс]. URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/Doklad/> (дата обращения: 05.07.2016).

³ См.: Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России (январь–декабрь 2015 года): Информ.-аналит. сб. Тверь, 2015. С. 19.

⁴ См.: Тюремный портал России [Электронный ресурс]. URL: <http://prisonlife.ru/> (дата обращения: 01.03.2016).

⁵ См.: Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России (январь–декабрь 2015 года). С. 32.

⁶ См.: Там же. С. 374–377.

⁷ См.: Там же. С. 104.

⁸ См.: Федеральный закон от 08.12.2003 г. № 161-ФЗ «О приведении Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и других законодательных актов Российской Федерации в соответствие с федеральным законом “О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4847.

⁹ См.: Там же. 2011. № 48. Ст. 6724.

¹⁰ См.: Осечкин В. Как научить ФСИН гуманизму // Ведомости. 2011. 11 окт.

¹ См.: Golodov P.V. Sredstva ispravlenija osuzhdennyh: problemy klassifikacii i pravovoj reglamentacii // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2016. № 2 (34). С. 30–34.

² См.: Doklad o rezul'tatah i osnovnyh napravlenijah dejatel'nosti na 2015–2017 gody Federal'noj sluzhby ispolnenija nakazanij [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/Doklad/> (data obrashhenija: 05.07.2016).

³ См.: Osnovnye pokazateli dejatel'nosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy FSIN Rossii (janvar'–dekabr' 2015 goda): Inform.-analit. sb. Tver', 2015. С. 19.

⁴ См.: Tjurennyj portal Rossii [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://prisonlife.ru/> (data obrashhenija: 01.03.2016).

⁵ См.: Osnovnye pokazateli dejatel'nosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy FSIN Rossii (janvar'–dekabr' 2015 goda). С. 32.

⁶ См.: Там же. С. 374–377.

⁷ См.: Там же. С. 104.

⁸ См.: Federal'nyj zakon ot 08.12.2003 g. № 161-FZ «O privedenii Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii i drugih zakonodatel'nyh aktov Rossijskoj Federacii v sootvetstvie s federal'nym zakonom “O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii”» // SZ RF. 2003. № 50. Ст. 4847.

⁹ См.: Там же. 2011. № 48. Ст. 6724.

¹⁰ См.: Osechkin V. Kak nauchit' FSIN gumanizmu // Vedomosti. 2011. 11 okt.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 378.1:343.83

Модель деятельности специалиста на примере должности начальника отряда исправительного учреждения

А.В. СПЕРАНСКАЯ – старший преподаватель кафедры общей психологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук

В статье анализируется актуальность создания моделей специалистов по различным направлениям деятельности сотрудников ФСИН России, представлены результаты по созданию модели деятельности специалиста на примере должности начальника отряда исправительного учреждения, полученной путем экспертного опроса с помощью методики И.Л. Соломина.

Ключевые слова: профессиональный отбор; модель специалиста; профессиограмма; психограмма.

Model of professional activity on the example of the unit chief in the correctional institution

A.V. SPERANSKAYA – Senior Lecturer of the Department of General Psychology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology

The article discusses the relevance of the specialists models in various fields of employees activity of the Federal Penal Service of Russia, there is presented the model of employees activity on the example of unit chief of the correctional institution, created by the pilot survey using I.L. Solomin method.

Key words: professional selection; specialist model; profессиограм; psychogram.

Для Федеральной службы исполнения наказаний актуальна проблема подбора кандидатов на службу, которые бы в наибольшей степени соответствовали требованиям, предъявляемым к сотруднику уголовно-исполнительной системы. Психологи-эксперты военно-врачебной комиссии на начальном этапе изучения личностных особенностей рекомендуют или не рекомендуют человека на конкретную должность. При положительном прогнозе к работе подключаются сотрудники психологических лабораторий, которые сопровождают процесс адаптации к условиям службы. Однако не всегда прогноз, данный психологами, сбы-

вается. На наш взгляд, уязвимым местом выступает единообразный подход при применении психодиагностических методик к любым кандидатам на службу без учета той должности, на которую человек претендует. Даже по объекту труда в системе ФСИН России должности можно распределить по профессиям всех типов, согласно классификации Е.А. Климова:

– тип «Человек-Человек» (психологи, начальники отряда, сотрудники оперативного отдела);

– тип «Человек-Техника» (операторы видеонаблюдения, инженеры технических средств охраны, сотрудники отделов охраны

и коммунально-бытового, интендантского и хозяйственного обслуживания, учебно-производственные мастерские);

– тип «Человек-Природа» (кинологи);

– тип «Человек-Знак» (отел кадров, бухгалтерия, спецучет);

– тип «Человек-Художественный образ» (работники клуба, руководители кружков (в воспитательных колониях)).

Перед психологами стоит двойная задача – сначала в целом определить возможность трудоустройства человека на службу, то есть его профессиональную пригодность, а затем дифференцированно осуществлять профессиональный отбор на конкретную должность из числа тех претендентов, которые успешно преодолели первый этап. В связи с этим актуальным становится использование готовых моделей специалистов для каждой должности в системе ФСИН России.

Принято различать два основных вида модели специалиста:

– модель специалиста (относится к работающему, функционирующему субъекту труда);

– модель подготовки специалиста (относится к людям, получающим профессиональное образование, то есть на ее основе организуется профессиональное обучение, которое в свою очередь опирается на модель специалиста).

При построении модели специалиста возможны различные варианты:

– модель деятельности специалиста (описание видов, сферы и структуры профессиональной деятельности, ситуации профессиональной деятельности и способы их решения, в том числе типовые, профессиональные задачи и функции, затруднения, типичные учреждения и рабочие места);

– модель личности специалиста (перечень необходимых качеств и свойств работника, описание совокупности его качеств, обеспечивающих успешное выполнение задач, возникающих в производственной сфере, а также самообучение и саморазвитие работника)¹.

На примере должности начальника отряда исправительного учреждения нами была составлена модель личности данного специалиста. А.К. Маркова указывает, что модель специалиста отличается для молодого, начинающего и опытного, успешного специалистов, так как с развитием профессионализации будет меняться соотношение качеств.

На сегодня нет единого мнения, на какую модель лучше ориентироваться при постро-

ении профессиограмм. Как показывают исследования, наиболее распространенными проблемами у сотрудников исправительных учреждений выступают эмоциональное выгорание², профессиональные кризисы³, проблемы формирования морально-психологической устойчивости⁴. На наш взгляд, острота протекания подобных явлений может быть обусловлена неточной (ошибочной) расстановкой кадров по должностям, поэтому очень важно тщательно изучать личностные особенности будущего сотрудника ФСИН России и подыскивать ему наиболее подходящую должность.

В исследовании был сделан акцент на создании модели деятельности опытного специалиста.

В целом модель специалиста может включать следующие компоненты:

– профессиограмму как описание психологических норм и требований к деятельности и личности специалиста;

– профессионально-должностные требования – описание конкретного содержания деятельности специалиста, определяющего, что и как он должен делать при решении профессиональных задач в условиях конкретной должности, перечисление минимума профессиональных умений, которыми должен владеть специалист для обеспечения необходимого уровня профессиональной деятельности;

– квалификационный профиль – сочетание необходимых видов профессиональной деятельности и степени их квалификации, квалификационные разряды для оплаты.

Остановимся более подробно на профессиограмме, так как ее составление требует участия психолога, а остальные компоненты устанавливаются за пределами психологической науки.

Профессиограмма – это научно обоснованные нормы и требования к видам профессиональной деятельности и качествам личности специалиста, которые позволяют ему эффективно выполнять требования профессии, получать необходимый для общества продукт и вместе с тем создают условия для развития личности самого работника. Профессиограмма – это обобщенная эталонная модель успешного специалиста в определенной области. Из нее человек получает сведения об объективном содержании труда, необходимых психологических качествах. Вместе с тем это не жесткая стандартная схема, а гибкая ориентировочная основа развития специалиста. Она должна не сковывать индивидуальное творческое

развитие, а лишь давать ориентиры объективных требований профессии к человеку.

Для профессиографирования нами использовалась новая схема описания профессий, предложенная И.Л. Соломиным.

В качестве экспертов выступили 8 сотрудников – начальников отрядов и 25 психологов психологической лаборатории исправительного учреждения. Все сотрудники, принимавшие участие в исследовании, имеют высшее образование и значительный опыт практической деятельности.

Экспертам предлагалось заполнить анкету в процессе группового обсуждения, после был произведен анализ полученных данных.

В качестве предмета труда начальника отряда все эксперты отметили, что его профессиональная деятельность направлена на работу с отдельными людьми, группами людей (с сотрудниками, осужденными). Большинство экспертов (75%) считает, что начальник отряда работает с текстами (изучает личные дела осужденных, ведет различную документацию, знакомится с требованиями нормативных актов и т.п.).

При определении цели работы мнения экспертов разделились: эксперты-психологи выделили обучение и воспитание (80%), защиту прав (48%) и информационное обеспечение и обслуживание (44%); эксперты – начальники отрядов – обучение и воспитание (100%), управление (75%) и бытовое обслуживание (62,5%). Сопоставление полученных данных свидетельствует о том, что все эксперты сходятся во мнении: начальник отряда должен организовывать обучение осужденных (школьное или профессиональное) и осуществлять их воспитание (ресоциализацию). Эксперты-психологи считают, что помимо центральной цели – обучения и воспитания – начальники отрядов также должны защищать права и интересы осужденных и постоянно доводить до их сведения какую-либо информацию в целях просвещения, профилактики и т.д. Непосредственные исполнители в этой должности (эксперты – начальники отрядов) считают, что они должны управлять отрядом осужденных, ориентировать их на выполнение требований, принятых в исправительном учреждении, а также заниматься организацией быта в отряде, который соответствовал бы имеющимся требованиям по условиям размещения осужденных в исправительном учреждении.

При определении средств труда все эксперты высказали схожую точку зрения о том, что в их качестве выступают собствен-

ные возможности человека (вербальные и невербальные средства общения, психические процессы, органы чувств – зрение и слух), а в качестве вспомогательного автоматизированного средства труда была определена компьютерная статистическая программа АКУС.

Трудовые операции:

1. Умственные (выстроены в порядке уменьшения значимости):

– оформление документов (100% экспертов – начальников отрядов и 80% экспертов-психологов);

– планирование (74%). Начальник отряда должен спланировать свою деятельность на день, неделю, месяц, квартал, полгода и год, чтобы успешно справляться с должностными обязанностями;

– анализ проблем (62,5% экспертов – начальников отрядов и 68% экспертов-психологов). Начальник отряда должен своевременно определять проблемы в работе, чтобы вовремя их решать;

– наблюдение и слежение (62,5% экспертов – начальников отрядов и 56% экспертов-психологов). Начальник отряда должен наблюдать за каждым осужденным отряда и отслеживать в его поведении практически все нюансы (выполнение распорядка дня, поведение в кубрике, столовой, на производстве или в школе, училище и т.д.);

– регулирование (62,5% экспертов – начальников отрядов и 44% экспертов-психологов). Начальник отряда должен регулировать как свою деятельность, так и деятельность отдельных осужденных и целого отряда.

2. Социальные (выстроены в порядке уменьшения значимости):

– воспитание (100% экспертов – начальников отрядов и 88% экспертов-психологов). Согласно должностной инструкции в обязанности начальника отряда входит проведение индивидуально-воспитательной работы с осужденными;

– поощрение и наказание (88% экспертов). Согласно должностной инструкции в обязанности начальника отряда входит подготовка материалов для представления осужденных к условно-досрочному освобождению, помилованию, переводу из одних условий наказания в другие (более мягкие или более строгие);

– мотивирование (100% экспертов – начальников отрядов и 72% экспертов-психологов). Начальник отряда должен постоянно работать с каждым осужденным из своего отряда, нацеливая его на выполнение общественно полезного труда, соблюдение рас-

порядка дня и требований, предъявляемых администрацией исправительного учреждения, поощрять и развивать общественно полезную инициативу осужденных, направлять их работу на поддержание порядка в помещениях отряда и т.п.;

- руководство, управление людьми (62,5% экспертов – начальников отрядов и 72% экспертов-психологов). Согласно должностной инструкции начальник отряда должен знать положение дел в отряде, принимать осужденных по личным вопросам, проводить общие собрания отряда, руководить работой совета воспитателей;

- сообщение и информирование (62,5% экспертов – начальников отрядов и 68% экспертов-психологов). Начальник отряда должен постоянно информировать осужденных об их правах и обязанностях, условиях труда и отдыха, мерах поощрения или наказания, вносить предложения о мерах поощрения или наказания осужденных, информировать администрацию о склонении со стороны осужденных к коррупционным действиям и т.п.;

- выполнение распоряжений (50% экспертов – начальников отрядов и 68% экспертов-психологов). Начальник отряда обязан выполнять все распоряжения и поручения начальства, следовать нормативно-правовым основам деятельности, выполнять должностную инструкцию;

- консультирование (75% экспертов – начальников отрядов и 60% экспертов-психологов). Согласно должностной инструкции в обязанности начальника отряда входит оказание помощи в восстановлении утраченных осужденными социально полезных связей;

- поддержка, забота (75% экспертов – начальников отрядов и 52% экспертов-психологов). Начальник отряда должен заботиться о трудовом и бытовом устройстве каждого осужденного в отряде.

Среди обязанностей, выполняемых начальником отряда, эксперты отметили следующие:

- работа с документацией (заполнение различных текущих, отчетных и планирующих документов, подготовка пакета документов для условно-досрочного освобождения, перевода в облегченные или строгие условия содержания);

- коммуникация (работа с осужденными в виде бесед, лекций, собраний, предупреждение и разрешение конфликтов, разъяснение осужденным их прав и обязанностей, последствий, которые могут быть при несоблюдении различных требований);

- контроль (проверка осужденных, обыск).

На вопрос «Какими бывают условия работы?» были получены следующие ответы:

- а) обычные условия: работа в помещении (87,5% экспертов – начальников отрядов и 52% экспертов-психологов), в дневное время (75% и 40% соответственно);

- б) усложненные условия:

- на открытом воздухе (50% экспертов – начальников отрядов и 52% экспертов-психологов);

- работа по сменам – 2–3-сменный режим или сутки через 2–3 суток (37,5% и 28%);

- ненормированное рабочее время (25% и 60%);

- в вынужденном темпе (75% и 16%);

- продолжительные и вынужденные контакты (50% и 20%).

Облегченные условия труда экспертами не отмечены.

Таким образом, условия труда начальника отряда экспертами признаются как усложненные.

Среди критериев и показателей успешности работы начальника отряда эксперты отметили качество, надежность и безошибочность (75% экспертов – начальников отрядов и 56% экспертов-психологов), оперативность и своевременность (62,5% и 48% соответственно), то есть начальник отряда должен быстро, своевременно и без ошибок выполнять свои обязанности.

При ответе на вопрос «Как часто встречаются ошибки в работе?» мнения экспертов разошлись. Так, 84% экспертов-психологов считают, что ошибки в работе встречаются довольно редко, но не являются исключительными случаями, в то же время 62,5% экспертов – начальников отрядов отмечают, что ошибки в их работе бывают достаточно часто и представляют собой относительно заурядные события.

При конкретном описании были выделены следующие типичные ошибки начальника отряда:

- ошибки, опечатки при заполнении документации, несвоевременная подготовка или заполнение документов, отсутствие необходимых справок в личных делах осужденных;

- невнимательное отношение, несвоевременное реагирование или игнорирование проблем, связанных с неблагоприятным физическим и психическим состоянием осужденных;

- нарушения нормативно-правовых актов, регламентирующих деятельность начальника отряда;

- перенос своих проблем на осужденных, предвзятое отношение к осужденным, конфликтность.

Среди причин, влекущих за собой ошибки в работе начальника отряда, экспертами были отмечены следующие:

- недостаток внимания (26%);
- недостатки условий труда (62,5% экспертов – начальников отрядов и 40% экспертов-психологов);
- несвоевременное реагирование (37,5% и 48%);
- недостаточный опыт работы (62,5% и 56%);
- утомление (50% и 64%).

Среди последствий ошибок в работе начальника отряда были отмечены эмоциональная неудовлетворенность потребителей и клиентов (75% экспертов – начальников отрядов и 44% экспертов-психологов) и нарушение эмоционального благополучия людей (50%). В работе начальника отряда это проявляется как недовольство его действиями со стороны осужденных, коллег и администрации исправительного учреждения.

Практически все эксперты (91%) сошлись во мнении, что уровень образования у начальника отряда должен быть высшим. Начальник отряда, имея высшее профессиональное образование, может и должен повышать свою профессиональную компетентность посредством различных курсов подготовки, переподготовки и повышения квалификации (74% экспертов), обучения на рабочем месте (37,5% экспертов – начальников отрядов и 24% экспертов-психологов), краткосрочных учебных программ и тренингов (12,5% и 28% соответственно).

Были определены следующие знания и навыки, необходимые для данной категории сотрудников (представлены в порядке уменьшения значимости):

- юридические – знание нормативной базы и следование ей при осуществлении трудовой деятельности (84% экспертов-

психологов и 25% экспертов – начальников отрядов);

- психологические – общение с осужденными, осуществление индивидуально-го подхода к спецконтингенту, разрешение конфликтов, владение приемами саморегуляции психических состояний (80% и 87,5%);
- педагогические – обучение и просвещение осужденных (80% и 62,5%);
- компьютерные – владение персональным компьютером на пользовательском уровне, умение работать с АКУС, многофункциональными средствами (76% и 87,5%);
- языковые – владение культурой речи (32% и 25%).

Эксперты установили период адаптации после обучения для начальника отряда. По их мнению, он может занять несколько месяцев до полного вхождения в должность (56% экспертов-психологов и 50% экспертов – начальников отрядов).

Осуществляя анализ полученных данных профессиограммы на основе экспертных оценок, в которой были отражены наиболее значимые профессиональные качества сотрудников отдела по воспитательной работе с осужденными, мы составили психограмму начальника отряда, куда вошел следующий перечень профессионально важных качеств:

- коммуникативные способности;
- организаторские способности;
- профессиональное мышление;
- мнемические и атенционные процессы.

Таким образом, была получена модель деятельности начальника отряда исправительного учреждения. Однако следует еще раз подчеркнуть, что стандарт специалиста – это не жесткая схема квалификационной характеристики или профессиограммы, а живая модель личности, которая может быть использована как эталон в профессиональном обучении, при диагностике, профотборе, аттестации, расстановке персонала и т.п.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Маркова А.К. Психология профессионализма [Электронный ресурс]. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/4225004/page:2/> (дата обращения: 01.06.2016).

² См.: Штефан Е.Ф. Особенности эмоционального выгорания у сотрудников исправительных учреждений, включенных в служебное общение с осужденными // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 1 (33). С. 74.

³ См.: Федорова Е.М. Профессиональные кризисы как фактор развития профессионального отчуждения начальников отряда исправительных учреждений // Там же. 2015. № 2 (30). С. 72.

⁴ См.: Зауторова Э.В., Викторова Т.В. К вопросу о формировании морально-психологической устойчивости сотрудников отдела охраны исправительного учреждения к несению службы с огнестрельным оружием // Там же. 2016. № 2 (34). С. 78.

¹ См.: Markova A.K. Psihologija professionalizma [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/4225004/page:2/> (data obrashhenija: 01.06.2016).

² См.: Shtefan E.F. Osobennosti jemocional'nogo vygoranija u sotrudnikov ispravitel'nyh uchrezhdenij, vkljuchennyh v sluzhebnoe obshhenie s osuzhdennymi // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2016. № 1 (33). S. 74.

³ См.: Fedorova E.M. Professional'nye krizisy kak faktor razvitija professional'nogo otchuzhdenija nachal'nikov otrjada ispravitel'nyh uchrezhdenij // Tam zhe. 2015. № 2 (30). S. 72.

⁴ См.: Zautorova Je.V., Viktorova T.V. K voprosu o formirovanii moral'no-psihologicheskoi ustojchivosti sotrudnikov otdela ohrany ispravitel'nogo uchrezhdenija k neseniju sluzhby s ognestrel'nym oruzhiem // Tam zhe. 2016. № 2 (34). S. 78.

Теоретико-методологические проблемы изучения психологии группового правосознания осужденных

Е.Л. СУЧКОВА – доцент кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент

В статье рассматриваются теоретико-методологические проблемы изучения психологии группового правосознания осужденных, делается акцент на том, что теоретико-концептуальная проработанность интеграции традиционных для юридической психологии подходов к изучению правосознания с современными социально-психологическими теориями позволяет изучать содержание психологии правосознания осужденных с учетом специфики менталитета россиян и делает доступным для анализа групповой уровень интерпретаций.

Ключевые слова: правосознание; психология правосознания; социальные представления; коллективный субъект.

Theoretical and methodological problems of psychology study convicted group sense of justice

E.L. SUCHKOVA – Associate Professor of the Department of Organization of Psychological Service in Penal System of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology, Associate Professor

The article discusses the theoretical and methodological problems of studying the psychology of the convicted group sense of justice, the article focuses on the fact that the theoretical and conceptual scrutiny of integration traditional legal psychology approaches to the study sense of justice with the modern social and psychological theories allows us to study the contents of the psychology of convicted sense of justice based on the specifics of Russian mentality and it makes available for the analysis the group level of interpretations.

Key words: sense of justice; psychology of justice; social notions; collective subject.

Глобальные социальные изменения, происходившие в России в последние десятилетия, ярко высветили проблему широкого распространения правового нигилизма среди всех слоев населения. Недостаточный уровень правовой культуры и правосознания, правовой нигилизм граждан России являются серьезной проблемой обеспечения реализации принципов верховенства права, девальвируют подлинные духовно-нравственные ценности, служат почвой для многих негативных социальных явлений¹.

Широкое распространение правового нигилизма в нашей стране имеет давние исторические корни. Еще в дореволюционной России население страны испытывало недоверие к позитивному праву, которое воспринималось как что-то чуждое, навязанное

извне и противоречащее моральной составляющей взаимоотношений людей. Негативное отношение к праву как инструменту насилия поддерживалось и многими видными общественными деятелями того времени, а вердикты присяжных вынесенными решениями ставили в тупик профессиональных юристов.

И в советский период право продолжало восприниматься людьми как атрибут государственной власти, главной целью которого являлось соблюдение интересов самого государства. Репрессии 30–40-х гг. прошлого века способствовали тому, что в сознании людей право и правовые институты государства стали восприниматься прежде всего как средства карательного воздействия на граждан. Тоталитарный ре-

жим и в дальнейшем, несмотря на огромную пропагандистскую работу, не смог в полной мере убедить население в социальной ценности советского права.

Отрицательное отношение к правовому регулированию усиливали многочисленные примеры отсутствия равенства людей перед законом, вольное трактование правовых норм в зависимости от установок лиц, осуществляющих правосудие. Пословицы и поговорки («закон что дышло: куда повернешь, туда и вышло», «в суд ногой – в карман рукой»), сохраняющиеся на протяжении столетий в коллективной памяти россиян, являются ярким подтверждением такого отношения.

В исследованиях, проведенных в 90-е гг. прошлого века, были получены данные о том, что у российских граждан наблюдается значительная противоречивость правовых представлений и преобладают моральные представления над правовыми. «Достижение справедливости не связано с процессом правосудия, а регулируется личностными механизмами ответственности и совести»². Для отечественного правового сознания характерным является разграничение понятий «законность» и «нравственность», вследствие чего законы не воспринимаются как рациональные и справедливые, а также ориентация на моральные нормы как компенсаторный механизм законопослушности, когда в качестве правовых норм выступают нормы морали³. Таким образом, правосознание россиян представляет собой сложное переплетение правовых и моральных представлений, а также представлений о справедливости в правовом контексте.

Необходимость решения задачи по построению в России правового государства и повышению уровня правосознания населения актуализирует научные исследования в данной области. Психология правосознания отнесена к наиболее востребованным и значительным, ведущим направлениям современной психологии⁴.

Несмотря на очевидную потребность в проведении исследований в отмеченном направлении, в юридической психологии научных работ такого рода сравнительно немного. Существующие трудности в области изучения психологии правосознания обусловлены сложностью и многомерностью изучаемых феноменов, что влечет за собой трудности концептуального определения содержания и структурных составляющих предметного поля и, как следствие, выбора исследовательских подходов⁵.

Подчеркивая теоретико-прикладной характер юридической психологии, О.Д. Ситковская отмечает, что эффективность практических рекомендаций во многом связана с уровнем разработки ряда конкретных проблем в смежных отраслях науки. Особенно тесны связи с социальной психологией, ибо многие психолого-правовые проблемы имеют социально-психологический аспект⁶. Для изучения психологии правосознания необходимы теоретико-методологические подходы, адекватные задачам эмпирического изучения реального содержания психологии больших социальных групп.

Теоретической базой большинства российских социально-психологических исследований правосознания является концепция социальных представлений, разработанная французским социальным психологом С. Московичи и ставшая одной из самых влиятельных и авторитетных парадигм в западноевропейской науке. Отечественные ученые также оценивают ее как значительный вклад в развитие социальной психологии, указывая на то, что «внешними причинами привлекательности концепции являются: использование научного языка, общего для различных социально-психологических школ, социальная актуальность и злободневность эмпирических исследований, возможность установления связей с другими социальными науками»⁷.

С момента своего появления концепция социальных представлений была направлена на то, чтобы рассматривать социальные отношения в совокупности, в полном объеме социального контекста, не дробя их на составные элементы и тем самым не лишая смысла⁸. С. Московичи отмечалось, что у человека нет иного способа общения с внешним миром, чем с помощью уже существующих и вновь созданных представлений. Представления являются призмой, через которую воспринимается окружающий мир, они обуславливают опыт, события и людей, с которыми соприкасаются, и предписывают, как именно надлежит мыслить.

По мнению отечественных социальных психологов, Россия всегда была страной, где преобладали идеи и представления, то есть они имманентны российскому сознанию⁹. Большинство традиционно выделявшихся в нашей психологии форм общественного сознания, кроме науки, образованы совокупностью соответствующих представлений¹⁰.

Разработанная в отечественной юридической психологии частно-научная теория «Психология нормативно-правовой регу-

ляции человеческого поведения, теория правосознания и правовая психология» (А.Р. Ратинов и Г.Х. Ефремова), в которой психология правосознания рассматривается как «сплав» оценочных отношений к разнообразным явлениям правовой действительности, по содержанию очень близка к понятийным схемам теории социальных представлений С. Московичи.

Реформирование отечественной уголовно-исполнительной системы направлено на кардинальное изменение подходов к ресоциализации осужденных. В процессе отбывания наказания человек, совершивший преступление, должен осознать социальную ценность правового регулирования и пользу соблюдения правовых норм для общества в целом и себя лично. Таким образом, ведущим мотивом правомерного поведения должна стать внутренняя убежденность в необходимости следования правовым нормам, а не внешний стимул в виде страха наказания. Указанная работа должна строиться с учетом существующих в России общественных реалий и специфических черт российского менталитета.

Теоретико-концептуальная проработанность интеграции традиционных для юридической психологии подходов к изучению правосознания осужденных с современными социально-психологическими теориями позволит изучать содержание психологии правосознания осужденных с учетом специфики менталитета россиян и даст возможность выявить влияние социальных особенностей данной группы на специфику процесса репрезентации социальных представлений.

Одна из ключевых идей С. Московичи – это утверждение о том, что «социальное представление – не есть “мнение” отдельного человека, но именно – “мнение” группы, которое можно рассмотреть как ее своеобразную “визитную карточку”». Социальные представления – это не только конституирующие элементы обыденного знания, но и строительные блоки социальной реальности¹¹. В. Вагнер указывает на то, что коммуникация и публичный дискурс, генерирующие социальные представления, протекают в так называемых рефлексивных группах, то есть группах, которые определяются своими собственными членами. Групповая принадлежность выступает здесь как фактор сознания людей, образующих группу. В ходе повседневной (дискурсивной и коммуникативной) групповой практики вырабатываются социальные представления, характеризующие стиль мышления членов группы¹².

С теоретических позиций субъектного подхода к исследованию больших социальных групп субъектность группы одновременно описывается тремя совместными основными признаками: взаимосвязанностью членов группы, совместной активностью и групповой саморефлексивностью, в результате которой формируется чувство «Мы» (прежде всего как переживание своей принадлежности к группе и единения со своей группой) и образ «Мы» (как групповое представление о своей группе, ее оценка)¹³.

Нахождение в условиях социальной эксклюзии помогает осужденным объединиться, осознать себя общностью людей, связанных похожей судьбой («мы»). Осознание осужденными своей принадлежности к сообществу «Мы» сплачивает их и способствует пониманию необходимости поддерживать членов группы для соблюдения интересов своей общности. В зарубежной социальной психологии также отмечается, что осужденные, являясь членами группы с низким статусом, объединяются друг с другом на основе чувства общей социальной идентичности, что позволяет им осуществлять эффективное руководство группой и организацию ее деятельности, противодействовать стрессу, обеспечивать членам группы поддержку и бросать вызов власти, осуществлять социальные изменения даже в самых экстремальных ситуациях¹⁴.

Осужденные нередко отказывают действующему праву в справедливости, как бы лишая его тем самым моральной основы. Наряду с другими факторами это приводит к попытке создать свою неформальную нормативную систему¹⁵. С.А. Кутякин выделяет проблему антагонизма естественного и позитивного права в исправительных учреждениях как фактор, обуславливающий возникновение тюремных понятий, представляющих собой свод неформальных законов, правил поведения, давно и прочно укоренившихся как в исправительных учреждениях, так и в преступной среде. «Понятия» составляют серьезную конкуренцию позитивному праву, а часто совсем опровергают его нормы¹⁶.

Таким образом, общность осужденных как группа, использующая для организации социальной жизни внутри (своей группы) ценности и нормы, разделяемые всем сообществом, обладающая такими признаками групповой субъектности, как взаимосвязанность членов группы, совместная активность и групповая саморефлексивность, может рассматриваться как групповой субъект.

В местах лишения свободы, находясь в сообществе лиц, не желающих признавать легитимным правовое устройство общества, осужденные все больше отдаляются от легальных способов регулирования взаимоотношений между людьми и начинают ориентироваться на нормы поведения, принятые в тюремной общности. «Тюремнизация» сознания еще больше увеличивает разрыв между осужденными и обществом, становится серьезным препятствием для ресоциализации и формирования установки на правопослушное поведение.

Усвоение осужденными антиобщественных взглядов и установок происходит в процессе общения и взаимодействия внутри группы. Деформация социальных отношений складывается и проявляется в ходе межличностного, группового и массового общения. Именно в процессе общения, а не в вакууме происходит искажение норм, стереотипов, ценностей, установок¹⁷. Тео-

рия деформации социальных отношений А.Н. Сухова позволяет изучать восприятие и отношение различных социальных групп к отклонениям от общепринятых правовых и нравственных норм, регулирующих отношения в сфере государства и общества¹⁸.

Интеграция частно-научной теории правосознания, теорий социальных представлений и деформации социальных отношений, субъектного подхода дает возможность изучать психологию группового правосознания осужденных как атрибут коллективного субъекта, сложный социально-психологический феномен, состоящий из совокупности вырабатываемых и разделяемых общностью ментальных репрезентаций в правовой сфере, с помощью которых сообщество осужденных конструирует систему отношений к правовой реальности для адаптации к ней и объяснения собственного правового поведения, а также выявить закономерности образования и деформации его содержания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым 28.04.2011 г. № Пр-1168) // Российская газета. 2011. № 5527.

² Славская А.Н. Правовые представления российского общества // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / Под ред. К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. М., 1997. С. 75.

³ См.: Николаева О.П. Правовая и моральная зрелость личности // Субъект и социальная компетентность личности. М., 1995. С. 131.

⁴ См.: Марын М.И. Настоящее и будущее российской психологии: мнения ведущих специалистов // Национальный психологический журнал. 2012. № 1 (7). С. 24.

⁵ См. подр.: Сучкова Е.Л. Теоретико-методологические подходы к изучению психологии правосознания // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 3 (31). С. 58.

⁶ См.: Ситковская О.Д. Методология юридической психологии // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 3 (8). С. 337.

⁷ Емельянова Т.П. Социальное представление – понятие и концепция: итоги последнего десятилетия // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 5. С. 39.

⁸ См.: Якимова Е.В. Теория социальных представлений в социальной психологии: дискуссии 80-х – 90-х гг. М., 1998. С. 22–23.

⁹ См.: Абульханова К.А. Российский менталитет: кросс-культурный и типологический подходы // Российский менталитет. Вопросы психологической теории и практики. М., 1997. С. 9.

¹⁰ См.: Абульханова К.А. Социальное мышление личности // Современная психология: состояние и перспективы исследований. М., 2002. С. 96–97.

¹¹ Цит. по: Андреева Г.М. Психология социального познания. М., 2000. С. 209.

¹² См.: Якимова Е.В. Теория социальных представлений в социальной психологии. М., 1998. С. 85–86.

¹³ См.: Журавлев А.Л. Психология коллективного субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта. М., 2002. С. 64.

¹⁴ См.: Haslam S.A., Reicher S.D. When Prisoners Take Over the Prison. A Social Psychology of Resistance // Personality and Social Psychology Review. 2012. Vol. 16. № 2. P. 154–179.

¹ См.: Osnovy gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v sfere razvitiya pravovoj gramotnosti i pravosoznaniya grazhdan (utv. Prezidentom Rossijskoj Federacii D.A. Medvedevym 28.04.2011 g. № Pr-1168) // Rossijskaja gazeta. 2011. № 5527.

² Slavskaja A.N. Pravovye predstavlenija rossijskogo obshhestva // Rossijskij mentalitet: voprosy psihologicheskoi teorii i praktiki / Pod red. K.A. Abul'hanovoj, A.V. Brushlinskogo, M.I. Volovikovej. M., 1997. S. 75.

³ См.: Nikolaeva O.P. Pravovaja i moral'naja zrelost' lichnosti // Sub#ekt i social'naja kompetentnost' lichnosti. M., 1995. S. 131.

⁴ См.: Mar'in M.I. Nastojashhee i budushhee rossijskoj psihologii: mnenija vedushhih specialistov // Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal. 2012. № 1 (7). S. 24.

⁵ См. подр.: Suchkova E.L. Teoretiko-metodologicheskie podhody k izucheniju psihologii pravosoznaniya // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2015. № 3 (31). S. 58.

⁶ См.: Sitkovskaja O.D. Metodologija juridicheskoi psihologii // Biblioteka kriminalista. Nauchnyj zhurnal. 2013. № 3 (8). S. 337.

⁷ Emel'janova T.P. Social'noe predstavlenie – ponjatie i koncepcija: itogi poslednego desjatiletija // Psihologicheskij zhurnal. 2001. T. 22. № 5. S. 39.

⁸ См.: Jakimova E.V. Teorija social'nyh predstavlenij v social'noj psihologii: diskussii 80-h – 90-h gg. M., 1998. S. 22–23.

⁹ См.: Abul'hanova K.A. Rossijskij mentalitet: kross-kul'turnyj i tipologicheskij podhody // Rossijskij mentalitet. Voprosy psihologicheskoi teorii i praktiki. M., 1997. S. 9.

¹⁰ См.: Abul'hanova K.A. Social'noe myshlenie lichnosti // Sovremennaja psihologija: sostojanie i perspektivy issledovanij. M., 2002. S. 96–97.

¹¹ Cit. po: Andreeva G.M. Psihologija social'nogo poznanija. M., 2000. S. 209.

¹² См.: Jakimova E.V. Teorija social'nyh predstavlenij v social'noj psihologii. M., 1998. S. 85–86.

¹³ См.: Zhuravlev A.L. Psihologija kolektivnogo sub#ekta // Psihologija individual'nogo i gruppovogo sub#ekta. M., 2002. S. 64.

¹⁴ См.: Haslam S.A., Reicher S.D. When Prisoners Take Over the Prison. A Social Psychology of Resistance // Personality and Social Psychology Review. 2012. Vol. 16. № 2. P. 154–179.

¹⁵ См.: Hohrjakov G.F. Formirovanie pravosoznaniya osuzhdennyh. M., 1985. S. 10–11.

¹⁵ См.: Хохряков Г.Ф. Формирование правосознания осужденных. М., 1985. С. 10–11.

¹⁶ См.: Кутякин С.А. Организация криминальной оппозиции в уголовно-исполнительной системе России: Моногр. Рязань, 2008. С. 51.

¹⁷ См.: Сухов А.Н. Криминогенное общение в среде осужденных: Учеб. пособие. Рязань, 1993. С. 11.

¹⁸ См.: Социальная психология: Учеб. пособие / Сухов А.Н., Бодалев А.А., Казанцев В.Н. и др. М., 2001. С. 105.

¹⁶ См.: Kutjakin S.A. Organizacija kriminal'noj oppozicii v ugovovno-ispolnitel'noj sisteme Rossii: Monogr. Rjazan', 2008. S. 51.

¹⁷ См.: Suhov A.N. Kriminogennoe obshhenie v srede osuzhdennyh: Ucheb. posobie. Rjazan', 1993. S. 11.

¹⁸ См.: Social'naja psihologija: Ucheb. posobie / Suhov A.N., Bodalev A.A., Kazancev V.N. i dr. M., 2001. S. 105.

УДК 343.35:343.83

Некоторые аспекты антикоррупционной психопрофилактической работы с сотрудниками ФСИН России

Е.М. ФЕДОРОВА – старший научный сотрудник отдела психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы НИЦ-2 Научно-исследовательского института ФСИН России;

В.Б. ПЕРВОЗВАНСКИЙ – ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

В статье раскрываются некоторые аспекты профилактики коррупционных явлений среди сотрудников уголовно-исполнительной системы с использованием методов психологической работы с персоналом, представлены результаты исследований, даются рекомендации по психологической профилактике коррупционного поведения сотрудников ФСИН России.

К л ю ч е в ы е с л о в а : коррупция; психологическая профилактика; коррупционное поведение; мотивация; агрессия; сотрудники уголовно-исполнительной системы.

Some aspects of the anti-corruption psychoprophylaxis with employees of the Federal Penal Service of Russia

E.M. FEDOROVA – Senior Researcher of the Department for Psychological Support of Employees of the Penal System of the Research Center – 2 of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia;

V.B. PERVOZVANSKY – Leading Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor

The article describes some aspects of corruption prevention among the employees of the penal system using methods of psychological work with the personnel, it presents the results of some studies, the author makes recommendations on the psychological prevention of corrupt behavior of employees of the Federal Penal Service of Russia.

Key words: corruption; psychological prevention; corrupt behavior; motivation; aggression; employees of the correctional system.

Коррупционные явления в той или иной форме имеют место во всех сферах государственной и общественной деятельности. Они препятствуют стабильному, по-

ступательному развитию страны, негативно влияют на политическую, экономическую, социальную и другие сферы общества, порождают социальную напряженность, под-

рывающая доверие граждан к государственной власти и ее представителям¹. Анализ результатов исследования Института социологии Российской академии наук показал, что большинство граждан Российской Федерации (70,1%) связывают причины коррупционного поведения с такими негативными личностными качествами, как аморальность и жадность². Деформация направленности личности в данном случае проявляется в том, что установка коррупционера является корыстно-потребительской, паразитарной и реализуется посредством незаконного присвоения социальных благ, произведенных обществом.

Факты коррупции в уголовно-исполнительной системе также отрицательно сказываются как на обществе в целом, так и на эффективности функционирования органов и учреждений Федеральной службы исполнения наказаний. Они способствуют росту пенитенциарной преступности, подвергая опасности жизнь и здоровье сотрудников и осужденных, подрывая репутацию службы, снижая эффективность ее деятельности³. Коррупция в уголовно-исполнительной системе – это «злоупотребление служебным положением, получение и дача взятки, любое другое противоправное использование сотрудником системы исполнения наказаний своего статуса для незаконного получения каких-либо преимуществ (имущества, прав на него, услуг или льгот как имущественного, так и неимущественного характера) для себя, либо незаконное предоставление преимуществ осужденным вне зависимости от совершения данных деяний лично или через посредников вопреки законным интересам личности, общества и государства»⁴. Чаще всего преступления коррупционной направленности связаны с дачей или получением взятки должностными лицами. Однако коррупция в пенитенциарной системе существует не только в форме получения взяток, злоупотребления и превышения должностных полномочий, но и незаконного распоряжения не принадлежащими должностным лицам ресурсами путем принятия или непринятия тех или иных решений.

Как отмечается в научной литературе, антикоррупционная профилактическая работа с сотрудниками уголовно-исполнительной системы, как и с сотрудниками других государственных структур, представляет собой вполне сформировавшуюся и отлаженную систему. Она включает в себя такие элементы, как разработка правовых мер борьбы с

коррупцией; совершенствование нормативно-правовой базы; совершенствование системы подбора кадров, социальной защиты и материального обеспечения сотрудников; контроль над служебной деятельностью; воспитательная работа и др.⁵ Особое место в этой системе не без оснований отводится психологическому сопровождению деятельности сотрудников системы исполнения наказаний⁶.

Говоря о значимости психологической антикоррупционной работы с сотрудниками ФСИН России, следует отметить, что психологические особенности, мотивы, детерминанты коррупционного поведения имеют немаловажное значение для анализа этого феномена и выработки адекватных мер противодействия. Исследователи, занимающиеся данной проблематикой, считают, что научные разработки по социально-психологической профилактике коррупционного поведения могут внести существенный вклад в решение этой задачи. Среди прочих значительная роль принадлежит фундаментальному изучению вопросов властно-распорядительной деятельности, ее формальной и неформальной организации, а также осуществляющих ее субъектов на основе анализа принятых должностными лицами решений и их соответствия государственным или местным интересам. Результаты таких исследований могут быть использованы как в законодательной практике, так и в разработке методики выявления коррупционных интересов, мотивации коррупционных действий⁷.

В криминологии и отечественной юридической психологии изучению вопросов, связанных с социально-психологическими особенностями коррупционных проявлений, посвящено большое количество исследований. Еще в 1990-е гг. под руководством Ю.М. Антоняна изучались психологические особенности личности коррупционера⁸. Особенно тщательно анализировалась мотивация коррупционного поведения. В результате было установлено, что в основе данного поведения чаще всего обнаруживаются два ведущих мотива:

1) видимый, внешний – корысть, стремление обеспечить себя материальными благами. Нередко незаконное получение материальных благ становится самоцелью без ясного представления о том, для чего подобные средства нужны;

2) глубинный, смысловой, заключающийся в реализации игровых мотивов. По мнению Ю.М. Антоняна, многие коррупционеры

являются игроками, влечение которых не осознается и функционирует в бессознательной сфере психики. Коррупционная деятельность воспринимается ими как участие в захватывающей рискованной игре в сложных, эмоционально насыщенных ситуациях, которая приносит большое психологическое удовлетворение.

Необходимо отметить, что деструктивные изменения мотивационной сферы личности, определяющие нарушения стимулирующей и смыслообразующей функций мотивации, сопровождаемые внутрличностным психодинамическим конфликтом личности, являются наиболее существенным видом предпосылок профессиональной деформации личности, в том числе в форме коррупционной направленности. Об этом свидетельствуют научные исследования, проведенные Е.Е. Гавриной, В.А. Корчмарюк, М.Л. Кубышкиной, А.М. Лафуткиным, В.В. Лебедевым, С.Ф. Лях, В.С. Медведевым, И.И. Соколовым, Е.А. Соколовой, Д.В. Сочивко, А.В. Шамисом и другими учеными. На протяжении ряда лет в Академии ФСИН России проводилось социально-психологическое исследование проблем противодействия коррупционной преступности в системе национальной безопасности, криминальной деструктивности личности сотрудников правоохранительных органов (Е.Е. Гаврина, 2008, 2010, 2011, 2014). Была выявлена специфика проявления коррумпированного поведения сотрудников правоохранительных органов, разработаны типология осужденных за коррупционные и экономические преступления, комплекс методов и мер психопрофилактики и психокоррекции коррупционной деструктивности личности⁹.

Анализ результатов исследования показал, что сотрудники правоохранительных органов, осужденные за коррупционные преступления, обладают такими качествами, как стремление общаться с небольшим количеством людей, повышенная осторожность при установлении близких отношений, отсутствие жалости по отношению к жертвам коррупции и др. При этом психологический профиль коррупционеров близок к профилю бывших сотрудников правоохранительных структур, осужденных за общеуголовные преступления. Отмечено, что для них характерны такие виды психологической защиты, как отрицание и компенсация, уверенность в том, что жертвы коррупционных преступлений сами совершают такие преступления, и это якобы оправдывает коррупцию. Эта мировоззренческая пози-

ция позволяет коррупционерам отрицать преступный характер своей деятельности («все так делают, кто-то больше, а кто-то меньше») и быть уверенными, что расплата за их преступную деятельность не наступит никогда. В некоторых зарубежных исследованиях (Й. Ламмерс) данный эффект назван «моральной близорукостью»¹⁰.

Результаты исследования также выявили взаимосвязь коррупции с высоким уровнем агрессии, при этом не прямой, а скрытой. Это дало возможность предположить, что высокая агрессивность социально-психологической атмосферы в обществе в целом и в отдельно взятых профессиональных коллективах может являться существенным фактором, способствующим коррупционному поведению. В связи с этим для профилактики коррупционных явлений целесообразно использовать методики изучения социально-психологического климата в профессиональных коллективах сотрудников уголовно-исполнительной системы, а также методы психокоррекции агрессивного поведения, при необходимости рекомендуемые психологами¹¹.

Исследование влияния личностных особенностей на склонность к коррупционной деятельности, проведенное Т.А. Тереховой среди осужденных за коррупционные преступления, демонстрирует несколько иные результаты. Установлено, что испытуемые характеризуются высоким уровнем коммуникативных и организаторских умений, готовности к риску. У них отмечают негативное отношение к закону, жажда наживы, пренебрежение к моральным и нравственным нормам, сознательное культивирование безнравственных коллизий, игнорирование негативных последствий своей деятельности, подрыв принципа социальной справедливости и др.¹² Также прослеживается отрицательное влияние на подчиненных. Известно, что психологическая атмосфера микросреды в профессиональном коллективе, группе непосредственно влияет на отдельных сотрудников. И если традиции в этих образованиях по своей сути отрицательные, они могут способствовать развитию негативных черт характера, способствующих коррупционному поведению: алчность, жадность, зависть, эгоцентризм. Под влиянием неблагоприятных условий среды общения происходит трансформация личности: «...законопослушный и порядочный гражданин, попав в эту сеть, быстро превращается в циничного, расчетливого стяжателя»¹³.

В процессе исследования, проведенного Е.А. Кусакиной¹⁴, также были выявлены характерные качества личности сотрудника, склонного к коррупционному поведению: жадность – 42,7%; корысть, алчность – 29,1%; отсутствие воли, несформированность моральных качеств – 16,6%; слабохарактерность – 15,6%; завистливость – 8,3%; высокая самооценка – 6,2%. Кроме того, были выделены такие качества, как глупость, жажда власти, вседозволенность, а также отмечены особенности социального положения в обществе, криминальные связи в прошлом. К числу наиболее эффективных мероприятий, направленных на формирование правового сознания, морально-психологических качеств, способствующих выработке антикоррупционного поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы, респонденты отнесли: проведение информационно-воспитательной работы – 85,5%; регулярные обзоры статистики мер наказания за коррупционные преступления – 75,4%; проведение мероприятий по патриотическому воспитанию – 55,4%; проведение психотренинговой работы по развитию волевых процессов – 34,5%; изучение морально-этических норм профессиональной деятельности – 33,2%; проведение агитационных мероприятий (лекции, дискуссии), в том числе с использованием средств массовой информации, стенной печати, – 28,5%.

Необходимо отметить значимость формирования и развития правосознания сотрудников уголовно-исполнительной системы в целях профилактики коррупционного поведения. В структуре правосознания традиционно выделяют рефлексивный, когнитивный, мотивационный, коммуникативный, социально-перцептивный, креативный и ценностно-смысловой компоненты. Важной стороной правосознания является нравственный аспект, в современной научно-публицистической литературе достаточно часто можно встретить определение «нравственно-правовое самосознание». В связи с этим психологическая работа по формиро-

ванию духовных, нравственных смысловых ориентиров дает положительные результаты в профилактике коррупционных явлений¹⁵, учитывая, что одним из личностных качеств, характеризующих духовный уровень нравственности, является бескорыстие человека¹⁶. Работа по формированию указанных ориентиров может проводиться как в процессе индивидуального психоконсультирования, так и в групповой форме (лекции, беседы, тренинги личностного роста и развития), в том числе и опосредованно – на учебных занятиях и мероприятиях, напрямую не связанных с психологической проблематикой.

Обобщая сказанное, можно выделить основные направления антикоррупционной психопрофилактической работы с сотрудниками уголовно-исполнительной системы:

- психодиагностическое, нацеленное, с одной стороны, на изучение личностных характеристик, мотивационной, волевой сфер отдельных сотрудников, с другой – на мониторинг социально-психологического климата в коллективах подразделений в целях выявления социально-психологических факторов, способных негативно повлиять на всех членов служебного коллектива и их деятельность;

- психопрофилактическое, включающее проведение мероприятий по психологической профилактике деструктивных явлений среди сотрудников и повышению их психологической устойчивости к негативным социально-психологическим воздействиям (лекции, беседы и т.п.), а также разработку и проведение мероприятий по оптимизации социально-психологического климата в служебных коллективах;

- психокоррекционное, включающее как индивидуальное психоконсультирование, так и групповые формы работы, в том числе тренинги, направленные на формирование адаптивного копинг-поведения у сотрудников уголовно-исполнительной системы, развитие волевых процессов, формирование навыков саморегуляции, управления агрессией и др.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Кийко Н.В., Терещенко Т.Г. Антикоррупционная политика и законодательство Республики Беларусь // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 1 (33). С. 38–45.

² См.: Журавлев А.Л., Юревич А.В. Психологические факторы коррупции // Психология в экономике и управлении. 2012. № 1. С. 57–66.

³ См.: Антипов А.Н., Голик Н.М., Кудряшов О.В., Первозванский В.Б. О некоторых факторах, влияющих на состояние безопасности уголовно-исполнительной системы //

¹ См.: Kijko N.V., Tereshhenko T.G. Antikorrupcionnaja politika i zakonodatel'stvo Respubliki Belarus' // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2016. № 1 (33). S. 38–45.

² См.: Zhuravlev A.L., Jurevich A.V. Psihologicheskie faktory korrupcii // Psihologija v jekonomike i upravlenii. 2012. № 1. S. 57–66.

³ См.: Antipov A.N., Golik N.M., Kudrjashov O.V., Pervozvanskij V.B. O nekotoryh faktorah, vlijajushhih na sostojanie bezopasnosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2014. № 3 (27). S. 23–27.

Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 3 (27). С. 23–27.

⁴ Марков В.П., Сивцов С.А. Основные факторы, способствующие распространению коррупционных проявлений в пенитенциарной системе России // Вестник уголовно-исполнительной системы. 2011. № 4. С. 19–20.

⁵ См.: Балашов А.А., Гаврина Е.Е., Шорников В.П. Коррупция в обществе и уголовно-исполнительной системе России. Рязань, 2011.

⁶ См.: Бабурин С.В. Совершенствование воспитательной, социальной и психологической работы в уголовно-исполнительной системе: интеграция теории и практики // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 4 (32). С. 67–72.

⁷ См.: Самовичев Е.Г. Психологические аспекты противодействия коррупционной преступности // Энциклопедия современной юридической психологии / Под общ. ред. А.М. Столяренко. М., 2003.

⁸ См.: Антонян Ю.А. Типология коррупции и коррупционного поведения [Электронный ресурс]. URL: <http://antonyan-jm.narod.ru/inter3.html> (дата обращения: 10.04.2016).

⁹ См.: Гаврина Е.Е. Коррупционная деструктивность личности сотрудников правоохранительных органов: Моногр. Рязань, 2010.

¹⁰ См.: Социально-психологические исследования криминальной деструктивности личности сотрудников правоохранительных органов / Под ред. Д.В. Сочивко и Е.Е. Гавриной. Рязань, 2010.

¹¹ См.: Бабурин С.В. Проблемы стресса и адаптации в пенитенциарной психологии // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 1 (25). С. 46–50.

¹² См.: Терехова Т.А. Влияние личностных особенностей на склонность к коррупционной деятельности // Молодой ученый. 2011. № 11. Т. 2. С. 124.

¹³ Тюрин П.Т. Психология между духом и буквой закона. Рига, 2012. С. 76.

¹⁴ См.: Кусакина Е.А., Устинов А.А. Социально-психологические факторы, влияющие на коррупционные правонарушения в уголовно-исполнительной системе // Молодой ученый. 2013. № 1. С. 265–266.

¹⁵ См.: Икрянникова А.С. Нравственно-психологические причины коррупционных отношений // Межрегиональная конференция, посвященная 60-й годовщине празднования Дня прав человека: Тезисы докладов. Волгоград, 2011. Вып. 7. С. 86–89.

¹⁶ См.: Федорова Е.М. Пути духовно-нравственного формирования личности как необходимого компонента профессиональной культуры сотрудника уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2005. № 5. С. 32–35.

⁴ Markov V.P., Sivcov S.A. Osnovnye faktory, sposobstvujushhie rasprostraneniju korrupcionnyh pojavlenij v penitenciarnoj sisteme Rossii // Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy. 2011. № 4. S. 19–20.

⁵ См.: Balashov A.A., Gavrina E.E., Shornikov V.P. Korrupcija v obshhestve i ugovolno-ispolnitel'noj sisteme Rossii. Rjazan', 2011.

⁶ См.: Baburin S.V. Sovershenstvovanie vospitatel'noj, social'noj i psihologicheskoy raboty v ugovolno-ispolnitel'noj sisteme: integracija teorii i praktiki // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2015. № 4 (32). S. 67–72.

⁷ См.: Samovichev E.G. Psihologicheskie aspekty protivodejstvija korrupcionnoj prestupnosti // Jenciklopedija sovremennoj juridicheskoy psihologii / Pod obshh. red. A.M. Stoljarenko. M., 2003.

⁸ См.: Antonjan Ju.A. Tipologija korrupcii i korrupcionnogo povedenija [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://antonyan-jm.narod.ru/inter3.html> (data obrashhenija: 10.04.2016).

⁹ См.: Gavrina E.E. Korrupcionnaja destruktivnost' lichnosti sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov: Monogr. Rjazan', 2010.

¹⁰ См.: Social'no-psihologicheskie issledovanija kriminal'noj destruktivnosti lichnosti sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov / Pod red. D.V. Sochivko i E.E. Gavrinov. Rjazan', 2010.

¹¹ См.: Baburin S.V. Problemy stressa i adaptacii v penitenciarnoj psihologii // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2014. № 1 (25). S. 46–50.

¹² См.: Terehova T.A. Vlijanie lichnostnyh osobennostej na sklonnost' k korrupcionnoj dejatel'nosti // Molodoj uchenyj. 2011. № 11. Т. 2. S. 124.

¹³ Tjurin P.T. Psihologija mezhdum duhom i bukvoj zakona. Riga, 2012. S. 76.

¹⁴ См.: Kusakina E.A., Ustinov A.A. Social'no-psihologicheskie faktory, vlijajushhie na korrupcionnye pravonarushenija v ugovolno-ispolnitel'noj sisteme // Molodoj uchenyj. 2013. № 1. S. 265–266.

¹⁵ См.: Ikrjannikova A.S. Nравstvenno-psihologicheskie prichiny korrupcionnyh otnoshenij // Mezhhregional'naja konferencija, posvjashhennaja 60-j godovshhine prazdnovanija Dnja prav cheloveka: Tezisy dokladov. Volgograd, 2011. Vyp. 7. S. 86–89.

¹⁶ См.: Fedorova E.M. Puti duhovno-nравstvennogo formirovanija lichnosti kak neobhodimogo komponenta professional'noj kul'tury sotrudnika ugovolno-ispolnitel'noj sistemy // Ugovolno-ispolnitel'naja sistema: pravo, jekonomika, upravlenie. 2005. № 5. S. 32–35.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 343.81(470.12)''18/19''

Организация воспитания несовершеннолетних правонарушителей в Вологодском исправительном приюте (кон. XIX – нач. XX вв.)

Л.И. БЕЛЯЕВА – профессор кафедры уголовной политики и организации предупреждения преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

В статье на основе архивных и других материалов анализируется опыт организации воспитания несовершеннолетних правонарушителей в Вологодском исправительном ремесленном приюте для несовершеннолетних мужского пола, основанном в 1886 г., роль и место данного приюта в системе исправительных учреждений для несовершеннолетних в России кон. XIX – нач. XX вв.

Ключевые слова: Вологодский исправительный ремесленный приют для несовершеннолетних мужского пола; несовершеннолетние правонарушители; исправление; перевоспитание; социальная адаптация.

Organization of education juvenile offenders in the Vologda correctional asylum (late XIX – beginning of XX centuries)

L.I. BELYAEVA – Professor of the Department of Criminal Policy and Crime Prevention of the Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Dsc. in Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

On the basis of archival and other materials is analyzed experience of education of juvenile offenders in the Vologda correctional handicrafts shelter for male minors, founded in 1886, the role of shelter in the prison system for juveniles in Russia in XIX – XX centuries.

Key words: Vologda Correctional craft shelter for male minors; juvenile offenders; correction; reeducation; social adaptation.

Специальные заведения для несовершеннолетних правонарушителей в России стали появляться в ходе судебных реформ в соответствии с законом 1866 г. «Об исправительных приютах»¹.

Мысль об учреждении в Вологде приюта для исправления детей-правонарушителей возникла в конце 70-х гг. XIX в. М.М. Кониар настойчиво проводил ее в жизнь своими письмами, которые публиковались в «Губернских ведомостях»².

К 1877 г. было сформировано общество с целью «содействия предупреждению преступности исправлением несовершеннолетних преступников и попечением о детях, стоящих на краю порока и преступления», а 30 января 1878 г. был утвержден его устав. Учредителем и председателем Вологодского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов (далее – Общество) стал вице-губернатор Модест Маврикиевич Кониар, заместителем председателя (позд-

нее председателем) – вице-губернатор А.П. Лаппа-Старженецкий³. Со временем в состав Общества вошли известные не только в губернии люди: М.Н. Галкин-Враской – начальник Главного тюремного управления, В.А. Касаткин – губернский предводитель дворянства, П.В. Муравьев – прокурор Московской судебной палаты и др.⁴

Намеченная цель долго оставалась недостижимой из-за недостаточного финансирования. В 1885 г. был приобретен в собственность участок земли с домом, и после ремонта 25 марта 1886 г. был открыт приют на 20 мест⁵. Позднее количество мест увеличилось до 50. Документы, имеющиеся в нашем распоряжении, не позволяют с точностью назвать место, где находился приют. По сведениям косвенного характера можно предположить, что он располагался в самой Вологде, в 1-м ее участке. Идентифицировать его на данный момент не удалось.

Подготовка к открытию приюта шла трудно, власти не торопились поддерживать инициативу общественности. Члены Общества, готовясь к открытию, ознакомились с жизнью и деятельностью Ярославского приюта, изучили уставы Санкт-Петербургского, Саратовского, Казанского, Киевского, Нижегородского приютов.

Во главе Вологодского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов стоял совет, который имел своим назначением ведение текущих дел и управление исправительным заведением.

Управление делами приюта осуществлялось путем выработки необходимых инструкций общего характера, подбора кандидатур на имеющиеся должности, контроля за его деятельностью. Члены Общества посещали приют, изучали постановку дела в нем, осуществляли различного рода проверки, готовили отчеты, выделяли материальные средства и пр.

Об отчетах следует сказать особо. Эти документы составлялись ежегодно, обсуждались на заседаниях губернского земского собрания и публиковались в «Журналах губернского собрания», «Губернских ведомостях» и др. Таким образом, общественность информировалась о наличии и расходовании средств, условиях содержания воспитанников, их занятиях, поведении, здоровье, санитарном состоянии приюта. Несмотря на некоторую схематичность и сухость, отчеты содержат много интересных сведений о служащих, воспитанниках, их жизни после приюта и пр. Приют был открыт для посещения как членами Общества, так

и любым желающим ознакомиться с его работой.

Непосредственное управление приютом осуществлял смотритель. Он являлся главным лицом в приюте, на нем лежала ответственность за порядок и благополучие. Обязанности смотрителя излагались в п. 6 устава приюта⁶ и особой инструкции. Специальными инструкциями обеспечивались все служащие приюта, включая сторожа.

В течение многих лет смотрителем был Николай Александрович Иконников, который заложил основы педагогической системы воспитания несовершеннолетних правонарушителей в Вологодском исправительно-ремесленном приюте для несовершеннолетних мужского пола. Николая Александровича нельзя назвать выдающимся педагогом, но он был тем надежным, знающим и преданным делу человеком, от которого во многом и зависел успех. Из многочисленных чудом сохранившихся архивных документов узнаем, что он родился в 1851 г. в семье обер-офицера. Образование получил в Москве в техническом училище, которое по болезни не было окончено. Позднее выдержал экзамен на звание учителя приходского училища. С 30 ноября 1873 г. в Фитиньинском училище Вологодского уезда началась его педагогическая деятельность, где до 1 марта 1886 г. он состоял учителем. Судя по отзывам, Николай Александрович был одним из лучших. Училищный совет характеризовал его как человека безукоризненной нравственности, отличавшегося опытностью и особенным усердием в исполнении своих обязанностей, он никогда не был замечен в проступках или наклонности в политической неблагонадежности. За свои труды Н.А. Иконников в 1877 г. был награжден Серебряной медалью «За усердие» на Александровской ленте для ношения в петлице. Именно на этого человека обратил внимание совет Общества, когда необходимо было выбрать руководителя приюта. С 1 марта 1886 г. началась его служба в приюте⁷. Здесь же экономкой служила и его жена Ираида Александровна.

Первоначально в соответствии с п. 1 устава в приют принимались для исправления: а) несовершеннолетние преступники, осужденные к заключению в нем судебными учреждениями Вологодской губернии; б) несовершеннолетние нищие и бродяги испорченной нравственности, отдаваемые по распоряжению Вологодской губернской администрации.

Практика деятельности исправительных приютов убеждала в необходимости ограждения от развращающего влияния тюрьмы не только детей, представших перед судом, но и тех, кто находится под следствием. Закон от 08.02.1893 г. «Об изменении порядка заключения и пересылки несовершеннолетних, состоящих под следствием и судом»⁸ предусматривал помещение этих детей в приюты.

В Вологодском приюте принятие подследственных несовершеннолетних, не достигших 16-летнего возраста, предполагалось с 1897 г.⁹

Изучение архивных документов показывает, что в приюте чутко улавливали новые гуманистические идеи, касающиеся воспитания несовершеннолетних правонарушителей, стремились к воплощению на практике законодательных предписаний.

Заслуживает внимания одно важное обстоятельство. После открытия приюта несовершеннолетние правонарушители доставлялись сюда этапным порядком, как отмечается в архивных документах, в обществе с закоренелыми преступниками. Принимая это во внимание, совет Общества обратился к начальнику губернии с просьбой оказать содействие в отмене такого способа доставки в приют и при освобождении – в родные места. Данная просьба была удовлетворена. Было разрешено бесплатно препровождать воспитанников на земских лошадях. Кроме того, полицейским управлениям предписывалось назначать для сопровождения воспитанников благонадежных сотских или десятских, а в тюрьмах запрещалось малолетних преступников содержать совместно с совершеннолетними¹⁰.

Очевидно, что это решение находится в рамках вышеуказанного закона, но тем не менее следует отметить энергичность, проявленную приютом в этом вопросе. Несмотря на общие требования, далеко не все смогли их выполнить.

Впоследствии в документах отмечается, что отделение несовершеннолетних от взрослых преступников, доставление в приют вне этапа облегчало приучение к порядку¹¹.

Главными средствами исправления воспитанников приюта в соответствии с п. 11 устава являлись: личное влияние смотрителя и служащих на нравственность питомцев, элементарное образование, практически-ремесленное образование и труд, правильная жизнь в приюте. На первом месте в созданной системе воспитания стоя-

ло религиозно-нравственное воспитание, включавшее в себя не только религиозное воспитание, но и художественное, эстетическое, музыкальное развитие. В приюте соборной церкви не имелось, поэтому дети посещали близлежащую, а в канун праздников служба организовывалась в самом приюте. Дети пели в церковном хоре. По косвенным сведениям, ближайшей к приюту была церковь, располагавшаяся в Свято-Духовом монастыре¹².

Элементарное образование включало: изучение Закона Божия; чтение, письмо, черчение и рисование; основные правила арифметики; начальные сведения по естествознанию, истории и географии России; церковное пение. Занятия с детьми вел сам Николай Александрович. Как свидетельствуют данные отчетов, дети успешно проходили аттестацию, которую проводил педагогический совет приюта. Как отмечал сам Н.А. Иконников, «почти все порочные дети, являясь в приют неграмотными, возвращались домой со свидетельством об окончании курса наук народного училища и аттестатами. А на малосрочных и малоуспешных к грамоте обращалось с моей стороны внимание, чтобы они выучились ремеслу. И большое их число получили свидетельства на звание подмастерья из Ремесленной управы»¹³.

В системе воспитания важное место занимали профессиональное (ремесленное) обучение и труд. Дети обучались ремеслам, которые могли обеспечить в будущем средствами к существованию: столярному, сапожному, переплетному, токарному, портновскому делу и др. Судя по документам, в освоении ремесел имелись определенные успехи. В мастерских приюта выполнялись заказы на изготовление обуви для различных учреждений, мебели для больницы, губернского земства, училищ¹⁴. Кроме этого, воспитанники занимались огородничеством, конечно, по преимуществу в весенне-летнее время. Дети под руководством взрослых чистили сад и устраивали в нем дорожки и площадки, строили кладовые для продуктов, убирали сгнившие бревна, чистили пруды и каналы, настилали мостки, сажали деревья и цветы, делали клумбы, косили траву, сушили и убирали сено, садили овощи и убирали их. Овощами воспитанники обеспечивали себя, а излишки продавали¹⁵.

В приюте были две коровы, за которыми ухаживал опытный воспитанник, двое ему помогали. Воспитанники приюта выполняли все работы по самообслуживанию.

Большая часть времени посвящалась работе в мастерских, классным занятиям в соответствии с п. 15 устава уделялось «столько времени, сколько необходимо для элементарного обучения, но не менее двух часов в день». Правильнее, вероятно, было бы сказать, что на классные занятия отводилось времени столько, сколько оставалось. На игры и отдых детям давался один час в день¹⁶.

Вся жизнь в приюте строилась в соответствии с распорядком дня, который составлялся смотрителем обычно на летний и зимний периоды, поскольку в приюте выполнялись и ремесленные, и сельскохозяйственные работы.

Одним из требований режима был неустанный контроль за воспитанниками днем и ночью. Эту обязанность выполняли все служащие, но в особенности «дядьки».

Жизнь смотрителя была неразрывно связана с жизнью детей: он вместе с ними вставал в 6 часов утра и находился в приюте до 9 часов вечера¹⁷. Своих детей у Иконниковых не было, приютские дети, по существу, стали их семьей.

Выполнение распорядка было обязательным как для воспитанников, так и для служащих.

Одним из серьезных вопросов был санитарный контроль и медицинское обслуживание воспитанников. Судя по документам, в приюте этому уделялось должное внимание, что позволяло не допускать заболеваний детей даже в периоды эпидемий¹⁸.

Важным средством воздействия на несовершеннолетних считалась система наказаний и поощрений. Детям, провинившимся в чем-либо, смотритель мог объявить выговор наедине или в присутствии воспитанников приюта, мог не допустить их к участию в играх, подвергнуть наряду на дежурство или черные работы вне очереди. Самым строгим взысканием было заключение в карцер на срок не свыше семи суток, которое могло быть соединено с ограничением пищи. Применялись здесь и телесные наказания, которые, как впрочем и заключение в карцер, лишение пищи, не вызывали единодушного одобрения общественности.

Следует отметить, что система наказаний, которая применялась в приюте, не являлась исключительной и соответствовала своему времени. Как свидетельствуют документы, наиболее распространенными нарушениями были непослушание, упрямство, уклонение от работ, грубость, курение и нарушение порядка (драки)¹⁹. При этом коли-

чество допущенных проступков в несколько раз превышало количество лиц, наказанных за это. Это говорит о том, что грубые нарушения допускали одни и те же воспитанники.

За успехи в работе и учебе, поведении несовершеннолетние поощрялись следующим образом: им объявлялась благодарность перед всеми воспитанниками, в великие праздники разрешалось присутствие при торжественных богослужениях в кафедральном соборе и у Всемилоостивого Спаса, они освобождались от грязных работ, получали более значительные подарки и отпуск к родственникам. Главным поощрением являлось условно-досрочное освобождение из приюта, которое было предусмотрено законом 1866 г.

В целом система воспитания в Вологодском приюте была подобной той, что существовала во многих исправительных учреждениях того времени. Однако воплощалась в жизнь она по-разному. Различными были и результаты. Вологодский приют отличался тем, что рецидив у воспитанников был самым низким – 6,1% (для сравнения: Ярославский приют – 23,5%, Варшавская-Студзенецкая колония – 18,8%, Киевская колония – 18,3%, Рукавишниковский приют – 18%)²⁰. Это объясняется тем, что большое внимание уделялось устройству воспитанников, вышедших из приюта, контролю за их поведением.

Параграфы 5 устава Общества и 22 устава приюта предусматривали, что воспитанники, вышедшие из приюта, состоят под покровительством приюта и Общества до достижения 21 года.

В приюте сложились свои правила работы с выбывающими воспитанниками. Каждому из них при освобождении выдавались инструменты по полученному ремеслу (сапожные, столярные и др.), Евангелие, молитвенник, одежда, обувь, книги, средства на дорогу к дому²¹.

Для того чтобы иметь сведения о поведении выбывших воспитанников, совет Общества обратился к Первосвященному Израилю Епископу Вологодскому и Устюгскому за содействием в этом деле через посредство местных священников. Его Преосвященство рекомендовал священникам принять под свое наблюдение выбывших из приюта и проживающих в приходах, а также сообщать сведения о результатах наблюдения в приют. Соответственно этому распоряжению настоятели приходских церквей осуществляли наблюдение за выбывшими из приюта до достижения ими 21 года. Настоятели ежегодно составляли карты о поведении

бывших воспитанников и представляли их в приют²². В отчетных документах имелся специальный раздел, в котором приводились сведения о жизни бывших воспитанников²³.

Опыт приюта перенимали другие подобные заведения. Так, в 1892 г. Вологодский приют посетил прокурор Житомирского окружного суда, чтобы научиться делу исправления малолетних, и желал бы, чтобы будущий Волынский приют был такой же прекрасный, как и Вологодский²⁴. Документы свидетельствуют, что это удалось. В 1901 г. Волынское заведение в Житомире посетил известный педагог И.М. Радецкий, который отметил, что и в санитарном, и в педагогическом отношении оно принадлежит к разряду лучших²⁵.

Приют посещали и контролирующие лица: начальник Главного тюремного управления М.Н. Галкин-Враской²⁶, прокурор Московской судебной палаты Н.В. Муравьев²⁷, которые положительно оценивали деятельность приюта.

В Вологодском приюте были воплощены в жизнь многие из педагогических требований, положенных в России в основу исправления и перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей: педагогический оптимизм; опора на положительные качества личности; участие детей в своем воспитании через систему самоуправления; активное использование доверия в работе с подростками; необходимость высокоорганизованного умственного и нравственного развития воспитанников; воздействие на них посредством общественно полезного и производительного труда; ведущее влияние личности воспитателя, ее главная роль в работе с несовершеннолетними; необходимость организованной социальной адаптации вышедших из заведений; обязательность выведения подследственных несовершеннолетних из тюрем; исключение доставки несовершеннолетних этапом и многие другие.

Успехи в работе Н.А. Иконникова были несомненны: в 1891 г. он награжден Серебряной шейной медалью «За усердие» на Станиславской ленте, в 1899 г. – Золотой шейной медалью на Станиславской ленте, в 1904 г. – Золотой шейной медалью на Аннинской ленте²⁸.

Служба в приюте стала всей жизнью педагога. За весь период работы он ни разу не был в отпуске, не желая оставлять детей без своего внимания.

В течение более 20 лет приют существовал в целом стабильно, без «взрывов» и

потрясений. Как отмечалось в документах, «кроткое, гуманное, чисто семейное, соединенное с справедливой строгостью, отеческое отношение к воспитанникам, бдительный, предупреждающий самую возможность преступления надзор за ними, здоровое и обильное питание, полезные игры и развлечения в часы отдыха, руководимые воспитателем, – все эти проверенные многолетним опытом воспитательные приемы, примененные в деле перевоспитания и ныне, оказали благотворное влияние на воспитанников»²⁹.

Горько сознавать, что дальнейшая жизнь Н.А. Иконникова не была благополучной. В 1910 г. он в связи с болезнью покинул дорогое ему заведение.

По правилам тех лет смотритель имел квартиру там же, в приюте. После ухода из него квартиру следовало освободить. В те времена служба в исправительных заведениях не являлась государственной, а потому не давала права на жалование и пенсионное обеспечение³⁰. Этот вопрос обсуждался в течение длительного времени, но разрешения так и не получил. Д.А. Дриль, активный участник разработки вопросов исправительного воспитания, отмечал: «Отчего бегут директора и воспитатели? Оттого, что у них является гнетущая мысль, что когда впоследствии они израсходуют силы и когда не будет этих сил, они не в состоянии будут перейти на какое-либо поприще»³¹.

Именно это и произошло с Н.А. Иконниковым. Он оказался без средств к существованию. Вологодский губернатор на основании общего собрания Вологодского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов обратился в Министерство юстиции с ходатайством о назначении пенсии Н.А. Иконникову за долголетнюю и полезную службу обществу³². Почти год решался этот вопрос, но в назначении пенсии бывшему смотрителю было отказано.

Оказавшись в столь затруднительном положении, Николай Александрович обратился с ходатайством о единовременном пособии к Главному тюремному управлению. В письме он отмечает: «Квартиру для себя с женою я снял, но переехать и жить до пенсии положительно не на что. Все свое жалованье за малым исключением отдавал на улучшение пищи питомцам. Одежды, как у меня, так и у жены, лишней нет, а драгоценных вещей и не бывало»³³.

Никаких сведений о том, был ли он услышан, не найдено. Нет сведений и о том, где и как был окончен земной путь этого бес-

корыстного и доброго человека. С полной уверенностью можно сказать лишь о том, что Н.А. Иконников внес свой вклад в формирование и развитие не только системы

воспитания в Вологодском исправительном приюте, но и в целом отечественной школы исправления несовершеннолетних правонарушителей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2-е. 1866. № 43949. СПб., 1868.

² См.: Вологодское общество земледельческих колоний и ремесленных приютов. Первый годовой отчет Вологодского общества... за 1878–1879 гг. Вологда, 1879. С. 6.

³ См.: Там же. С. 3–4.

⁴ См.: Государственный архив Вологодской области (ГА ВО). Ф. 475. Оп. 1. Ед. хр. 108.

⁵ См.: Общество земледельческих колоний и ремесленных приютов в Вологде // Детская помощь. 1887. № 8. С. 257–258.

⁶ См.: Устав Вологодского исправительно-ремесленного приюта для несовершеннолетних мужского пола. Вологда, 1896.

⁷ См.: ГА РФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 6315. Л. 1–1об.

⁸ См.: Полное собрание законов Российской Империи. 1893. № 9316.

⁹ См.: Вологодское общество земледельческих колоний и ремесленных приютов за 1897 г. Вологда, 1898. С. 4.

¹⁰ См.: Краткий отчет Вологодского общества... за первое полугодие 1887 г. Вологда, 1888. С. 8.

¹¹ См.: Там же.

¹² См.: Десятый отчет Вологодского общества... за 1883 г. Вологда, 1884. С. 16.

¹³ ГА РФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 6315. Л. 4об.–5.

¹⁴ См., напр.: Отчет совета Вологодского общества... за 1888 г. Вологда, 1889. С. 35–36.

¹⁵ См.: Отчет совета Вологодского общества... за 1893 г. Вологда, 1894. С. 20.

¹⁶ См.: Краткий отчет Вологодского общества... за первое полугодие 1887 г. Вологда, 1888. С. 6.

¹⁷ См.: ГА РФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 6315. Л. 5.

¹⁸ См.: Девятый отчет Вологодского Общества... за 1892 г. Вологда, 1893. С. 30–32; Одиннадцатый отчет... за 1894 г. Вологда, 1895. С. 8–9 и др.

¹⁹ См., напр.: Отчет совета Вологодского общества... за 1896 г. Вологда, 1897. С. 13.

²⁰ См.: Труды четвертого съезда представителей русских исправительных заведений для малолетних. М., 1896. С. 109.

²¹ См., напр.: Вологодское общество... Отчет за 1886 г. Вологда, 1887. С. 7.

²² См.: Тюремный вестник. 1896. № 9. С. 496.

²³ См.: ГА ВО. Ф. 879. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

²⁴ См.: Отчет совета Вологодского общества... за 1892 г. Вологда, 1893. С. 53.

²⁵ См.: Тюремный вестник. 1902. № 1. С. 112.

²⁶ См.: Краткий отчет Вологодского общества... за 1-е полугодие 1887 г. Вологда, 1888. С. 9.

²⁷ См.: ГА ВО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 517. Л. 118об.

²⁸ См.: Доклад № 60 с отчетом Вологодского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов за 1895 г. // Журнал губернского земского собрания третьей очередной сессии девятого трехлетия. 1897. С. 231; ГА РФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 6315. Л. 1об.

²⁹ Отчет Вологодского общества... за 1901 г. Вологда, 1902. С. 8.

³⁰ См.: Дриль Д. Наши исправительно-воспитательные заведения и вопросы исправительного воспитания // Журнал министерства юстиции. 1898. № 9. С. 102.

³¹ Труды седьмого съезда представителей русских исправительных заведений для малолетних. М., 1909. С. 300.

³² См.: ГА РФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 6315. Л. 1–1об.

³³ Там же. Л. 5об.

¹ См.: Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2-е. 1866. № 43949. СПб., 1868.

² См.: Вологодское общество земледельческих колоний и ремесленных приютов. Первый годовой отчет Вологодского общества... за 1878–1879 гг. Вологда, 1879. С. 6.

³ См.: Там же. С. 3–4.

⁴ См.: Государственный архив Вологодской области (ГА ВО). Ф. 475. Оп. 1. Ед. хр. 108.

⁵ См.: Общество земледельческих колоний и ремесленных приютов в Вологде // Детская помощь. 1887. № 8. С. 257–258.

⁶ См.: Устав Вологодского исправительно-ремесленного приюта для несовершеннолетних мужского пола. Вологда, 1896.

⁷ См.: ГА РФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 6315. Л. 1–1об.

⁸ См.: Полное собрание законов Российской Империи. 1893. № 9316.

⁹ См.: Вологодское общество земледельческих колоний и ремесленных приютов за 1897 г. Вологда, 1898. С. 4.

¹⁰ См.: Краткий отчет Вологодского общества... за первое полугодие 1887 г. Вологда, 1888. С. 8.

¹¹ См.: Там же.

¹² См.: Десятый отчет Вологодского общества... за 1883 г. Вологда, 1884. С. 16.

¹³ ГА РФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 6315. Л. 4об.–5.

¹⁴ См., напр.: Отчет совета Вологодского общества... за 1888 г. Вологда, 1889. С. 35–36.

¹⁵ См.: Отчет совета Вологодского общества... за 1893 г. Вологда, 1894. С. 20.

¹⁶ См.: Краткий отчет Вологодского общества... за первое полугодие 1887 г. Вологда, 1888. С. 6.

¹⁷ См.: ГА РФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 6315. Л. 5.

¹⁸ См.: Девятый отчет Вологодского Общества... за 1892 г. Вологда, 1893. С. 30–32; Одиннадцатый отчет... за 1894 г. Вологда, 1895. С. 8–9 и др.

¹⁹ См., напр.: Отчет совета Вологодского общества... за 1896 г. Вологда, 1897. С. 13.

²⁰ См.: Труды четвертого съезда представителей русских исправительных заведений для малолетних. М., 1896. С. 109.

²¹ См., напр.: Вологодское общество... Отчет за 1886 г. Вологда, 1887. С. 7.

²² См.: Тюремный вестник. 1896. № 9. С. 496.

²³ См.: ГА ВО. Ф. 879. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

²⁴ См.: Отчет совета Вологодского общества... за 1892 г. Вологда, 1893. С. 53.

²⁵ См.: Тюремный вестник. 1902. № 1. С. 112.

²⁶ См.: Краткий отчет Вологодского общества... за 1-е полугодие 1887 г. Вологда, 1888. С. 9.

²⁷ См.: ГА ВО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 517. Л. 118об.

²⁸ См.: Доклад № 60 с отчетом Вологодского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов за 1895 г. // Журнал губернского земского собрания третьей очередной сессии девятого трехлетия. 1897. С. 231; ГА РФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 6315. Л. 1об.

²⁹ Отчет Вологодского общества... за 1901 г. Вологда, 1902. С. 8.

³⁰ См.: Дриль Д. Наши исправительно-воспитательные заведения и вопросы исправительного воспитания // Журнал министерства юстиции. 1898. № 9. С. 102.

³¹ Труды седьмого съезда представителей русских исправительных заведений для малолетних. М., 1909. С. 300.

³² См.: ГА РФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 6315. Л. 1–1об.

³³ Там же. Л. 5об.

УДК 316.6:343.8

Адаптация личности осужденных к условиям отбывания наказания в исправительном учреждении как психолого-педагогическая проблема

Н.А. ТЮГАЕВА – профессор кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

В статье предпринята попытка определить понятие и раскрыть сущность процесса адаптации осужденных к условиям отбывания наказания в исправительных учреждениях в целях правильного использования термина «адаптация».

Ключевые слова: адаптация; адаптивная способность; адаптивная ситуация; признаки и стадии адаптации; адаптированность.

Adaptation of the convicts personality to the conditions of serving the sentence in prison as a psychological and pedagogical problem

N.A. TYUGAEVA – Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogics of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Professor, Honored Worker of Higher School

The article attempts to define the concept and reveal the essence of the process of convicts adaptation to the conditions serving their sentences in prisons with a view to the proper use of the term «adaptation».

Key words: adaptation; adaptive capacity; adaptive situation; features and stages of adaptation; adaptability.

Слово «адаптация» в переводе с латинского означает «приспособление». Данный термин возник в биологической науке в середине XIX в. для обозначения приспособления живого организма (в том числе и человеческого) к условиям существования. Философы определяют адаптацию как процесс приспособления системы к условиям внешней и внутренней среды¹. С появлением кибернетики данное понятие стало применяться и при изучении социальных и технических систем. Так, в педагогической науке адаптация означает приспособление организма к условиям существования², а в психологической – строения и функций организма, его органов и клеток к условиям среды³.

Следует, однако, отметить, что применительно к человеку и обществу это понятие имеет ограниченные возможности, так как оно отражает главным образом реактивное поведение, связанное с приспособлением к окружающей среде, а не активным и целенаправленным ее преобразованием. Это

во-первых. Во-вторых, термин «адаптация» стал употребляться в социологии, социальной психологии, юриспруденции, педагогике совсем недавно, а в биологии и медицине он имеет уже большую историю применения, поэтому несет определенную «методологическую нагрузку» по отношению к более узким, специальным терминам. Он наделен социальным содержанием с сохранением некоторых биологических характеристик.

Таким образом, анализ приведенных выше определений адаптации в разных науках позволяет выделить сущность этого феномена как процесс приспособления индивида к условиям среды и как результат этого процесса.

Изучение научной литературы свидетельствует о том, что рассматриваемый термин не получил однозначного употребления. Одни авторы слишком широко его трактуют, идентифицируя с понятием социализации (Б.Г. Рубин, Ю.С. Колесников, Г.П. Медведев и др.), другие сводят к актам приспособительных механизмов (Т. Шибутани), третьи

рассматривают адаптацию как привыкание, эмоциональный покой (Р.Х. Шакуров) и т.п. Иногда в зависимости от контекста вместо термина «адаптация» пользуются заменяющими его словами: «приспособление», «уравновешивание», «соответствие», «актуализация», «восприятие норм и идеалов», «вживание», «вхождение», «идентификация», «приобщение» и др.

Естественно, каждое из названных слов используется в разговорной речи и в быту, но термин «адаптация» является научным. Применять его необходимо правильно, в соответствии с адаптивной ситуацией, которая характеризуется изменением в социальной среде или переходом личности из одной социальной среды в другую, чем-либо для нее новую. Одна из таких ситуаций возникает, когда человек, совершивший уголовное преступление, поступает в исправительное учреждение для отбывания наказания, назначенного судом.

Воздействие общества на осужденного опосредовано теми условиями, в которых он живет, работает, учится. Человек, изолированный от общества, попадает в необычные, не свойственные ему условия, так как лишение свободы является неестественным состоянием для человека. Находясь в исправительном учреждении, осужденный утрачивает некоторые социально полезные связи, навыки, привычки в силу, во-первых, самого факта лишения свободы, во-вторых, определенного вида режима учреждения. Особенно показательно это в отношении лиц, осужденных к длительным срокам отбывания наказания, когда режим этого наказания изменяет весь образ жизни человека.

Физическая изоляция неизбежно влечет за собой в некоторых пределах духовную изоляцию от общества. Но степень духовной изоляции в исправительном учреждении ослабляется путем проведения с осужденными воспитательной работы (культурно-массовая, спортивная работа; встречи с представителями общественности, в том числе со священнослужителями, родственниками; демонстрация видеозаписей, кинофильмов с последующим их обсуждением; а также школьное и профессиональное образование). Таким образом, в условиях лишения свободы человек продолжает социализироваться. Но окружающая среда воздействует на осужденного не механически. Внешние воздействия преломляются через внутренние особенности личности. В условиях социализации происходит и адаптация осужденного к конкретной социальной среде.

В общем процессе исправления (положительные изменения личности) осужденного адаптация выступает как отдельный момент и средство социализации. Кроме того, исследования и практика свидетельствуют о том, что эффективность исправления нарушивших закон во многом зависит от успешности адаптации их к условиям отбывания наказания в исправительном учреждении, поэтому данную проблему педагогически целесообразно решать в первую очередь в самих исправительных учреждениях.

Адаптацию осужденных к условиям отбывания наказания подразделяют на несколько видов: биологическую – приспособление организма к жизни в других климатических условиях, при новом режиме и рационе питания, а также условиям изоляции по половому признаку; социальную – приспособление к режимно-правовым требованиям, новым нормам жизни, труда, учебы, отдыха; социально-психологическую – приспособление к малым группам, коллективам, взаимоотношениям.

Социальную адаптацию осужденных, в свою очередь, делят на позитивную, когда осужденный всесторонне и глубоко адаптировался к положительным влияниям среды; негативную, или антисоциальную, когда осужденный свыкается с условиями лишения свободы и считает их обычными; псевдоадаптацию, когда осужденный знает, как вести себя, но внутренне, в своем сознании не признает этого и, где может, отвергает систему ценностей данной среды, придерживаясь своей прежней; дезадаптацию, когда осужденный не адаптируется ни к положительным, ни к отрицательным влияниям среды и не наблюдается псевдоадаптации. В этом случае человек не может найти своего места в коллективе осужденных колонии. Хотя и редко, но бывают случаи, когда такие лица пытаются совершить побег, самоубийство, членовредительство или становятся психически больными из-за неадаптированности к условиям изоляции от общества, семьи, родственников.

Процесс социально-психологической адаптации личности осужденного в новой среде всегда сопряжен в большей или меньшей степени с трудностями, которые обуславливаются тем, что у человека значительно сужаются рамки общения и возникают отрицательные психические состояния.

В зависимости от типа личности, особенностей характера, темперамента, подготовки и вообще способности приспособляться процесс адаптации будет различным

по направленности, времени и содержанию для каждого осужденного. Направленность адаптации определяют личностные свойства, то есть к чему стремится осужденный, включаясь в новые условия жизнедеятельности. По направленности адаптация может быть осознанной и неосознанной, стихийной, избирательной, иными словами, личность адаптируется к одним влияниям, требованиям, группам и т.п. и не адаптируется к другим, к одним быстрее, к другим медленнее. Более того, адаптация осужденных может проявляться пассивно.

В связи с этим некоторые практические работники, да и подчас ученые, возражают против самого термина «адаптация» на том основании, что он будто бы означает пассивное приспособление осужденного к условиям среды, а не активный процесс воздействия личности на различные факторы окружающей действительности. С этим возражением нельзя полностью согласиться. Хотя слово «адаптация» и означает «приспособление», однако сущность данного процесса не сводится к простому приспособлению. Если рассматривать только одну сторону процесса адаптации осужденных к условиям отбывания наказания – неизбежность приспособления под определенным нажимом, конечно, можно не выйти из рамок биологической адаптации. Но дело заключается в том, что наряду с объективными факторами на процесс адаптации существенное влияние оказывает субъективный фактор. Этот процесс будет тем успешнее, чем полнее и глубже он познан субъектом.

В конечном счете, адаптация личности осужденного к условиям отбывания наказания в исправительном учреждении – это свободно-сознательный, внутренне мотивированный и регулируемый процесс. Он не может быть отождествлен с простым приспособлением. Приспособление здесь связано с активностью со стороны самого осужденного. Это сложный, противоречивый процесс, сопровождающийся изменением личности и ее поведения. Обладая сознанием, человек контролирует процесс своей адаптации, выступает как активно действующая, творческая сила.

Если осужденный активно адаптируется к условиям отбывания наказания, то фактически он сам участвует в процессе своего исправления, становится помощником воспитателя в этом деле. «Человек... – указывал К. Маркс, – делает самую свою жизнедеятельность предметом своей воли и своего сознания»⁴. Поэтому адаптация любого ин-

дивида происходит при активной роли индивидуального сознания, при осознанной необходимости действовать в соответствии с предъявляемыми требованиями.

Успешность процесса адаптации зависит от комплекса объективных и субъективных факторов, прежде всего от того, какое влияние оказал на личность сам факт лишения свободы, какова степень осознания осужденным своей вины за совершенное преступление. Режим отбывания наказания, общественно полезный труд, воспитательная работа, школьное и профессиональное образование включают в себе огромный воспитательный потенциал и преобразующую силу. Тем не менее сотрудник исправительного учреждения, воспитатель осужденных, не вправе ждать положительного эффекта в исправлении осужденных только от факта включения их в общественно полезную деятельность⁵, пассивно следовать за процессом адаптации.

Таким образом, как психолого-педагогический процесс, регулируемый со стороны личности, адаптация осужденных к условиям отбывания наказания выступает объектом управления. Поэтому в целях предупреждения негативной адаптации, псевдоадаптации нужно уметь управлять этим процессом, иными словами, обладать управленческой компетенцией. Суть ее заключается в наличии знаний: процесс адаптации развивается постепенно, поэтапно; в основе такого развития, а значит и исправления, лежит процесс постепенного перевода внешних общественных норм, традиций, ценностей во внутренние, личные установки и ценности, формирования правоупослушного поведения.

Исследование, проведенное автором, позволило выделить следующие этапы адаптации осужденных к условиям отбывания наказания в исправительном учреждении: предварительный (подготовительный), начальная стадия адаптации (поисково-ориентировочная реакция), предадаптационный (неустойчивая адаптация), постадаптационный (реадаптация, ресоциализация).

Предварительный этап особое влияние оказывает на содержание и динамику адаптации, поскольку в этот период осужденного знакомят с новыми условиями жизнедеятельности в учреждении, формируют предпосылки для успешного вхождения в них.

Начальная стадия адаптации характеризуется ориентировочной реакцией на окружающую обстановку. На этом этапе, уже включаясь в общественно полезную дея-

тельность, осужденный расширяет объем информации. Происходят некоторая перестройка психической деятельности, сбалансирование, корректировка получаемых знаний с ранее приобретенным опытом личности. Важно не пропустить этот ответственный период адаптации и педагогически целесообразно использовать его, так как осужденный формирует готовность изменить свою нравственную структуру и поведение.

Особенность предадаптационного этапа в его повышенной напряженности, которая вызывается тем, что именно в этот период происходит непосредственная адаптация к условиям отбывания наказания, коллективам осужденных, воспитателей. На адаптационном этапе наблюдается уже относительная стабилизация положения и поведения осужденного. В сознании адаптирующегося формируется установка действовать лишь в соответствии с режимно-правовыми нормами и требованиями коллектива. На этом, завершающем, этапе позитивной адаптации происходит качественное изменение личности, формируются устойчивые привычки поведения. Дальнейшее совершенствование личности осужденного осуществляется уже

на новом уровне – уровне адаптировавшегося члена коллектива.

Провести четкие границы между этапами адаптации невозможно, так как этот процесс развивается неравномерно, по-своему для каждой личности, в зависимости от индивидуальных способностей и желаний. Каждому этапу присущи специфические психолого-педагогические средства и приемы воздействия как на личность осужденного, так и на окружающую среду, в которой он адаптируется.

Управление процессом адаптации личности осужденных к условиям отбывания наказания – это в то же время и руководство процессом их духовно-нравственного роста. От компетенции сотрудника-воспитателя заметить и направить этот рост, понять его диалектику зависит успех исправления. Устойчивость позитивной адаптации осужденных к условиям отбывания наказания способствует закреплению результатов исправительного воздействия, развитию адаптивных способностей личности, которые проявляются в постпенитенциарный период реадаптации и ресоциализации после освобождения из исправительного учреждения.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Философский словарь. М., 1980. С. 7.

² См.: Педагогический энциклопедический словарь. М., 2002. С. 11.

³ См.: Психология: Словарь. М., 1990. С. 11.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 565.

⁵ См.: Стурова М.П., Тюгаева Н.А. Пенитенциарная педагогика: Курс лекций. Рязань, 2010. С. 77.

¹ Sm.: Filosofskij slovar'. M., 1980. S. 7.

² Sm.: Pedagogičeskij jenciklopedičeskij slovar'. M., 2002. S. 11.

³ Sm.: Psihologija: Slovar'. M., 1990. S. 11.

⁴ Marks K., Jengel's F. Iz rannih proizvedenij. M., 1956. S. 565.

⁵ Sm.: Sturova M.P., Tjugajeva N.A. Penitencijarnaja pedagogika: Kurs lekcij. Rjazan', 2010. S. 77.

УДК 172.1

Гражданственность как междисциплинарная категория и интегративная характеристика личности

Э.В. ЗАУТОРОВА – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;

И.А. МАКЕЕВА – доцент кафедры социальной работы и социальной педагогики Вологодского государственного университета, кандидат педагогических наук, доцент

В статье анализируется понятие «гражданственность» как сложный, многоаспектный феномен интегративного характера и как качество личности, которое не просто фиксирует наличие некоторых характеристик, а демонстрирует определенный уровень зрелости и развитости гражданских свойств.

Ключевые слова: гражданское воспитание; гражданственность; структура и компоненты гражданственности.

Civic consciousness as an interdisciplinary category and integrative personality characteristics

E.V. ZAUTOROVA – Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Associate Professor;

I.A. MAKEYEVA – Associate Professor of the Department of Social Work and Social Pedagogy of the Vologda State University, PhD. in Pedagogics, Associate Professor

The article analyzes the concept of «civic consciousness» as a complex, multifaceted phenomenon of integrative nature and as the feature of person, which is not only captures the presence of certain characteristics, and demonstrates a certain level of maturity and development of civil properties.

Key words: civic education; civic consciousness; structure and components of civic consciousness.

Педагогический процесс призван обеспечить формирование разносторонне образованных, нравственно и социально ответственных граждан, которые могут принимать решения в ситуации выбора, прогнозируя возможные последствия, готовых к сотрудничеству и межкультурному взаимодействию, способных участвовать в развитии экономической, политической и культурно-духовной сфер общества.

Приоритетность гражданского воспитания определена в нормативно-правовых документах в области образования и воспитания (федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», Государственная программа «Развитие образования на 2013–2020 годы», «Национальная доктрина образования в Российской Федерации до 2025 года», Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» и др.). Анализ данных документов позволяет сделать вывод о том, что одной из основных целей образования является воспитание компетентных граждан правового, демократического государства, способных к социализации в условиях гражданского общества, уважающих права и свободы личности, обладающих высокой нравственностью, российской гражданской идентичностью, основанной на базовых национальных ценностях.

Комплексность и всеохватность гражданского воспитания не позволяет локализовать его в какой-либо сфере воспитания (патриотическое, нравственное, духовное и т.д.), приравнять к одной дисциплине, предмету, соотнести с конкретным учреждением. В настоящее время предпринимаются практические шаги к восстановлению отдельных структур системы гражданского воспитания, в частности создаются детские и молодежные организации, объединения, клубы, военно-спортивные лагеря, духовно-просветительские центры, музеи, связывающие свою работу с воспитанием гражданственности, патриотизма, духовно-нравственным развитием молодежи, ориентированные на широкий диапазон программ, инициатив, сфер.

К проблемам гражданского воспитания обращались еще античные философы (Аристотель, Геродот, Демокрит, Платон, Плутарх и др.). Существенную роль в изучении данного феномена сыграло освоение классического социально-педагогического наследия отечественной теории и практики XIX и первой половины XX столетий в области образования и воспитания гражданина (П.П. Блонский, В.А. Луначарский, А.С. Макаренко, В.Н. Сорока-Росинский, В.А. Сухомлинский, К.Д. Ушинский и др.). В исследованиях современных авторов освещены частные аспекты гражданского воспита-

ния: воспитание патриотизма (Н.В. Адаева, Д.Н. Вятлев, М.А. Горбова и др.), формирование гражданской позиции (А.М. Андресюк, М.В. Богомаз, Д.В. Кириллов, Л.Л. Хоружая и др.), гражданской активности (А.В. Богданов, Л.В. Вишневецкая, И.Н. Григорьев и др.), гражданской компетентности (Д.Б. Буянский, В.Г. Журова, В.С. Торохтий и др.).

Междисциплинарная сущность категории «гражданственность» обусловила внимание исследователей целого ряда отраслей.

Философия трактует гражданственность как сложное качество человека, особую характеристику личности. В исследованиях философов (Р.Г. Апресян, А.А. Гусейнов, М.В. Ильин, В.И. Купцов и др.) гражданское воспитание и гражданственность рассматриваются как явления культуры и проявления духовного в человеке.

Правоведение непосредственно не оперирует понятием «гражданственность», а рассматривает категорию «гражданство», понимаемую как правовая принадлежность лица к определенному государству, гражданские права, гражданские нормы (В.А. Белов, Б.С. Гершунский, Д.И. Платонов и др.).

В исследованиях социологов определяются генезис гражданственности, особенности развития гражданского общества, гражданских прав и обязанностей, изучаются гражданские роли, статус и позиция личности. По мнению М.Н. Гендуговой¹, большинство проявлений гражданского бытия исследуется в контексте именно социологического знания, но при этом нужно учитывать, что феномен гражданственности выходит за пределы предметного поля социологии, поскольку представлен в системе не только общественных, но и индивидуальных отношений. В исследованиях С.И. Григорьева, А.А. Давыдова, Т.И. Заславской, Ю.М. Резника гражданственность определяется как особое свойство социально активной, самодостаточной личности, которое обусловлено характером, содержанием исторического, цивилизационного, социокультурного развития.

В политологии гражданственность определяется как способность и готовность выступать в роли гражданина, как высшая добродетель свободного и полноправного участника политического сообщества, которая способствует его приверженности интересам этого сообщества; как активная и сознательная включенность в политическую жизнь сообщества (С.С. Аверинцев, А.А. Айвазян, Ю.А. Левада и др.). Данная

наука рассматривает гражданственность и «гражданские» категории как слагаемые гражданского общества, проявляющиеся в политическом участии (активном или пассивном), а также проблемы гражданской культуры, свободы и необходимости в политических отношениях личности, государства и общества (С.С. Аверинцев, В.Н. Амелин, О.П. Ильин, В.С. Мокрый, Е.Я. Сергеева и др.).

В культурологии исследователями (Э.Я. Баталова, Е.И. Добренко, Д.В. Ольшанский и др.) выделяются сущностные характеристики гражданственности как соотношения динамично развивающейся внешней и внутренней гражданской культуры человека и общества.

Междисциплинарный характер рассматриваемой научной категории проявляется и в понимании ее как личностного качества, которое характеризуется эклектичностью и невозможностью отнесения к какой-либо одной сфере (политической, правовой, нравственной), так как, являясь свойством, качеством гражданина, отражает его множественные ипостаси. Так, гражданственность трактуется как общественно-политическое (С.И. Карпушкин²), социально-политическое (Л.М. Фенева³), социально-правовое (В.К. Шаманова⁴), нравственно-политическое (О.А. Портнова, В.С. Торохтий⁵), нравственно-эстетическое (Т.Н. Османкина⁶) качество.

В России использование понятий «гражданин» и «гражданственность» начинается лишь в XVIII в., хотя зачатки гражданственности (протогражданственность) наблюдались уже в Древней Руси, а изучение данных категорий как научной проблемы началось только в XIX в. А.М. Князев, характеризуя эволюцию гражданского воспитания в России, отмечает, что в период с X по XV в. уже проявляется в определенной форме качество, которое трактуется как «гражданственность», что соотносится со становлением религиозно и государственно ориентированного воспитания граждан, сопряженного с воспитанием преданности, терпимости и покорности государю и церкви⁷.

Л.В. Кузнецова отмечает, что в 20-е гг. XX в. в педагогической науке гражданственность трактовалась как результат гражданского воспитания и ведущее качество гражданина⁸. В последующие десятилетия советского периода общей смысловой детерминантой рассматриваемого понятия выступает долг, совесть, ответственность, честь и достоинство личности⁹. В 80-е гг.

XX в. появляются философские и юридические работы (А.П. Бутенко, Ю.В. Колесниченко, В.Н. Кудрявцева, Е.Л. Лукашева, В.Д. Шадрикова и др.), в которых обосновывается правовая парадигма гражданственности. Последнее десятилетие XX – начало XXI вв. характеризовались появлением большого количества педагогических исследований, в которых гражданственность рассматривалась как сложное социально-психологическое явление, как интегративное качество личности и базовая ценностная ориентация.

Анализ современных исследований позволяет утверждать, что процесс становления гражданственности личности имеет смысл рассматривать только в контексте взаимодействия объективных и субъективных факторов, поскольку данный феномен проявляется в виде индивидуального поведения, но опосредуется социокультурной обстановкой (С.Н. Беккер, Л.Б. Дашидондокова, И.Н. Руссу, И.Г. Трофимова, А.В. Фахрутдинова и др.).

Признание невозможности формирования гражданственности вне социальных условий, с одной стороны, и нераздельности индивидуального и социального – с другой, обуславливает необходимость поиска возможностей гармонизации личных и общественных интересов, нахождения баланса субъект-объектных отношений гражданина и государства для достижения эффективности гражданского воспитания. Данная позиция находит подтверждение в следующих положениях: важна согласованность индивидуальной добродетели и общественной справедливости, в идеале – «согласие отдельных добродетелей человека-гражданина со строем государства в целом»¹⁰; природные задатки ребенка во всей многогранности развиваются лишь на основе обретения личностью ее гражданской сущности, активного и ответственного включения в культурную, духовную жизнь общества¹¹; необходимо гармоничное единство общественного и личного¹², разумное сочетание внутренней свободы и уважения к государственной власти, личных и общественных, всеобщих и частных интересов¹³.

Признавая интеграционный характер гражданственности, некоторые исследователи рассматривают ее сущность через призму какого-либо отдельного качества (качеств), понимаемого как главное, основное (основание), типичное, которое преломляет значение гражданственности. Проведенный анализ научных исследований позволяет

выделить следующие ведущие основания гражданственности:

- активность и ответственность (Л.И. Аманбаева, О.И. Волжина, А.С. Гаязов, Е.В. Известнова, О.П. Омеличкин, В.И. Смирнов и др.);

- сознание и самосознание личности (В.Я. Баркалов, Н.И. Васильев, Г.А. Голубева, И.М. Дуранов, Т.Б. Журавлева, В.И. Золотов, О.Н. Полухин, В.И. Смирнов, Д.С. Яковлева и др.);

- духовно-нравственные качества (Л.М. Архангельский, Л.А. Беляева, Г.А. Голубева, Т.И. Кокорина, А.И. Ореховский, Д.С. Яковлева и др.);

- воля (А.В. Беляев, Н.И. Васильев, Т.Ю. Сайпулаева, И.Л. Судакова, М.А. Якобсон, Д.С. Яковлева и др.);

- эмоции, чувства (Е.В. Бондаревская, Н.И. Васильев, А.С. Гаязов, И.М. Дуранов, И.А. Зимняя, Т.Б. Журавлева, В.А. Слестенин, О.Д. Халтагарова и др.);

- гражданский долг и гражданские обязанности (А.С. Гаязов, И.М. Дуранов, Е.В. Известнова, Л.Г. Коваленко, О.П. Песоцкая, И.Н. Руссу, Н. Узнадзе и др.);

- позиция личности – гражданская, нравственная, правовая, ценностно-мировоззренческая (А.В. Беляев, Б.Т. Лихачев, В.Н. Маркин, О.П. Песоцкая, В.А. Слестенин, О.А. Соколова, Р.Р. Шапирова и др.).

О.В. Заславская считает, что попытки свести гражданственность к какому-либо одному качеству (патриотизм, активность, знания о правах и т.д.) несостоятельны, так как, например, знание своих прав и обязанностей, законов не являет собой пример гражданского отношения к делу, миру, людям и даже к самим себе¹⁴. А.М. Князев отмечает, что в определениях гражданственности, как правило, не фиксируется фактор развития и, более того, его направленность на достижение вершины, или акме, возможна только в контексте акмеологии¹⁵.

Отметим, что набирается довольно большой перечень гражданских качеств и характеристик, которые не всегда равнозначны, их нельзя поставить в один ряд. Анализируя данные дефиниции, важно их дифференцировать, выстроить иерархию качеств, образующих содержательно-логическую структуру гражданственности: первичные качества (качества-характеристики, качества-условия, качества-действия) и качества-результаты.

При этом, опираясь на критерий сформированности, гражданственность можно представить как многоуровневую структу-

ру: низкий уровень – гражданская позиция не сформирована, наличие гражданских качеств прослеживается нечетко, низкая готовность к осуществлению прав и обязанностей гражданина; средний уровень – гражданская позиция и качества на стадии формирования, частичная готовность к осуществлению прав и обязанностей гражданина; высокий уровень – гражданские качества сформированы, активная гражданская позиция, высокая готовность к осуществлению прав и обязанностей гражданина¹⁶.

Проведенный анализ существующих подходов к определению явления гражданственности, их систематизация позволили сформулировать определение данного понятия. Гражданственность – это социально обусловленное, сложно структурированное интегративное развивающееся мета-качество, отражающее сформированность комплекса личностных характеристик (патриотизм, гражданское самосознание, гражданская ответственность, целеустремленность, самостоятельность, организованность, трудолюбие и др.), обеспечивающих готовность к реализации гражданского долга.

Следовательно, гражданственность как качество личности не просто фиксирует наличие определенных характеристик, а демонстрирует определенный уровень зрелости, развитости гражданских свойств.

Признание сложности, многоаспектности, интегративного характера рассматриваемого феномена позволило выделить следующий комплекс устойчивых структурных компонентов гражданственности: зна-

ния, умения, чувства, качества (нравственные – добро, милосердие, справедливость, честность; деловые – самостоятельность, ответственность, дисциплинированность, трудолюбие, активность; правовые – обязанность, право, законопослушность; гражданские – любовь к Родине, гордость за нее, уважение к национальным символам, государственной власти), мотивы, ценности (человек, труд, природа), действия.

Воспитание гражданственности определяется не только субъективными усилиями воспитателей, но, прежде всего, объективным состоянием общества, уровнем развития демократии, гуманности. Основные черты гражданского облика личности закладываются в детском, подростковом, юношеском возрасте на основе опыта, приобретаемого в семье, школе, социальной среде, и совершенствуются на протяжении всей жизни человека.

Таким образом, основной целью гражданского воспитания является воспитание человека, ответственно выполняющего свой гражданский долг и понимающего, что от его действий зависит не только собственная жизнь, но и судьба близких людей, народа и государства. Гражданское воспитание формирует гражданственность – одну из ключевых компетентностей современного человека, характеризующуюся широким спектром личностных характеристик, что позволяет рассматривать данный феномен как особое свойство социально активной и самодостаточной личности, осознающей свою ответственность, место и роль в обществе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Гендугова М.Н. Формирование гражданственности молодежи в современной России: Дис. ... канд. социол. наук. М., 2011.

² См.: Карпушкин С.И. Формирование гражданской и правовой культуры молодежи: Дис. ... канд. философ. наук. М., 1999.

³ См.: Фенева Л.М. Педагогические условия формирования гражданственности старших подростков общеобразовательной школы: Дис. ... канд. пед. наук. Карачаевск, 2006.

⁴ См.: Шаманова В.К. Воспитание гражданственности школьников в учреждениях системы дополнительного образования: Дис. ... канд. пед. наук. Пятигорск, 2005.

⁵ См.: Портнова О.А. Формирование гражданственности обучающихся по программам подготовки квалифицированных рабочих: Автореф. ... канд. пед. наук. Калуга, 2015; Торхтий В.С. Гражданское и патриотическое воспитание в условиях модернизации образования // Гражданином быть обязан: методический портал [Электронный ресурс]. URL: smolpedagog.ru/article/26.html (дата обращения: 28.06.2016).

⁶ См.: Османкина Т.Н. Формирование гражданственности старшеклассников в условиях общеобразовательной школы: Дис. ... канд. пед. наук. Оренбург, 2000.

⁷ См.: Князев А.М. Акмеолого-педагогическая концепция воспитания гражданственности в системе российского образования: Дис. ... д-ра пед. наук. М., 2008.

¹ Sm.: Gendugova M.N. Formirovanie grazhdanstvennosti molodezhi v sovremennoj Rossii: Dis. ... kand. sociol. nauk. M., 2011.

² Sm.: Karpushkin S.I. Formirovanie grazhdanskoj i pravovoj kul'tury molodezhi: Dis. ... kand. filosof. nauk. M., 1999.

³ Sm.: Feneva L.M. Pedagogicheskie uslovija formirovanija grazhdanstvennosti starshih podrostkov obshheobrazovatel'noj shkoly: Dis. ... kand. ped. nauk. Karachaevsk, 2006.

⁴ Sm.: Shamanova V.K. Vospitanie grazhdanstvennosti shkol'nikov v uchrezhdenijah sistemy dopolnitel'nogo obrazovanija: Dis. ... kand. ped. nauk. Pjatigorsk, 2005.

⁵ Sm.: Portnova O.A. Formirovanie grazhdanstvennosti obuchajushhihsja po programmam podgotovki kvalificirovannyh rabochih: Avtoref. ... kand. ped. nauk. Kaluga, 2015; Torhtij V.S. Grazhdanskoe i patrioticheskoe vospitanie v uslovijah modernizacii obrazovanija // Grazhdaninom byt' objazan: metodicheskij portal [Elektronnyj resurs]. URL: smolpedagog.ru/article/26.html (data obrashhenija: 28.06.2016).

⁶ Sm.: Osmankina T.N. Formirovanie grazhdanstvennosti starsheklassnikov v uslovijah obshheobrazovatel'noj shkoly: Dis. ... kand. ped. nauk. Orenburg, 2000.

⁷ Sm.: Knjazev A.M. Akmeologo-pedagogicheskaja koncepcija vospitanija grazhdanstvennosti v sisteme rossijskogo obrazovanija: Dis. ... d-ra ped. nauk. M., 2008.

⁸ См.: Кузнецова Л.В. Становление и развитие гражданского воспитания школьников в России: Дис. ... д-ра пед. наук. М., 2007; Она же. Развитие содержания понятий «гражданственность» и «гражданское воспитание» в истории педагогики (XX век) // Преподавание истории и обществознания в школе. 2006. № 9. С. 10–18.

⁹ См.: Савотина Н.А. Гражданское воспитание студенческой молодежи в современном вузе: Дис. ... д-ра пед. наук. М., 2005.

¹⁰ Платон. Диалоги. М., 1999.

¹¹ См.: Выготский Л.С. Проблемы развития психики: Собр. соч.: В 6 т. / Под ред. А.М. Матюшкина. М., 1983. Т. 3.

¹² См.: Сухомлинский В.А. Как воспитать настоящего человека: педагогическое наследие. М., 1990.

¹³ См.: Карпушкин С.И. Формирование гражданской и правовой культуры молодежи; Фенева Л.М. Педагогические условия формирования гражданственности старших подростков общеобразовательной школы.

¹⁴ См.: Заславская О.В. Гражданское счастье: как воспитать хозяев своей судьбы вместо отличников и хорошистов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.smolpedagog.ru/article%2019.html> (дата обращения: 30.06.2016).

¹⁵ См.: Князев А.М. Акмеолого-педагогическая концепция воспитания гражданственности в системе российского образования.

¹⁶ См.: Кротенко А. Понятие гражданственности и ее развитие через волонтерство [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cloudwatcher.ru/analytics/6/view/53/> (дата обращения: 04.07.2016).

⁸ Sm.: Kuznecova L.V. Stanovlenie i razvitie grazhdanskogo vospitaniya shkol'nikov v Rossii: Dis. ... d-ra ped. nauk. M., 2007; Ona zhe. Razvitie sodержaniya ponjatij «grazhdanstvennost'» i «grazhdanskoe vospitanie» v istorii pedagogiki (XX vek) // Prepodavanie istorii i obshhestvoznaniya v shkole. 2006. № 9. S. 10–18.

⁹ Sm.: Savotina N.A. Grazhdanskoe vospitanie studencheskoj molodezhi v sovremennom vuze: Dis. ... d-ra ped. nauk. M., 2005.

¹⁰ Platon. Dialogi. M., 1999.

¹¹ Sm.: Vygotskij L.S. Problemy razvitija psihiki: Sobr. soch.: V 6 t. / Pod red. A.M. Matjushkina. M., 1983. T. 3.

¹² Sm.: Suhomlinskij V.A. Kak vospitat' nastojashhego cheloveka: pedagogicheskoe nasledie. M., 1990.

¹³ Sm.: Karpushkin S.I. Formirovanie grazhdanskoj i pravovoj kul'tury molodezhi; Feneva L.M. Pedagogicheskie uslovija formirovanija grazhdanstvennosti starshih podrostkov obshheobrazovatel'noj shkoly.

¹⁴ Sm.: Zaslavskaja O.V. Grazhdanskoe schast'e: kak vospitat' hozjaev svoej sud'by vmesto otlichnikov i horoshistov [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.smolpedagog.ru/article%2019.html> (data obrashhenija: 30.06.2016).

¹⁵ Sm.: Knjazev A.M. Akmeologo-pedagogicheskaja koncepcija vospitaniya grazhdanstvennosti v sisteme rossijskogo obrazovanija.

¹⁶ Sm.: Krotenko A. Ponjatie grazhdanstvennosti i ee razvitie cherez volonterstvo [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.cloudwatcher.ru/analytics/6/view/53/> (data obrashhenija: 04.07.2016).

УДК 372.862:004.056:343.8

Вопросы методического сопровождения курсов «Информационная безопасность» и «Информационное обеспечение государственных закупок» в системе вузовского ведомственного образования

А.А. БАБКИН – старший преподаватель кафедры информатики и математики ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент;

Д.Ю. КРЮКОВА – старший преподаватель кафедры информатики и математики ВИПЭ ФСИН России, кандидат технических наук;

О.А. ПАНФИЛОВА – начальник кафедры информатики и математики ВИПЭ ФСИН России, кандидат технических наук

В статье рассматриваются некоторые вопросы методического и дидактического построения и сопровождения дисциплин информационного блока в ведомственном вузе ФСИН России, делается акцент на необходимости формирования информационной компетентности как важной составляющей профессиональной компетентности курсанта, слушателя ведомственного вуза, приводятся результаты исследования с использованием сравнительного метода оценивания удовлетворенности респондентов.

Ключевые слова: вузовское образование; информация; информационное обеспечение; данные; информационная безопасность; компетентность; методическое сопровождение; электронная подпись.

Questions of methodical support of the course «Information Security» and «Information support of state procurements» in the system of higher departmental education

A.A. BABKIN – Senior Lecturer of the Department of Informatics and Mathematics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Pedagogics, Associate Professor;

D.YU. KRYUKOVA – Senior Lecturer of the Department of Informatics and Mathematics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Technics;

O.A. PANFILOVA – Head of the Department of Informatics and Mathematics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Technics

An important component of professional competence of cadet, listener of departmental university is informational competence, which involves the development of skills to use modern software tools, know the basics of information security required in the professional activity of employees of law-enforcement system. This article discusses some of the methodological and didactic questions of construction and maintenance disciplines information unit in the departmental institute of the Federal Penal Service of Russia. In conclusion there are the results of the study using the comparative method of evaluation of respondents' satisfaction.

Key words: university education; information; information support; data; information security; competence; methodological support; electronic signature.

Одной из задач современного высшего образования является подготовка человека к жизни в информационном обществе, обществе XXI в. Для этого он должен уметь не только справляться с большим объемом данных, но и ориентироваться в безграничных просторах, предоставляемых современными средствами обмена, хранения, передачи информации. Сама же информация в большей мере становится стратегическим ресурсом государства, производительной силой и дорогим товаром. Это не может не вызывать стремления государств, организаций и отдельных граждан получить преимущества за счет овладения информацией, не доступной оппонентам, а также за счет нанесения ущерба информационным ресурсам противника (конкурента) и защиты своих источников. Поэтому национальная безопасность Российской Федерации существенным образом зависит от обеспечения безопасности информационной, и в ходе технического прогресса эта зависимость будет усиливаться.

Общество предъявляет повышенные требования к качеству подготовки студента, курсанта, слушателя, который должен обладать необходимыми знаниями в своей профессиональной (предметной) области и владеть умениями их комплексного приме-

нения, то есть быть профессионально компетентным.

Одной из важнейших составляющих профессиональной компетентности курсанта, слушателя ведомственного вуза является информационная компетентность, которая предполагает умение работать с компьютерной техникой, использовать современные программные средства, знать основы информационной безопасности (в том числе на объектах уголовно-исполнительной системы) в профессиональной деятельности сотрудника ФСИН России.

Вологодский институт права и экономики занимается подготовкой специалистов и бакалавров для органов и учреждений Федеральной службы исполнения наказаний. Из общего числа дисциплин в области информационно-коммуникационных технологий для курсантов и слушателей, обучающихся по специальности 40.05.02 «Правоохранительная деятельность», необходимо выделить курс «Информационная безопасность».

Обучение использованию методов и средств информационной безопасности является важнейшим направлением подготовки специалистов для уголовно-исполнительной системы. Для изучения различных аспектов применения информационных технологий и средств информационной без-

опасности в будущей профессиональной деятельности в стандарт специальности включено незначительное количество дисциплин естественно-научного блока. При этом требования ФГОС ВПО к уровню подготовки выпускника по дисциплине «Информационная безопасность» включают широкий набор умений и навыков специалиста: работать с различными источниками информации, информационными ресурсами и технологиями, применять основные методы защиты информации, использовать автоматизированные системы информационной безопасности, соблюдать требования правовых актов в области защиты государственной тайны, обеспечивать соблюдение режима секретности. Кроме того, необходимо учитывать, что у слушателей и курсантов, обучающихся по специальности «Правоохранительная деятельность», где доминируют гуманитарные дисциплины, часто отсутствует мотивация к освоению дисциплин информационно-технического профиля.

Основное внимание мы обращаем на изучение вопросов борьбы с компьютерными преступлениями, их экспертизы и расследования, защиты от информационно-психологического воздействия на человека через технические системы и средства массовой информации, а также на организационные, оперативные, правовые и психологические аспекты обеспечения информационной безопасности¹.

Изучение курса «Информационная безопасность» представляется важным с позиции формирования системного мышления. Содержание дисциплины направлено на технологии обеспечения информационной безопасности в открытых системах социальных связей и психологических отношений², которые, динамически взаимодействуя с окружающим миром, стремятся к усложнению структуры и дифференциации.

Актуальными для изучения представляются вопросы, связанные с методическим построением и обеспечением курса «Информационная безопасность» для слушателей заочной формы обучения, потому что количество аудиторных часов на курс для них ограничено – 8 ч (из них 4 ч отводится на лекции, 4 ч – на практические занятия). Основная работа слушателей-заочников направлена на самостоятельное изучение литературных и интернет-источников, выполнение контрольной работы и подготовку к итоговому зачету. В связи с этим возрастает роль методического обеспечения этой дисциплины.

Рассматриваемая дисциплина преподается на втором курсе. Основными задачами являются расширение знаний обучаемых в информационном поле, возможность применения полученных умений и навыков при выполнении практических задач.

Необходимым условием сдачи итогового зачета является выполнение контрольной работы. При этом слушатель должен показать умение обобщать изучаемый материал и анализировать его. Работа состоит из двух теоретических и одного практического задания, которые выполняются на ЭВМ и предоставляются преподавателю в распечатанном виде и на электронном носителе.

При оформлении контрольной работы слушателям необходимо соблюдать определенные правила. В теоретической части они формулируют ответы на вопросы, соответствующие своему варианту, иллюстрируют ответ несколькими рисунками, разместив их в тексте. Вопросы к теоретическим заданиям подбираются в соответствии с требованиями рабочей программы и ФГОС ВПО по дисциплине (например, «Технологии защиты информации от случайных угроз. Создание отказоустойчивых компьютерных систем»). Практическое задание контрольной работы посвящено созданию электронной подписи в документе.

При переходе на электронный документооборот встает вопрос авторства документа, достоверности и защиты от искажений. Наиболее удобным средством защиты электронных документов от искажений, позволяющим при этом однозначно идентифицировать отправителя сообщения, является электронная подпись.

Согласно федеральному закону³, электронная подпись – информация в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным образом связана с такой информацией и которая используется для определения лица, подписывающего информацию. Ключ электронной подписи – уникальная последовательность символов, предназначенная для создания электронной подписи. Электронная цифровая подпись является наиболее перспективным и широко используемым в мире способом защиты электронных документов от подделки и обеспечивает высокую достоверность сообщения.

В задании для контрольной работы подробным образом разбирается алгоритм создания электронной подписи, приводятся примеры. После чего слушателю предла-

гается сначала создать собственный цифровой сертификат средствами MS Office, а затем подписать файл с помощью электронно-цифровой подписи, используя изученные алгоритмы. Таким образом, слушатели знакомятся с одним из вариантов требований информационной безопасности и организуют защиту текстового документа с помощью электронной подписи.

Методы криптозащиты, шифрование, электронная подпись изучаются не только курсантами различных специальностей и направлений подготовки в процессе освоения дисциплин «Информатика и информационные технологии в профессиональной деятельности», «Информационная безопасность» и др., но и слушателями факультета повышения квалификации.

С 2014 г. кафедра информатики и математики института осуществляет подготовку сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы по программе «Сотрудники, ответственные за выполнение закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных нужд», которая разработана в соответствии с Федеральным законом от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»⁴.

Возможны два режима закупок: за счет средств субсидий, выданных на выполнение госзадания (осуществляются по правилам федерального закона от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ) и за счет самостоятельно заработанных средств от приносящей доход деятельности, за счет грантов (в рамках федерального закона от 18.07.2011 г. № 223-ФЗ⁵).

В рамках федерального закона от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ появились новые виды контроля, расширены полномочия контрольных органов, предусматривающие переход заказчиков на качественно иную профессиональную основу.

Сотрудники территориальных органов, прибывающие на курсы повышения квалификации, в течение трех недель посещают занятия по разработанной программе в объеме 144 ч, в которую включен курс «Информационное обеспечение государственных закупок». В рамках данного курса изучается федеральный закон от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ: с точки зрения информационного обеспечения рассматривается проблемная область данного вида обеспечения госзакупок, вместе со слушателями исследуется весь жизненный цикл осуществления закупки в электронном виде (оформ-

ление электронной документации, работа на электронных торговых площадках, применение электронных подписей, работа на общероссийском официальном сайте государственных закупок). Слушателям даются основы криптографической защиты информации, механизмы формирования открытых и закрытых ключей, способы безопасной авторизации и хранения персональных данных в современных информационных системах.

По окончании обучения нами было организовано анкетирование, которое проводилось в трех группах слушателей – сотрудников ФСИН России (выборка из 45 респондентов) в период с октября 2015 г. по февраль 2016 г.

Выделим основные замечания, пожелания, рекомендации, высказанные слушателями в анкетах:

- введение в практический курс изучения работы в личном кабинете участника государственной закупки на сайте zakupki.gov.ru;
- расширение работы с оформлением и ведением электронной документации по госзакупкам, основами электронного документооборота;
- применение реальной цифровой подписи для подписания электронной документации на сайте госзакупок, генерация цифровой подписи, работа с сертификатами;
- выполнение конкретных задач на портале госзакупок в личном кабинете;
- работа с электронными торговыми площадками в реальном масштабе времени;
- установка, настройка, практическое использование программы Crypto Pro;
- практическое занятие по подготовке и проведению виртуальной закупки «под ключ»;
- проведение расчета начальной максимальной цены контракта и других расчетов в онлайн калькуляторе;
- изучение электронной базы данных Минфина России «Электронный бюджет», предназначенной для обеспечения прозрачности, открытости и подотчетности деятельности государственных органов и органов управления государственными внебюджетными фондами⁶;
- повышение пользовательского уровня администрирования компьютера.

Представленные в табл. 1 результаты обработки анкет разных потоков слушателей за 2015 и 2016 гг. позволяют судить о качестве преподавания и правильности выбранных нами методик и тем.

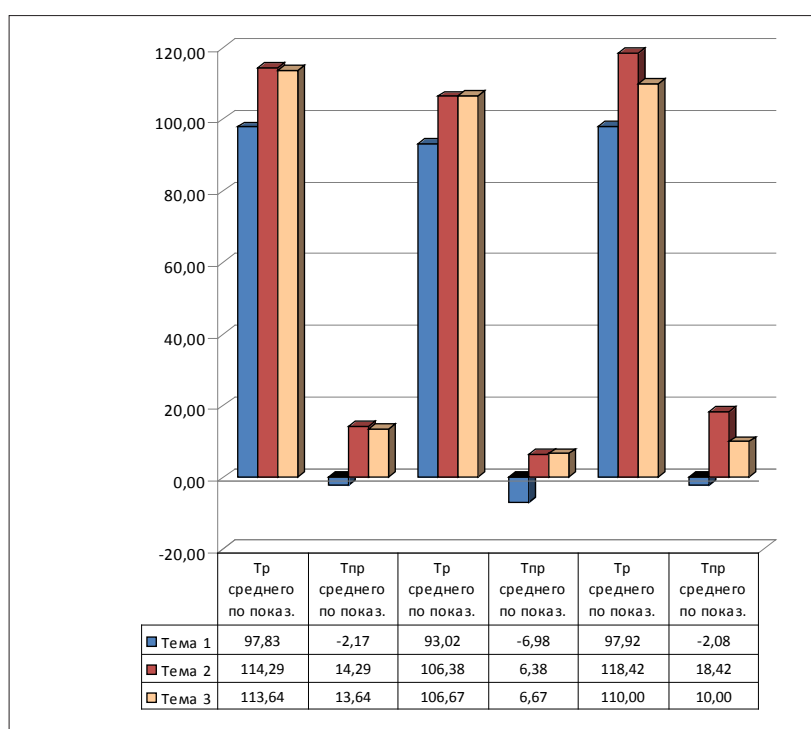
Таблица 1

	Удовлетворенность содержанием (5-балльная шкала)				Практическая направленность (5-балльная шкала)				Форма и организация занятий (5-балльная шкала)			
	Средняя оценка		Среднее квадратичное отклонение		Средняя оценка		Среднее квадратичное отклонение		Средняя оценка		Среднее квадратичное отклонение	
	2015 г.	2016 г.	2015 г.	2016 г.	2015 г.	2016 г.	2015 г.	2016 г.	2015 г.	2016 г.	2015 г.	2016 г.
Тема 1. Электронный документооборот УИС. Российское электронное правительство	4,6	4,5	0,2	0,1	4,3	4	0,1	0,2	4,8	4,7	0,4	0,3
Тема 2. Защита информации	4,2	4,8	0,5	0,1	4,7	5	0,3	0,1	3,8	4,5	0,1	0,2
Тема 3. Единая информационная система. Сайт госзакупок	4,4	5	0,3	0,2	4,5	4,8	0,1	0,2	4,0	4,4	0,2	0,1

Используя сравнительный метод оценивания удовлетворенности слушателей разных потоков набора в 2015 и 2016 гг., можно отследить положительный прирост показателей среднего по темам 2 и 3, что свидетельствует о возрастании интереса слушателей к проблеме безопасности хранения,

передачи, разграничения прав доступа к данным. На диагр. 1 представлены графики темпов роста и темпов прироста показателей из табл. 1 для разных групп слушателей, обучающихся за период с октября 2015 г. по февраль 2016 г. (где Тр – темп роста показателя, Тпр – темп прироста показателя).

Диаграмма 1

В завершении отметим, что при подготовке и проведении учебных занятий по дисциплине «Информационное обеспечение государственных закупок» с группами слушателей курсов повышения квалифика-

ции мы встретились с определенными техническими и практическими проблемами. Для их решения, а также учитывая пожелания слушателей, требуется: во-первых, создание объемной базы методических

материалов по курсу, направленных на обучение слушателей, получение результатов в практической плоскости, привлечение практических работников, а также дальнейшее развитие практического обучения на базе института; во-вторых, организация работы с большинством программных оболочек и сред (Crypto Pro, БД «Электронный

бюджет» и др.) в реальном времени и широкое применение электронных тренажеров и обучающих комплексов на условных денежных единицах. Также считаем полезным внедрение учебных электронных подписей при создании тренировочных аккаунтов на электронных торговых площадках.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Белов Е.Б. Траектории образования в области информационной безопасности // Информационная безопасность. 2007. № 2. С. 32–33.

² См.: Овчинский А.С. Концепция информационной безопасности правоохранительной сферы в парадигме открытых систем // Информационные технологии, связь и защита информации МВД России. 2011. С. 50–51.

³ См.: Федеральный закон от 06.04.2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Там же.

⁵ См.: Федеральный закон от 18.07.2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // Там же.

⁶ См.: URL:<http://www.minfin.ru/ru/performance/ebudget/> (дата обращения: 05.08.2016).

¹ См.: Belov E.B. Traektorii obrazovaniya v oblasti informacionnoj bezopasnosti // Informacionnaja bezopasnost'. 2007. № 2. S. 32–33.

² См.: Ovchinskij A.S. Konceptija informacionnoj bezopasnosti pravoohranitel'noj sfery v paradigme otkrytyh sistem // Informacionnye tehnologii, svjaz' i zashhita informacii MVD Rossii. 2011. S. 50–51.

³ См.: Federal'nyj zakon ot 06.04.2011 g. № 63-FZ «Ob jelektronnoj podpisi» // SPS «Konsul'tantPljus».

⁴ См.: Tam zhe.

⁵ См.: Federal'nyj zakon ot 18.07.2011 g. № 223-FZ «O zakupkah tovarov, rabot, uslug otdel'nymi vidami juridicheskix lic» // Tam zhe.

⁶ См.: URL:<http://www.minfin.ru/ru/performance/ebudget/> (data obrashhenija: 05.08.2016).

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ на монографию Р.В. Нагорных «Теоретические основы государственной правоохранительной службы Российской Федерации»

Л.Л. ПОПОВ – академик РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Теоретическая и практическая значимость проблем, связанных с созданием нового вида государственной службы – правоохранительной службы – и развитием самостоятельно правового института по ее обеспечению, для современной науки чрезвычайно велика. Сформировать действенную государственную правоохранительную службу в составе общей системы российской государственной службы – задача сложная и ответственная. В настоящее время предпринимаются определенные шаги на пути ее становления, обсуждаются научные идеи и взгляды, изучается исторический аспект развития данного правового института, анализируются отечественный и мировой опыт в этом направлении, закладываются законодательные основы государственной правоохранительной службы. Однако единой концепции по данному вопросу пока не выработано. В этой связи проведенное Р.В. Нагорных исследование проблемных моментов, связанных с государственной правоохранительной службой в Российской Федерации, и определение перспектив развития данного правового института представляется весьма актуальным.

Необходимо отметить, что автор решил поставленную перед собой задачу с помощью верно подобранной методологии исследования. Представленную работу отличает глубокое понимание исследуемой темы, основательное изучение научных источников, критическое осмысление широкого круга позиций и взглядов. Характер и уровень исследуемых проблем отличается глубиной проработки материала.

Большое внимание в работе уделено рассмотрению основных теоретических и методологических подходов в современном правовом понимании государственной правоохранительной службы, определению основных тенденций в развитии законодательства о государственной правоохранительной службе и перспектив его развития.

Дано авторское определение государственной правоохранительной службы как сложного административно-правового явления, связанного с профессиональной деятельностью граждан по выполнению правоохранительных функций государства в сфере защиты прав и интересов граждан от противоправных посягательств, борьбы с преступностью, охраны общественного порядка, обеспечения личной и общественной безопасности, исполнения решений о привлечении к юридической ответственности, ресоциализации лиц, отбывших наказание, и решению иных сопутствующих социальных вопросов, обладающего организационной структурой и системой, обеспечиваемого самостоятельным правовым регулированием, а также связанного с осуществлением внутриорганизационной деятельности в области кадрового обеспечения правоохранительных органов.

Определены место и роль государственной правоохранительной службы в системе административно-правовых отношений как совокупности особых общественных отношений в сфере защиты прав и интересов граждан от противоправных посягательств, борьбы с преступностью, охраны общественного порядка, обеспечения личной и общественной безопасности, исполнения решений о привлечении к юридической ответственности, ресоциализации лиц, отбывших наказание, и решения иных социальных вопросов. Эти место и роль определяются значимостью административно-правового регулирования в гармонизации публичных и частных интересов, во взаимоотношении государства и его должностных лиц с гражданами. В этой связи в монографии вносится предложение о скорейшем принятии на уровне указа Президента Российской Федерации Концепции государственной правоохранительной службы Российской Федерации.

Положительной оценки заслуживает вывод о том, что основным направлением совершенствования и развития административно-правового регулирования государственной правоохранительной службы рассматривается достижение целостности системы государственной правоохранительной службы, которая может быть обеспечена только нормативным закреплением.

Важным представляется вывод автора о том, что теоретическую и методологическую основу современного понимания государственной правоохранительной службы составляет доктрина интегративного правового понимания, в которой ведущая роль отводится пониманию личности во всех ее рациональных и иррациональных измерениях, то есть, с одной стороны, личность понимается как носитель юридических прав, обязанностей и ответственности, с другой – как совокупность духовно-нравственных начал жизнедеятельности человека. В этой связи государственную правоохранительную службу следует рассматривать не только через призму деятель-

ности по всестороннему удовлетворению потребностей личности в правовой защите, но и через понимание ее защиты в духовно-нравственной сфере. Это подразумевает предъявление особых требований к духовно-нравственным началам самой государственной правоохранительной службы. В этой связи служба должна рассматриваться как совокупность духовных, идейных, идеологических, религиозных и морально-нравственных подходов осуществления правоохранительной деятельности.

Представляется возможным утверждать, что монография будет полезна не только аспирантам и студентам, но и работникам практических органов, а также может использоваться в учебном процессе образовательных учреждений.

ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ

В ВИПЭ ФСИН России состоится международная научно- практическая конференция

11 ноября 2016 г. в Вологодском институте права и экономики ФСИН России проводится международная научно-практическая конференция **«Уголовное наказание в России и за рубежом: проблемы назначения и исполнения (к 10-летию принятия Европейских пенитенциарных правил)»**.

В ходе конференции предполагается обсуждение широкого круга теоретических и прикладных проблем назначения и исполнения уголовных наказаний, предупреждения преступности, исправления осужденных, реформирования пенитенциарных учреждений, совершенствования социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными в пенитенциарных учреждениях. На конференции будет проанализирован отечественный и зарубежный опыт назначения и исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия, социальной адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы.

В работе конференции планируется участие ведущих ученых научных и образовательных организаций ФСИН России, МВД России, сотрудников территориальных органов ФСИН России, органов внутренних дел, суда и прокуратуры, представителей пенитенциарных служб и образовательных организаций Республики Беларусь, Германии, Кыргызстана, Монголии и Словении, общественных организаций.

До начала работы конференции планируется издание сборника статей ее участников.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабкин А.А., старший преподаватель кафедры информатики и математики ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент. E-mail: Aleksei_babkin@mail.ru

Белова Н.А., старший преподаватель кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук. E-mail: nadebelova@yandex.ru

Беляева Л.И., профессор кафедры уголовной политики и организации предупреждения преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации. E-mail: Beliaeva_055@mail.ru

Васильева Я.В., начальник отдела организации научной работы Северо-Западного института (филиала) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). E-mail: yana.vasileva@list.ru

Гаврилов Б.Я., профессор кафедры уголовного процесса, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации. E-mail: profgavrilov@yandex.ru

Головкин Р.Б., заместитель начальника Владимирского юридического института ФСИН России по научной работе, доктор юридических наук, профессор. E-mail: golovkinrombor@mail.ru

Голодов П.В., заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по научной работе, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: ono-vipe@mail.ru

Завитова С.В., начальник кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: kos-svet@mail.ru

Зауторова Э.В., профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент. E-mail: elvirasong@mail.ru

Кимачев А.Н., доцент кафедры организации режима и надзора в УИС Академии ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: kimachevandrei@mail.ru

Копыткин С.А., заместитель начальника центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы Научно-исследовательского института ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: any_key_b1g@mail.ru

Крюкова Д.Ю., старший преподаватель кафедры информатики и математики ВИПЭ ФСИН России, кандидат технических наук. E-mail: magniy@list.ru

Кузьмин С.И., профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации

воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор. E-mail: kuipovro.vipe@mail.ru

Лепщиков А.Н., доцент кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России. E-mail: kuipovro.vipe@mail.ru

Макеева И.А., доцент кафедры социальной работы и социальной педагогики Вологодского государственного университета, кандидат педагогических наук, доцент. E-mail: irinadarina4@yandex.ru

Мельников А.С., преподаватель кафедры физической подготовки Владимирского юридического института ФСИН России. E-mail: ms91sambo@mail.ru

Панфилова О.А., начальник кафедры информатики и математики ВИПЭ ФСИН России, кандидат технических наук. E-mail: panfilovaoa@mail.ru

Первозванский В.Б., ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: pervabor@yandex.ru

Перов С.В., доцент кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: persv17@mail.ru

Попович М.М., доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: marih13@mail.ru

Потапов А.М., начальник кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: potapov.35@list.ru

Рудаков А.М., научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России. E-mail: ono.nil@yandex.ru

Рыжов Э.В., старший помощник руководителя следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Вологодской области (по кадрам). E-mail: kos-svet@mail.ru

Савушкин С.М., начальник кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Кузбасского института ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: savusertom@rambler.ru

Сергеев Д.Н., преподаватель кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета. E-mail: dnse@mail.ru

Спасенников Б.А., профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор. E-mail: borisspasennikov@yandex.ru

Сперанская А.В., старший преподаватель кафедры общей психологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук. E-mail: bersim@mail.ru

Сучкова Е.Л., доцент кафедры организации психологической службы в уголовно-

исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент. Email: elizavetasuchkova@yandex.ru

Тюгаева Н.А., профессор кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации. E-mail: ninashilina87@mail.ru

Федорова Е.М., старший научный сотрудник отдела психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы НИЦ-2 Научно-исследовательского института ФСИН России. E-mail: macromiska@mail.ru

Якушина Е.С., преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала Московского университета МВД России, кандидат юридических наук. E-mail: evgeniya.rybina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Babkin A.A., Senior Lecturer of the Department of Informatics and Mathematics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Pedagogics, Associate Professor. E-mail: Aleksei_babkin@mail.ru

Belova N.A., Senior Lecturer of the Department of Philosophy and History of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in History. E-mail: nade-belova@yandex.ru,

Belyaeva L.I., Professor of the Department of Criminal Policy and Crime Prevention of the Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Dsc. in Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation. E-mail: Beliaeva_055@mail.ru

Fedorova E.M., Senior Researcher of the Department for Psychological Support of Employees of the Penal System of the Research Center – 2 of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: macromiska@mail.ru

Gavrilov B.Ya., Professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Operative Investigation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Honored Lawyer of the Russian Federation, Dsc. in Law, Professor. E-mail: profgavrilov@yandex.ru

Golodov P.V., Deputy Head of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia for Research, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: ono-vipe@mail.ru

Golovkin R.B., Deputy Head of the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia for Science, Dsc. in Law, Professor. E-mail: golovkin-rombor@mail.ru.

Kimachev A.N., Associate Professor of the Department of Organization and Supervision of the Regime in Prisons of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law. E-mail: kimachevandrei@mail.ru

Kopytkin S.A., Deputy Head of the Research Center for Security Issues in the Institutions of Penal System of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law. E-mail: any_key_b1g@mail.ru

Kryukova D.Yu., Senior Lecturer of the Department of Informatics and Mathematics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Technics. E-mail: magniy@list.ru

Kuzmin S.I., Professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicted of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor. E-mail: kuipovro.vipe@mail.ru

Lepshchikov A.N., Associate Professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicted of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: kuipovro.vipe@mail.ru

Makeyeva I.A., Associate Professor of the Department of Social Work and Social Pedagogy of the Vologda State University, PhD. in Pedagogics, Associate Professor. E-mail: irinadarina4@yandex.ru

Melnikov A.S., Teacher of the Department of Physical Training of the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: ms91sambo@mail.ru.

Panfilova O.A., Head of the Department of Informatics and Mathematics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Technics. E-mail: panfilovaoa@mail.ru

Perov S.V., Associate Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law. E-mail: persv17@mail.ru

Pervozvansky V.B., Leading Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: pervabor@yandex.ru

Popovich M.M., Associate Professor of the Department of Civil and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: marih13@mail.ru

Potapov A.M., Head of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicted of the Vologda Institute of Law and Eco-

nomics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: potapov.35@list.ru

Rudakov A.M., Researcher of the Research Laboratory of Organization and Scientific Department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: ono.nil@yandex.ru

Ryzhov E.V., Senior Assistant Head of the Investigation Department of the Investigative Committee of the Russian Federation in Vologda region. E-mail: kos-svet@mail.ru

Savushkin S.M., Head of the Department of Penal Law and Criminology of the Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law. E-mail: savusertom@rambler.ru

Sergeev D.N., Lecturer of the Department of Criminal Law of the Ural State Law University. E-mail: dnse@mail.ru

Spasennikov B.A., Professor of the Department of Civil and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Dsc. in Medicine, Professor. E-mail: borisspasennikov@yandex.ru

Speranskaya A.V., Senior Lecturer of the Department of General Psychology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology. E-mail: ber-sim@mail.ru

Suchkova E.L., Associate Professor of the Department of Organization of Psychological Service in Penal System of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology, Associate Professor. E-mail: elizavetasuchkova@yandex.ru

Tyugaeva O.N., Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogics of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Professor, Honored Worker of Higher School. E-mail: ninashilina87@mail.ru

Vasilyeva Ya.V., Head of the Department of Scientific Work Organization of the NorthWest Institute (branch) O.E. Kutafin University (Moscow State Law Academy). E-mail: yana.vasileva@list.ru

Yakushina E.S., Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD. in Law. E-mail: evgeniya.rybina@mail.ru

Zautorova E.V., Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Associate Professor. E-mail: elvira-song@mail.ru

Zavitova S.V., Head of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal of Russia, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: elvirasong@mail.ru

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ·НАКАЗАНИЕ·ИСПРАВЛЕНИЕ

Выходит четыре раза в год

Учредитель:
ВИПЭ ФСИН России
Главный редактор:
С.В. Бабурин
Ответственный секретарь:
С.П. Середа

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-67019 от 30.08.2016 г.
ISSN 2076-4162

Все права защищены.
Перепечатка материалов только
с разрешения редакции журнала.
Авторские материалы рецензируются
и не возвращаются.
Редакция сохраняет за собой право
производить сокращения
и редакционные изменения рукописи

Адрес редакции:
160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2

Адрес издателя:
160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2

Адрес типографии:
160035, г. Вологда, ул. Зосимовская, 17

Телефоны:
(8172) 51-82-50 (8172) 51-46-12
(8172) 51-98-70
E-mail:
vestnik-vipefsin@mail.ru

© ВИПЭ ФСИН России
Подписано в печать 30.09.2016.
Дата выхода в свет 20.10.2016.
Формат 60x90/8. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12. Заказ № 5652
Тираж 1000 экз.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакционная коллегия выражает уверенность в том, что журнал занимает достойное место среди ведомственных изданий.

Наша готовность освещать актуальные проблемы уголовно-исполнительной системы и других правоохранительных органов, вести дискуссию по наиболее актуальным вопросам в области юриспруденции, пенитенциарной педагогики и психологии, обсуждать практические вопросы деятельности пенитенциарных учреждений расширяет ряды авторов и читателей.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук по трем отраслям науки: 12.00.00 «Юридические науки»; 19.00.00 «Психологические науки»; 13.00.00 «Педагогические науки» (письмо Минобрнауки России о Перечне рецензируемых научных изданий от 01.12.2015 г. № 13-6518).

Мы готовы принять к публикации ваши материалы при их соответствии тематике журнала и соблюдении требований к оформлению.

Решение о публикации материала принимает главный редактор или его заместитель.

Основные требования и порядок предоставления материалов для публикации размещены на сайте vipe.fsin.su

Проводится подписная кампания на научно-практический журнал «Вестник института: преступление, наказание, исправление» по Объединенному каталогу «Пресса России» по индексу 41253 во всех отделениях почтовой связи России. Отпускная цена за минимальный срок подписки (6 месяцев, два номера журнала) – 560 руб. 00 коп., в том числе НДС – 10%.

Условия оформления подписки содержатся в первом томе каталога на страницах, указанных в тематическом и алфавитном указателях каталога. Периодичность издания – 4 раза в год.

Розничная цена – 300 руб. за 1 экземпляр.